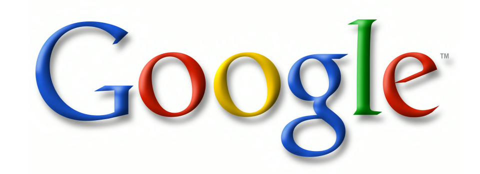
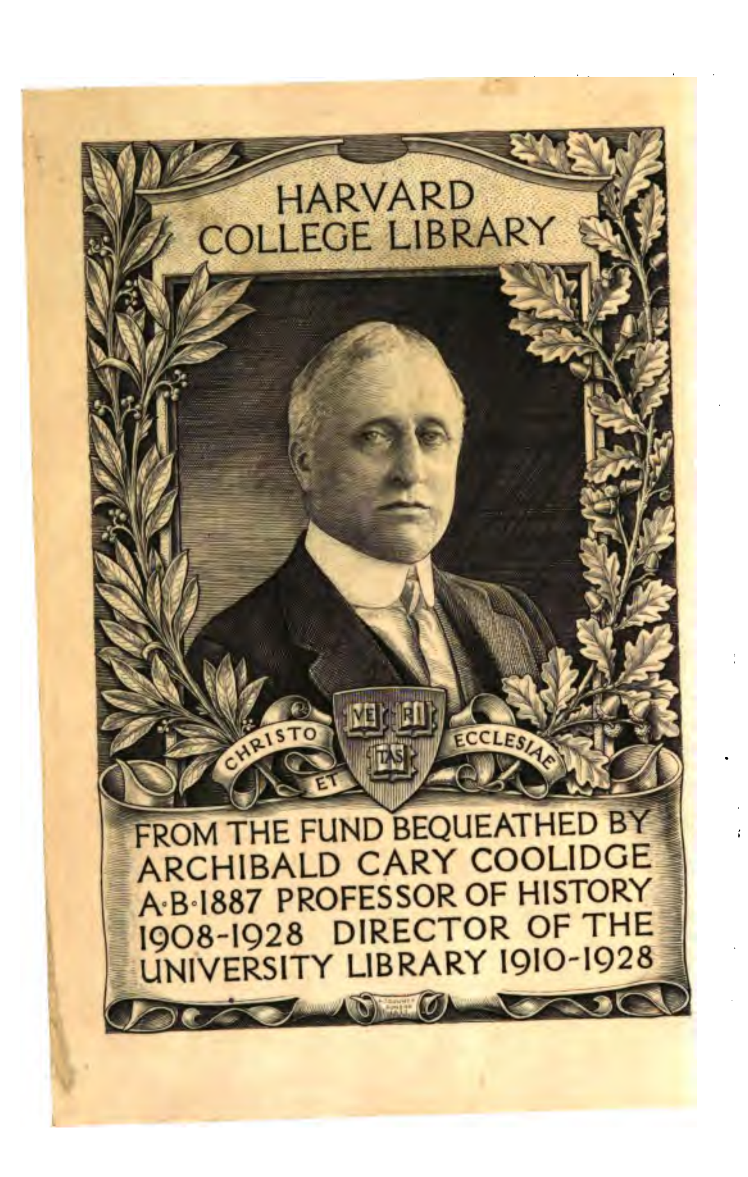



HARVARD
COLLEGE LIBRARY
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ А. МАРТЫНОВА.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНЫ РИСУНКИ:

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, Старая Басманная, д. Мараева.
1883.

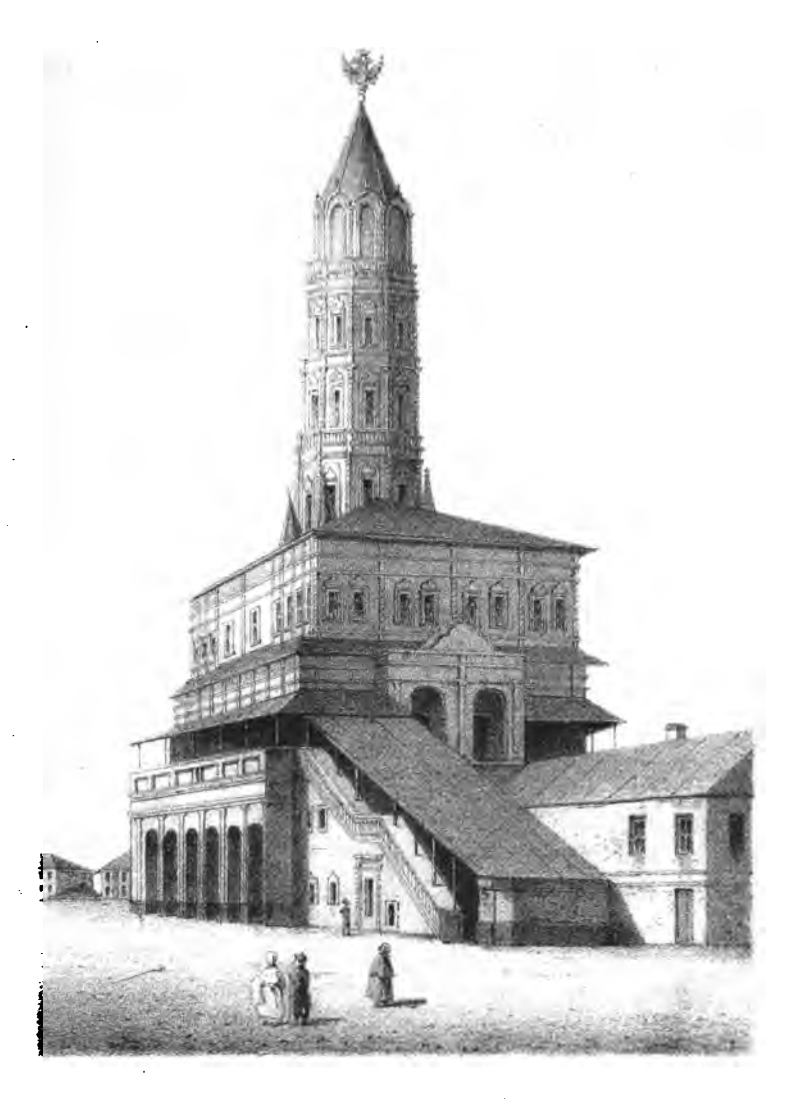
№ 347.

I.

СУХАРЕВА БАШНЯ

ВЪ МОСКВѢ.

Статья И. М. Снегирева.



СУХАРЕВА БАШНЯ
въ Москвѣ.

СУХАРЕВА БАШНЯ ВЪ МОСКВѢ.

Сей памятникъ царствованія Іоанна V и Петра I, знаменитый по своему началу и по отношенію не только къ исторіи Москвы, но и С.-Петербурга, занимаетъ одну изъ высотъ Москвы на прежней ея границѣ, которую составлялъ Земляной валъ въ сѣверо-восточной ея части. Срѣтенская улица начиналась Срѣтенскими воротами въ Скородомѣ, или Земляномъ, нѣкогда Деревянномъ городѣ, и оканчивалась въ Бѣломъ каменномъ городѣ. Изъ 34 воротъ перваго Срѣтенскія заимствовали свое названіе отъ срѣтенія чудотворной иконы Владимірской въ 1395 г. и сообщили его большой улицѣ, которая нынѣ граничитъ урочищемъ другихъ Срѣтенскихъ воротъ, а прежде простиралась до Срѣтенскихъ воротъ въ башнѣ Китай города[1]. У этихъ деревянныхъ воротъ стояла стрѣлецкая караульня, съѣз-

[1] Никольскія, или вѣрнѣе Владимірскія, первоначально называвшіеся Срѣтенскими, ворота находились въ башнѣ Китая города и вели прямо къ Срѣтенскому монастырю; когда же къ этой башнѣ была пристроена церковь Владимірскія Божія Матери въ память срѣтенія чудотворныя Ея иконы, тогда ворота были заложены и устроены въ стѣнѣ новые ворота, названные проломными; нынѣшніе же Никольскія ворота сдѣланы въ первой четверти настоящаго столѣтія.

жая и мытная избы и часовня съ древнимъ образомъ св. Николая чудотворца, донынѣ существующая. Вотъ какія свѣдѣнія имѣются объ этой часовнѣ, полученныя нами изъ дѣлъ Московской Городской Управы: 1693 г. сентября въ 15 день, въ силу указа великихъ государей и великихъ князей, царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, указомъ святѣйшаго патріарха Киръ Адріана велѣно Николаевскаго Перервинскаго монастыря игумену Симону съ братіею, по просьбѣ ихъ для монастырской ихъ скудости за Срѣтенскими воротами, у Землянаго города, въ каменной башнѣ, подлѣ Новомѣщанской слободы построить часовню да келью, для пристанища и прочія нужды какъ пристойно. И въ той часовнѣ для собранія милостыни въ Николаевскій монастырь, что на Перервѣ, сидѣть и въ кельѣ жить того монастыря монаху искусному и добродѣтельному. А какъ сія часовня сперва построена была деревянная и въ продолженіе времени обветшала, то въ 1755 году, въ силу приказанія отъ Главной Полиціймейстерской канцеляріи построена, вмѣсто деревянной, каменная. Она пристроена къ самой башнѣ извнѣ, ѣдучи изъ города по правой сторонѣ, возлѣ самой дороги; въ 1806 году по плану, представленному государю императору Александру I и имъ комфирмованному при возобновленіи Сухаревой башни, и часовня сія, также отъ времени обветшавшая, возобновлена казеннымъ иждивеніемъ, которая существуетъ по настоящее время.

Св. иконы въ сей часовнѣ всѣ древнія, греческаго писанія, изъ нихъ особо чтимыя: Грузинскія Божія Матери и святителя и чудотворца Николая, писанныя на доскахъ, и другая икона святителя Николая, слывущая чудотворною, писанная на полот-

нѣ и постановленная въ окнѣ на проѣздъ снаружи часовни.

Доходы отъ сей часовни передаются на содержаніе дома призрѣнія въ селѣ Островѣ.

Нѣкогда по Земляному валу тянулись Стрѣлецкія слободы, гдѣ жили безсмѣнные ратники, раздѣлявшіеся на приказы, или полки, какъ городская охранная стража, которая, внѣ службы, занималась ремеслами и торговлею. Такихъ приказовъ, по свидѣтельству Котошихина, было въ Москвѣ болѣе двадцати, въ каждомъ отъ 800 до 1000 человѣкъ[2]. Около Срѣтенскихъ воротъ, въ концѣ XVII вѣка имѣлъ свое пребываніе Сухаревъ полкъ, названный по имени полковника его Лаврентія Панкратьева Сухарева; отъ сего и самое урочище это слыло въ *Сухаревѣ*[3]; въ послѣдствіи воздвигнутая тамъ башня прослыла *Сухаревою* въ память этого полка, вѣрнаго престолу государеву. Когда крамольные приказы Стрѣльцовъ 1682 г. возстали для истребленія царскаго семейства: тогда Сухаревъ полкъ, охранявшій юнаго Петра съ матерью и братомъ, сопровождалъ ихъ въ село Преображенское и въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Вѣрной дружинѣ въ 1684 году пожалованы были государями знамена, хранящіяся въ Оружейной палатѣ. На знамени полковника Сухарева написанъ съ одной стороны по золоту на камкѣ образъ Всемилостиваго Спаса съ припавшими къ стопамъ Его св. Николаемъ и преп. Сергіемъ, а съ другой: образа Знаменія Богородицы въ облакахъ и четырехъ святителей Московскихъ. На полковомъ знамени съ одной

[2] *Котошихина* о Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича. Спб. 1840, въ 4.

[3] Дѣла Коллегіи Экономіи въ Государ. архивѣ, 1742 г.

стороны образъ Покрова Богородицы, а надъ нимъ Всемилостивый Спасъ во славѣ, и подпись: «построено сіе знамя въ лѣто 1684». На другой сторонѣ двуглавый орелъ съ именами царей Іоанна и Петра. Полковою церковью Сухарева полка былъ храмъ Св. Троицы на Листахъ; сему же празднику посвящена Петромъ I первая, сооруженная въ крѣпости, церковь 1703 года, при основаніи С.-Петербурга[1].

Въ соцарствованіе Петра I съ братомъ его Іоанномъ, когда уже стрѣлецкое войско обречено было на уничтоженіе и когда найденный юнымъ царемъ въ селѣ Измайловѣ дѣдовскій ботикъ послужилъ основаніемъ Россійскому флоту: тогда предпринято сооруженіе каменныхъ Срѣтенскихъ воротъ съ шатромъ, которые видомъ своимъ походятъ на прежній Адмиральскій корабль съ мачтою; на второмъ ихъ ярусѣ галлереи соотвѣтствуютъ шканцамъ корабельнымъ; восточная сторона — носу, а западная — кормѣ. Тому 190 лѣтъ какъ начато строиться это огромное, величественное и массивное зданіе, которое простой народъ назвалъ *невѣстою Ивана Великаго* и *сестрою Меншиковой башни*; окончено между путешествіемъ Петра I въ Архангельскъ и Азовскимъ его походомъ. Слѣдующая лѣтопись объ основаніи сего памятника высѣчена на двухъ каменныхъ досках, вставленныхъ надъ воротами съ южной стороны: 1. «Повелѣніемъ благочестивѣйшихъ, тишайшихъ, «самодержавнѣйшихъ, великихъ государей, царей и «великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣ«евича всея великія і малыя і бѣлыя Россіи само«держцевъ, по Стрѣлецкому приказу, при сидѣнье въ «томъ приказѣ Ивана Борисовича Троекурова».

---

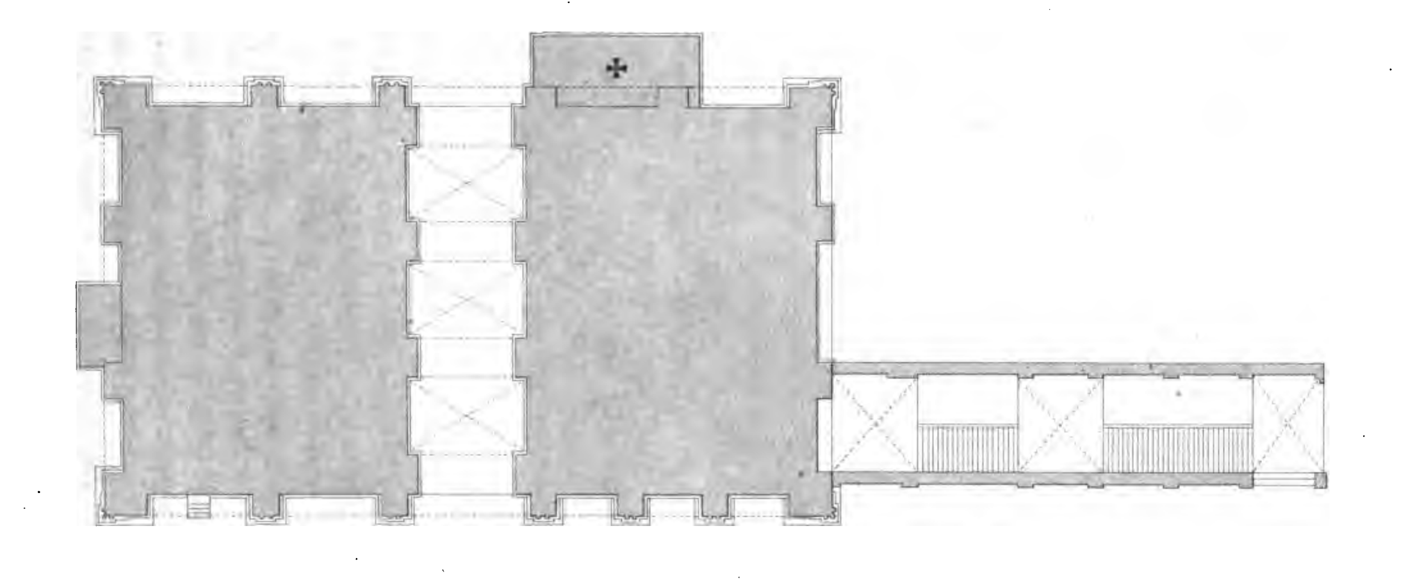
[1] Разряднаго архива книга № 90, стр. 132.

2. «Построены во второмъ Стрѣлецкомъ полку по «Земляному городу Срѣтенскіе вороты, а надъ тѣми «вороты палаты и шатеръ съ часами, а подлѣ воротъ «по обѣ стороны караульныя малыя палаты, да казен«ной анбаръ, а позадь воротъ къ новой Мѣщанской «слободѣ часовня съ кельями къ Николаевскому мона«стырю, что на Перервѣ, а начато то строеніе стро«ить въ лѣто 7200 (1692), а совершено 7203 (1695), «а въ то время будущаго у того полку стольника и «полковника Лаврентія Панкратьева сына Сухарева».

Съ 1698 по 1701 г., какъ значилось въ дѣлахъ Сухаревскаго архива, ворота сіи были достроиваемы; вѣроятно, тогда сооружена надъ воротами башня, нѣсколько различествующая своимъ зодчествомъ отъ палатъ.

Зданіе это состоитъ собственно изъ трехъ частей: воротъ, надъ ними палатъ и осмигранной башни, въ четыре пояса, съ четырьмя вокругъ ея башенками; верхъ ея пирамидальнаго шатра увѣнчанъ двуглавымъ орломъ. Въ срединѣ нижняго яруса занимаемаго казармами, проѣздъ соединяетъ Срѣтенскую улицу съ первою Мѣщанской; въ толстыхъ стѣнахъ проѣзда желѣзные крюки обозначаютъ существованіе двухъ воротъ, которые на ночь запирались. Съ лицевой стороны въ нижнемъ ярусѣ четыре, а съ обратной пять кружалъ, или глухихъ арокъ, которыя, по видимому, прежде были пролетными и проѣзжими. Надъ воротами палаты въ два яруса: первый ярусъ подъ ними окруженъ крытою галлереей, или парапетомъ, надъ которымъ съ восточной и западной стороны двойные порталы съ кокошниками; съ восточ-

кой стороны на галлерею ведетъ каменная ступенчатая лѣстница съ рампомъ, въ видѣ наклоненной плоскости, для втаскиванія наверхъ и для спуска внизъ разныхъ тяжестей. Въ этомъ ярусѣ находятся двѣ обширныя залы подъ сводами, раздѣленныя корридорами, также какъ и въ третьемъ ярусѣ: до 1806 года въ нихъ помѣщалось присутствіе Московской конторы Адмиралтейской коллегіи, заготовлявшей матеріалы для Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ, а потомъ магазинъ суконъ и прочихъ мундирныхъ матеріаловъ, принимаемыхъ Московскимъ Коммисіонерствомъ. Теперь въ залѣ на восточной сторонѣ, съ 1829 г. устроено, по плану г. Янишa, посредствомъ паровой машины, водохранилище (резервуаръ) изъ чугунныхъ плитъ, свинченныхъ и спаянныхъ, длиною $36^1/_2$, шириною $25^1/_2$, а глубиною $3^1/_2$ фут. Оно вмѣщаетъ въ себѣ до 7000 ведръ воды, которую принимая въ себя изъ водопровода Большихъ Мытищъ, за 15 верстъ отъ столицы, проводитъ черезъ чугунныя трубы въ Московскіе бассейны и фонтаны для продовольствія жителей: вода же посреди бассейна бьетъ изъ металлическаго сосуда, осѣненнаго Россійскимъ гербомъ. Въ другой залѣ на западъ, гдѣ прежде помѣщалась Адмиралтейская контора, устроенъ второй резервуаръ, который доставляетъ воду въ восточную и сѣверную часть Москвы. Въ другомъ ярусѣ, на одной сторонѣ находилась, такъ называемая, Рапирная зала, а на другой — Архивъ бывшей Московской Адмиралтейской конторы, подлѣ него магазинъ и цейхгаузъ. Покои сіи прежде занимаемы были Морскою академіей. Въ октябрѣ 1755 года въ порожнихъ верхнихъ палатахъ Сухаревой башни, удобныхъ для засѣданія, помѣщена была Контора канце-



ПЛАНЪ СУХАРЕВОЙ БАШНИ.

Лит. К. Эрготъ.

ляріи отъ строенія государственныхъ дорогъ [5]. Въ то время въ нижнихъ аппартаментахъ кладется провіантъ и прочіе адмиралтейскіе припасы, въ среднихъ въ одной контора, гдѣ имѣется денежной казны немалая сумма, во второй караульные солдаты и колодники, въ третьей архивъ и хранятся всякіе инструменты [6].

Третій этажъ, скрытый снаружи, служитъ только переходомъ во внутренность самой башни, или шатра, изъ коего идетъ деревянная винтообразная лѣстница вверхъ къ шпилю подъ самый гербъ; тамъ изъ слуховыхъ оконъ шатра открывается вся дивная панорама огромной и разнообразной Москвы во всемъ ея необъятномъ величіи, чудной красотѣ и широкомъ раздольѣ.

Вышина всей башни, отъ подошвы до герба, 30 саженъ; ширина при подошвѣ 19 саженъ 1 аршинъ; длина 11 саженъ, $1^{3}/_{4}$ аршина, кромѣ крытой ступенчатой лѣстницы ко входу.

Стиль зданія представляетъ смѣсь Ломбардскаго съ Готическимъ. По видимому, образцемъ его служили Аугсбургская и Амстердамская старыя ратуши. Прочность строенія соединена съ величіемъ и красивостью; въ толстыхъ его стѣнахъ и сводахъ связи изъ брусковаго желѣза. Кирпичи крѣпостные, тяжеловѣсные, хорошо обожженые; цоколь изъ бѣлаго камня. На углахъ, аркахъ, фасадѣ, окнахъ и дверяхъ архитектурные орнаменты разныхъ стилей: узорчатыя и витыя колонны, фризы, архивольты, валики, сандрики, рустики, раковины, сухарики, углубленные балюстрады изъ бѣлаго

---

[5] см. Журналы и протоколы Моск. сенатской конторы за ноябрь и декабрь 1755 года, № 137, 7641, № № дѣлъ 1178.

[6] и 1197.

камня, или лекальнаго кирпича; а въ одномъ мѣстѣ подъ лѣстницею и на верхнемъ поясѣ башни вставлено нѣсколько цвѣтныхъ кахелей съ изображеніемъ двуглаваго орла подъ двумя коронами; такими гербами, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ прежде было украшено сіе зданіе. Грани башни оканчиваются мысообразными теремками, или Мавританскими перемычками. Въ срединѣ ея видно мѣсто, гдѣ до 1812 г. стояли часы, сдѣланные въ 1695 году, для этой части города. Съ сѣверной стороны надъ воротами поставленъ образъ преподобнаго Сергія, какъ покровителя Россійской артиллеріи и указателя пути къ его св. обители, сохранившей въ стѣнахъ своихъ юнаго Петра I; съ южной стороны образъ Казанской Богоматери, избавительницы Москвы отъ враговъ въ 1612 году и покровительницы С. Петербурга. Подъ надворотными иконами флотскій гербъ Россійскій съ Малтійскимъ крестомъ и якорями, изображеніе котораго мы здѣсь прилагаемъ.

Слѣды позднѣйшихъ передѣлокъ, послѣ пожара въ 1737 году, замѣтны въ нѣкоторыхъ частяхъ башни. Но вообще изъ ея стиля видно, что назначеніе ея не военное, а гражданское; ибо нѣтъ нигдѣ ни амбразуръ для пушекъ, ни другихъ пристроекъ, употребительныхъ въ оборонительныхъ башняхъ. Прежде она была обнесена полисадомъ; теперь, подобно Краснымъ воротамъ, прежде Мясницкимъ или Флоровскимъ, стоитъ отдѣльно, какъ остатокъ Землянаго города. Хотя преданіе именуетъ Лефорта зодчимъ этого памятника, но какъ Петръ I любилъ архитектуру и самъ чертилъ планы для многихъ церквей и другихъ зданій въ Москвѣ и Петербургѣ, то весьма вѣроятно, что башня сія сооружена по его плану; неизвѣстно только, кто былъ исполнителемъ его.

Къ восточной сторонѣ башни въ 1820 г. сдѣлана пристройка, гдѣ помѣщались морскаго и адмиралтейскаго вѣдомства чиновники и нижніе чины; теперь камера мироваго судьи и городское училище. На западной сторонѣ до 1842 г. стоялъ деревянный амфитеатръ, хранившій въ себѣ маскарадный корабликъ, который назвалъ Петръ I *памятникомъ Миротворцемъ*. При торжествованіи мира съ Швеціей въ 1721 и въ 1744 г. этотъ кораблікъ, съ распущенными флагами и парусами, иллюминованный слюдяными фонариками, возимъ былъ по Москвѣ, то на саняхъ, то на колесахъ. Восемь мѣдныхъ пушечекъ съ него до нынѣ хранятся на башнѣ. Когда

же Миротворецъ обветшалъ, то въ 1799 г., по высочайшему повелѣнію императора Павла I, былъ возобновленъ съ сохраненіемъ прежняго фасада, присланными изъ С. Петербурга корабельными мастерами и плотниками. Въ 1812 г. онъ потерпѣлъ одинакую участь съ Москвою; тогда пожаръ истребилъ въ башнѣ деревянныя постройки и архивъ.

Съ исторіею Сухаревой башни соединено много любопытныхъ и важныхъ воспоминаній, много чудесныхъ преданій; онѣ составляютъ внутреннюю жизнь сего памятника, который обращенъ Великимъ Петромъ въ колыбель математическихъ наукъ и Россійскаго флота. Здѣсь зародышъ многихъ преобразованій въ Россіи; здѣсь живетъ память мужей его вѣка, знаменитыхъ въ исторіи отечественнаго просвѣщенія: Апраксина, Лефорта, Брюса, Фарварсона или Фергюсона, Сенявина, графа Н. Головкина, князя Черкаскаго, Θеофана Прокоповича, Магницкаго и пр. Сюда не рѣдко пріѣзжалъ Петръ бесѣдовать съ ними о дѣлахъ государственныхъ и ученыхъ; здѣсь посѣщалъ онъ школу при ученіи и бывалъ на драматическихъ забавахъ, какъ увидимъ далѣе.

Въ самомъ началѣ XVIII вѣка, какъ введено было Петромъ I новое гражданское лѣтоисчисленіе съ января мѣсяца, въ палатахъ Сухаревой башни открыта Математическая и Навигаціонная школа, которую первый императоръ назвалъ Адмиралтейскою; въ ней учились дворянскія и разночинскія дѣти, которыхъ въ 1712 году уже простиралось до 517 человѣкъ. Въ Расходной книгѣ Московской Оружейной палати она названа Математико-Навигацкою. Вотъ что мы въ ней читаемъ: «Школы Математико-Навигацкой учителямъ и ученикамъ и сторожамъ великаго государя жалованья

на прошлый 702 годъ: учителямъ четыремъ человѣкамъ 640 рублевъ, 10 денегъ, Андрею Форхеорину, Рицерю Гресу, Степану Гвину, Леонтію Магницкому. Переводчику одному человѣку сто одинъ рубль двадцать семь алтынъ пять денегъ Θедоту Агѣеву. Ученикамъ двустамъ человѣкамъ двѣ тысячи двѣсти одинъ рубль и одиннадцать алтынъ.

Писцу одному человѣку семь рублевъ одинъ алтынъ четыре деньги. Сторожамъ четыремъ человѣкамъ двадцать девять рублевъ осмнадцать алтынъ одна деньга.

Часовнику, который при школахъ у боевыхъ часовъ одному человѣку двадцать три рубли, три алтына. И того на 1702 годъ в даче двустамъ десяти человѣкамъ три тысячи два рубля, тридцать алтынъ.

Далѣе: «Навигацкихъ наукъ учителямъ тремъ человѣкамъ на покупку лошадей сто пять рублевъ.

Имъ же на овесъ и сѣно десять рублевъ. Школъ Математико - Навигацкихъ ученикамъ на каѳтаны двѣсти сорокъ рублевъ сту девяносто пяти человѣкамъ. Математическимъ учителемъ за издержанные припасы сорокъ два рубли двадцать девять алтынъ четыре денги. В Школы математическихъ наукъ ученикамъ на всякие мелкие къ учению покупки сорокъ восемь рублевъ одинъ алтынъ».

Подъячіе у Математическихъ и Навигацкихъ наукъ получали окладъ: Иванъ Хрипуновъ пятдесятъ рублей, Θедоръ Обуховъ сорокъ пять рублей. А велѣно имъ Ивану Хрипунову и Θедору Обухову тѣ оклады давать изъ сбора крѣпостныхъ дѣлъ.

Изъ вышеприведенной выписки видно, что Математико - Навигацкія школы были въ вѣдѣніи Московской Оружейной палаты. Этотъ разсадникъ наукъ былъ

предтечею основанія С. Петербурга, Адмиралтейства и Морскаго Кадетскаго корпуса. Какъ Петръ поручалъ всѣ дѣла, касавшіяся до физикоматематическихъ наукъ, графу Якову Брюсу: [7] то вѣроятно, сей математикъ, издатель столѣтняго Календаря, устроилъ Сухаревское училище, ввѣренное потомъ управленію Шотландца Фарварсона; товарищемъ его былъ профессоръ Гвинъ (Gween). Тамъ въ числѣ первыхъ математическихъ учителей находился любимецъ Петра I, Леонтій Магницкій, сочинитель въ 1703 г. ариѳметики, первой печатной на Русскомъ съ арабскими цифрами, вмѣсто славянскихъ, приспособленной имъ къ мореплаванію и раздѣленной на ариѳметику-политику, или гражданскую, и логистику, обнимавшую движеніе круговъ небесныхъ и часть о земномъ размѣреніи. О своемъ трудѣ такъ выразился въ стихахъ Русскій математикъ:

Зане разумъ весь собралъ и чинъ
Природный Русскій, а не Нѣмчинъ.

Какъ морская трудная и опасная служба пугала родителей: то они, вопреки указу государя,—отдавать дѣтей для ученія на Сухареву башню, записывали ихъ въ Заиконоспасское училище. Раздраженный ихъ ослу-

---

[7] Графъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ, генералъ фельдцейхмейстеръ и потомъ генералъ-фельдмаршалъ, родился въ Псковѣ въ 1670 году, въ 1702 и 1703 г. былъ Новгородскимъ губернаторомъ, въ 1717 г. президентомъ Бергъ и Мануфактуръ коллегіи; имѣлъ характеръ кроткій и миролюбивый. Получивъ въ 1726 г. увольненіе отъ всѣхъ должностей, онъ поселился въ своемъ помѣстьѣ Глинкахъ въ 42 верстахъ отъ Москвы, и тамъ жилъ, предавшись наукамъ, къ изученію которыхъ имѣлъ страсть, до самой кончины, послѣдовавшей 19 апрѣля 1735 года; въ этомъ же селѣ покоится и прахъ его. Ему принадлежитъ столѣтній календарь съ предсказаніями, извѣстный подъ именемъ *Брюсова календаря*. Онъ имѣлъ у себя значительный натуральный кабинетъ и бога-

ГРАФЪ ЯКОВЪ ВИЛИМОВИЧЪ БРЮСЪ.

шаніемъ, Петръ велѣлъ отправить этихъ учениковъ въ С.-Петербургъ бить сваи на Мойкѣ для пеньковыхъ анбаровъ. Здѣсь великодушіе адмирала Апраксина смѣло противостало строгости государя; онъ, снявъ съ себя Андреевскую ленту и мундиръ, повѣсилъ ихъ на шестъ, и сталъ, въ присутствіи Петра I, самъ вбивать сваи, съ учениками. На замѣчаніе государя, что «Адмиралу и кавалеру неприлично заниматься такою работою», Апраксинъ отвѣчалъ: «здѣсь сваи бьютъ мои племянники и внучата, а я какое имѣю преимущество въ родѣ? Мундира своего и ордена не мараю, а берегу ихъ». Петръ понялъ его; простивъ опальныхъ учениковъ, послалъ ихъ въ чужіе краи [8]. Въ 1706 г. изъ этого разсадника мореплаванія и академіи Петръ I отправилъ еще 30 учениковъ въ Англію и Голландію, для усовершенствованія ихъ въ мореходствѣ; въ 1711 г. тамъ уже находилось 411 навигаторовъ, т. е. кончившихъ начальный курсъ мореплаванія [9]. Начатое въ древней столицѣ довершено въ новой. Московское Навигаціонное училище въ 1715 г. переведено было въ С.-Петербургъ, подъ названіемъ *Морской академіи*, потомъ переименованной въ *Морской кадетскій корпусъ*, воспитавшій столько адмираловъ и мореходцевъ. На Сухареву же башню перемѣщена была изъ Кремля Мо-

---

тое собраніе физическихъ и математическихъ инструментовъ и медалей; изъ которыхъ какъ тотъ, такъ и другіе были имъ завѣщаны, въ кунсткамеру Императорской Академіи Наукъ, куда они и поступили по его кончинѣ. (см. Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара, томъ 7, Спб. 1836 г.)

[8] *Голикова* дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго, том. V, стр. 294.

[9] Жизнеописанія первыхъ Россійскихъ Адмираловъ, или опытъ Исторіи Россійскаго флота (В. Берха), ч. I. Спб. 1831, въ 8, стр. 46.

сковская Адмиралтейская контора, при которой, до 1802 года, оставались нижнія ариѳметическія и географическія школы [10]. Во время князя Антіоха Кантеміра Сухаревское училище столь уже славилось счетною мудростію, что въ одной сатирѣ своей онъ говоритъ, что не далъ бы моту денегъ:

„Хоть числилъ онъ лучше всей Сухаревой башни.“

Здѣсь существовала и астрономическая обсерваторія, какъ видно изъ слѣдующаго письма Петра I изъ Ахтырки, 1709 г., къ адмиралу Апраксину. «Сего февраля 28 «будетъ видимо солнечное затмѣніе, а сколь много зат«мится, того невѣдомо: о чемъ изволь отписать къ Мо«сквѣ къ математическимъ учителямъ (на Сухаревой «башнѣ), дабы они сдѣлали (вычислили), сколь много «солнцу затмѣніе будетъ на Воронежѣ, и, нарисовавъ, «къ намъ прислали». Это самое не служитъ ли доказательствомъ, что тогда математика въ Москвѣ была на той уже степени, что могла вычислять количество дюймовъ затмѣнія! Первыя на Руси морскія карты начертаны были въ Сухаревскомъ училищѣ навигаціи. Огромный Голландскій глобусъ, мѣдный, 7 футовъ въ поперечникѣ, сдѣланный наслѣдниками знаменитаго географа Вильгельма Блео въ 1650 году и подаренный Генеральными штатами царю Алексію Михайловичу [11], перенесенъ былъ съ Ивановской колокольни на Сухареву башню, гдѣ служилъ пособіемъ при урокахъ Фергюсона и Гвина; потомъ 1752 г. отправленъ онъ въ

---

[10] Географическое методическое описаніе Россійской имперіи X. *Чеботарева*. М. 1776, въ 8, стр. 137.

[11] Опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натурал. Спб. Академіи наукъ, изд. *I. Бакмейстеромъ*. Спб. 1779 г. стр. 128.

С.-Петербургъ. По названію Рапирной залы на Сухаревой башнѣ, можно заключить, что тамъ учили и фехтованію. Обширная эта зала, освѣщенная окнами съ сѣвера, востока и юга, имѣетъ три входа, два съ запада и одинъ съ востока. Преданіе гласитъ, будто въ ней бывали тайныя засѣданія какого-то общества Нептунова; тамъ предсѣдательствовалъ Лефортъ, самъ царь былъ первымъ надзирателемъ, а Ѳеофанъ Прокоповичъ ораторомъ. Первый адмиралъ флота Апраксинъ, Брюсъ прослывшій въ народѣ великимъ чернокнижникомъ, Фарварсонъ, прозванный *Фармазономъ*, князь Черкаскій, князь М. М. Голицынъ, Меншиковъ, Шереметевъ и другіе вельможи-сотрудники, близкіе къ государю, были членами сего общества, похожаго на масонское; исторія и преданіе скрыли отъ насъ происхожденіе и истинную цѣль этой тайной думы; но до сихъ поръ въ народѣ носится молва, будто тамъ хранилась черная книга, стрегомая 12 духами, и послѣ закладенная въ стѣну, гдѣ и заколочена алтынными гвоздями. Можетъ статься, этому сказанію дала поводъ чугунная доска съ именами членовъ, или правилами Нептунова общества, по преданію, замуравленная въ восточную стѣну залы, близъ двери, въ коей прежде былъ входъ извнѣ въ крыльце съ крытою лѣстницей [12]. Въ своемъ Памятникѣ всѣмъ книгамъ

[12] У профессора Баузе въ библіотекѣ находилась также черная книга, писанная въ половинѣ XVII столѣтія и, по сказанью К. Калайдовича (Извѣстіе о древностяхъ Славяно-Русскихъ. М. 1811, въ 12), содержавшая въ себѣ логариѳмы, кои изобрѣтены были въ началѣ того вѣка Шотландцемъ Непперомъ; а по мнѣнію сочинителя объ Астрологіи (Сѣверная Пчела, 1849 г.), отрывки одной отъ вспомогательныхъ таблицъ для астрономическихъ исчисленій. Такъ суевѣрное невѣжество обвиняло боярина Матвѣева въ томъ, будто онъ съ докторомъ Спа-

разнымъ, собраннымъ отъ начала библіографій и типографій, любитель отечественной библіографіи Григорій Даниловъ Книголюбовъ, крестьянинъ села Завидова [13], сообщаетъ намъ довольно подробное заглавіе рукописей, хранившихся въ Сухаревой башнѣ, приведемъ ихъ:

1. Книжица хитрая таблицами, тайными буквами виписанная изъ чернокнижія, магіи черной и бѣлой, кабалистики и пр. все на свѣтѣ дѣйствуетъ. На русскомъ и иностранныхъ языкахъ, 100 листовъ; писана по скорописи XIII в.

2. Зерцало, показывающійся покойникъ за 100 лѣтъ вживѣ образомъ, и одежду и походку, и говорящій, на всѣ вопросы отвѣчающій одни сутки, послѣ пропадаетъ.

3. Черная книга, кудесничество, чародѣйство, знахарство, ворожба. Сіе русское чернокнижіе, собранное русскими знахарями 19 частей, рукопись скорописная.

4. Черная книга, писанная волшебными знаками; ей бѣси покоряются и служатъ, соч. Рафли [14], Шестокрылъ, Вороноградъ, Остромій, Зодій, Алманахъ, Звѣздочетъ, Аристотелевы врата. Писана до Ноева потопа, сохранилась на днѣ морскомъ въ горючемъ камнѣ алатырѣ. Чернокнижникъ ее досталъ, а нынѣ закладена въ

ѳаріемъ читалъ тайно черную книгу, которая была ни что иное, какъ лечебникъ, гдѣ рецепты изображены циѳрами и аптекарскими знаками.

[13] Рукопись въ 8, ч. XIX, изд. 11-е. Москва, въ библіограѳіи г. Д. Книголюбова и Богол. 1042—2842. Она содержитъ въ себѣ дополненіе къ каталогу Смирдина. Въ библіотекѣ кн. М. А. Оболенскаго.

[14] Раѳли отъ *raffla*, raffle in Literis remis. 1802, по объясненію Дюканжа, aleae species, родъ игры въ зернь, въ кости. Вороноградъ — птицегаданіе, augurium, Остромій — астрономія, Звѣздочетъ—астрологъ, Зодій—Зодіакъ, Алманахъ – календарь; Аристотелевы врата и Шестокрылъ намъ неизвѣстны.

Сухаревой башнѣ, связана страшнымъ проклятіемъ на 10,000 лѣтъ, 25 книгъ, 100,000 листовъ.

5. Черная магія, писанная непонятными письменами волшебными, существующая отъ начала міра, во время потопа сохранена въ ковчегѣ Хамомъ. Гермесъ написалъ послѣ сію книгу. 9 книгъ, 100,000 листовъ, а нынѣ закладена въ Сухаревой башнѣ.

6. Черная книга, читанная докторомъ Стефаномъ, въ полдесть, толщиною въ 3 пальца.

7. Книга Орфея и Музея, содержащія заговоры, очищенія, приговоры для усыпленія змѣй, 4 книги, скорописная рукопись, 8000 листовъ.

8. Русское кудесничество, заговоры на всѣ возможные случаи. 9 книгъ, скороп. 900 листовъ, а нынѣ заключена въ Сухаревой башнѣ.

9. Книга Сивиллъ, 12 сестръ; прорицаніе воли боговъ и предсказаніе будущаго, 12 книгъ, 12,000 лист. полууставн. рукопись, а нынѣ заключена въ Сухаревой башнѣ.

По сказанію Книголюбова, въ Сухаревой башнѣ также хранилась: 1) «Соломонова печать на перстнѣ слова Sator, arepo tenet opera rotas, а внутри духъ заключенъ, на кольцѣ разныя фигуры. Можно симъ перстнемъ дѣлать разно: къ себѣ печатью превратить, невидимъ будешь, отъ себя отвратить, видимъ будешь и всѣ очарованія разрушить, власть надъ сатаной получишь; кольцомъ къ себѣ превратить, то разныя превращенія сдѣлаешь, снимешь съ руки, ударишь обо что, то сатана выскочитъ, что тебѣ хочется, все исполнитъ и прочія можно симъ кольцомъ дѣлать, и хитръ, мудръ, памятливъ и все знать будешь, если на рукѣ его имѣешь. Изъ сребра дѣланъ. 2) Досчечка точно

аспидная черная, литеры красныя и бѣлыя, дѣйствуетъ сице: ударишь его обо что, духи выйдутъ изъ нее трое, и что хошь, исполнютъ. Черной стороной къ себѣ превратить, невидимъ будешь, писаной стороной къ себѣ превратить и молвить какую букву, къ нему то тамо оборотится; къ себѣ въ пазуху ее положишь, то будешь все на свѣтѣ знать и будешь память, хитрость, мудрость, разумъ имѣть. 3) Камень осмiугольный со словами мѣлкими Н. П. З. М. дѣйствуетъ болѣе доски.»

Повидимому, приведенныя Русскимъ сельскимъ библiографомъ таинственныя рукописи, хранившiяся и заклàденныя въ стѣнахъ Сухаревой башни, оправдываютъ общенародное объ нихъ преданiе; но заставляютъ жалѣть, что библiографъ не указалъ намъ, изъ какихъ именно источниковъ почерпнуты имъ такiя свѣдѣнiя. Ежели въ этомъ преданiи есть истина и ежели приведенныя рукописи не подложны: то можно предполагать, что Петръ I съ своими сочленами на Сухаревой башнѣ изъ любопытства занимался магiей, алхимiей и астрологiей, добивался до perpetuum mobile, вѣчнаго движенiя. Нѣкоторые случаи въ его жизни показываютъ, что онъ вѣрилъ примѣтамъ и не совсѣмъ свободенъ былъ отъ суевѣрiя. Вильбоа говоритъ, что у постели его всегда лежала на столѣ аспидная доска съ грифелемъ, на которой онъ записывалъ видѣнные имъ сны [15]. Если дѣйствительно находились на Сухаревой башнѣ таинственныя книги, то, вѣроятно, ве-

---

[15] Mémoires anecdotiques de la cour de la Russie sous le règne du czar Pierre I etc. par le Sieur de Villebois въ Revue retrospective, № IV et V. Paris, 1838. T. 8.

лѣно ихъ скрыть; но разнесшаяся объ нихъ молва въ народѣ перешла въ преданіе.

Въ тотъ вѣкъ все выписанное буквами неизвѣстными или цифрами называлось *чернокнижіемъ и тарабарскою грамотою*. Такая молва особенно могла родиться отъ стрѣльцовъ, которыхъ столько тысячъ казнено преобразователемъ Россіи за ихъ крамолы и мятежи; это былъ голосъ семейной, родовой мести, перешедшій въ народное сказаніе. Преданіе также гласитъ о лабораторіи Брюса на этой таинственной башнѣ, гдѣ онъ занимался составленіемъ элексира живой и мертвой воды. Предъ смертію своей, будто онъ отдалъ стклянку съ живой водой своему камердинеру, а по сказанію г. Пекарскаго, самому Петру I, и велѣлъ поливать ею себя вскорѣ по смерти. Когда сталъ исполнять такое приказаніе камердинеръ, усопшій началъ шевелиться; исполнитель испугался и, уронивъ изъ рукъ стклянку, разбилъ ее. Брюсъ уже не возставалъ отъ смертнаго сна[16]. Можетъ статься, когда еще алхимія не вышла изъ моды и смѣшивалась съ химіею, астрологія съ астрономіей: тогда этотъ естество-испытатель и математикъ дѣлалъ тамъ свои опыты, привлекавшіе жадное вниманіе любознательнаго Петра. Посему, вѣроятно, и дружескимъ совѣщаніямъ царя съ приближенными людьми о наукахъ, или о государственныхъ дѣлахъ, раздраженное невѣжество дало значеніе, противное православію, потому что оно смотрѣ-

---

[16] Сообщено отъ заслуженнаго профессора Петра Илар. Страхова, заимствовавшаго сіе извѣстіе отъ своего дяди профессора и ректора Московскаго Университета П. И. Страхова, современника Н. И. Новикова. Поэтическія преданія о Брюсѣ чернокнижникѣ и алхимикѣ дали поводъ г. Лажечникову писать романъ *Колдунъ на Сухаревой башнѣ*.

ю на быстрыя и насильственныя произведенія, какъ на разрушеніе отеческихъ нравовъ и обычаевъ, а съ ними вмѣстѣ и благосостоянія государства. Въ 1785 году, на Сухареву башню взяты были бумаги изъ дома типографщика Новикова и тамъ грозный Шешковскій допрашивалъ членовъ этого тайнаго общества, между прочими и профессора Чеботарева. Народная молва перепутала происшествія временъ Петра I съ событіями царствованія Екатерины II.

Слѣдуя склонности своей, переходить отъ важныхъ и трудныхъ занятій для отдыха къ разнымъ потѣхамъ, Петръ въ 1771 г. выписалъ изъ Данцига труппы актеровъ: Кунште, Отто Фюршета и Манна, которые изъ Сухаревскихъ учениковъ образовали актеровъ и съ ними представляли въ залахъ башни свѣтскія комедіи. Не рѣдко и самъ царь былъ зрителемъ дѣтскихъ опытовъ театральнаго искусства. Одни говорятъ, что въ Комедіальной храминѣ на Красной площади, а другіе — на Сухаревомъ театрѣ, они, въ его присутствіи, первое апрѣля выкинули Нѣмецкую штуку (in den April schicken); обѣщавъ представить какое-то невиданное и неслыханное зрѣлище, выставили только на завѣсѣ надпись: *первое апрѣля*. «Это театральная вольность», сказалъ царь.

Старожилы также припоминаютъ, что и въ царствованіе Екатерины II дѣти Московскихъ подъячихъ играли разныя комедіи на Сухаревой башнѣ въ Рапирной залѣ.

При Петрѣ I, тамъ въ адмиральскій часъ и вечеромъ, предъ пробитіемъ зари, играла музыка.

Пожары, претерпѣнные Сухаревою башней, лишили ея часовъ (необходимыхъ въ этой части города, на торговомъ и богомоленномъ пути), архива, а вмѣстѣ

съ тѣмъ, вѣроятно, многихъ любопытныхъ и важныхъ фактовъ для ея исторіи, черезполосной съ исторіею Москвы и С.-Петербурга. Изъ случаевъ, извѣстныхъ намъ замѣтимъ, что за день до вступленія Наполеоновыхъ войскъ въ Москву, ястребъ, съ путами на ногахъ, запутался въ крыльяхъ двуглаваго мѣднаго орла на шпилѣ Сухаревой башни, долго вырывался, наконецъ обезсиленный, повисъ и издохъ. Народъ, собравшійся тогда смотрѣть на это, толковалъ: «Вотъ такъ-«то видно и Бонапартъ запутается въ крыльяхъ Рус-«скаго орла!»

Въ исторіи Сухаревой башни, прославленной преданностію Сухаревскаго полка престолу царскому, достопамятно, что 1825 года, декабря 17, штату ея суждено первому въ Москвѣ присягнуть на всеподданнѣйшую вѣрность императору Николаю I; потому что указъ о вступленіи на престолъ въ Бозѣ почившаго государя полученъ днемъ прежде изъ Государственной Адмиралтейской коллегіи Сухаревскою ластовою ротой Балтійскаго флота, чѣмъ изъ другихъ начальствъ.

Въ 1836 г. обозрѣвалъ сію башню генералъ-адмиралъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, а въ 1838 г. Наслѣдникъ Престола, бывшій цесаревичъ, а нынѣ умершій императоръ Александръ Николаевичъ.

Такимъ образомъ Срѣтенскія ворота Москвы служили введеніемъ въ Россію математическихъ наукъ и мореплаванія, преддверіемъ основанію С.-Петербурга и Адмиралтейства и многимъ преобразованіямъ, коимъ начало, вѣроятно, положено Петромъ I, въ тайной думѣ его на Сухаревой башнѣ — этомъ маякѣ просвѣщенія отечества и памятникѣ вѣрности Сухаревой дружины царскому престолу. Съ ихъ бытіемъ въ Московскомъ

мірѣ столько значительныхъ воспоминаній, которыя даютъ имъ почетное мѣсто въ исторіи просвѣщенія конца XVII и начала XVIII вѣка.

II.

ВСЕСВЯТСКІЙ

КАМЕННЫЙ МОСТЪ

ВЪ МОСКВѢ.

Статья И. М. Снегирева.

КАМЕННЫЙ МОСТЪ ВЪ МОСКВѢ

ВСЕСВЯТСКІЙ КАМЕННЫЙ МОСТЪ НА МОСКВѢ РѢКѢ.

Когда еще въ Москвѣ не было другихъ каменныхъ мостовъ, кромѣ стараго Знаменскаго у Троицкихъ воротъ и Спасскаго у Флоровскихъ, тогда извѣстный донынѣ подъ именемъ Каменнаго моста на Москвѣ рѣкѣ, почитался одною изъ столичныхъ диковинокъ, наравнѣ съ Иваномъ Великимъ, Сухаревою башней, Царь-колоколомъ и Царь-пушкою. До его построенія, на Москвѣ рѣкѣ мосты деревянные живые, составленные изъ плотовъ, разбирались, или разметывались предъ весеннимъ разливомъ водъ, иногда и въ осеннее половодье. Таковы издавна были Москворѣцкій у Водяныхъ воротъ, [1] Крымскій, Дорогомиловскій, Яузскій и другіе. Самое значеніе мостовъ въ жизни русскаго народа и названіе дало поводъ Ходаковскому производить имя Москвы, прежней *Москвы* отъ *мостка* потому, что болото въ Гжатскомъ уѣздѣ, откуда беретъ начало Москва рѣка, называется *Калиновымъ мостомъ* [2].

Самая мѣстность представляла удобство и необходимость къ построенію неподвижнаго моста на Москвѣ

[1] *Карамз.* И. Г. Р. VI, 194 пр. 318, 444. X, 271, пр. 207.

[2] Русскій историческій сборникъ, изд. Императорскимъ обществомъ Исторіи и Древностей Россійск. т. VII, М. 1844, въ 8.

рѣкѣ для непрерывныхъ сношеній одной части города съ другою. Впаденіе Неглинной въ Москву рѣку при подошвѣ Боровицкаго холма, этой колыбели города, предполагаетъ здѣсь древнѣйшую пристань, куда съ верховья рѣки приплыли первые насельники Кучкова, или Москвы. До построенія Каменнаго моста, здѣсь, безъ сомнѣнія, былъ перевозъ; но никакого моста не видно на Годуновскомъ чертежѣ Москвы, изданномъ въ Голландіи 1608 и 1610 года[3]. Въ 1633 году на этомъ мѣстѣ были Берсеневскія водяныя ворота и англійскій механикъ Христофоръ Головей посредствомъ свинцовыхъ трубъ взвелъ изъ рѣки воду въ Свиблову (Водовзводную) башню, а изъ башни на Государевъ Сытный и Кормовый дворцы[4].

Когда же съ умноженіемъ населенности въ Замоскворѣчьи, гдѣ были Стрѣлецкія слободы, открылась необходимость, въ соединеніи четырехъ городовъ съ ихъ зарѣцкимъ пригородомъ: тогда стали помышлять о сооруженіи каменнаго моста. Для сего 1643 года вызванъ въ Москву изъ Страсбурга палатный мастеръ Анце Яковлевъ, или какъ именовали его Русскіе, Яганъ Кристлеръ съ дядею своимъ Иваномъ Яковлевымъ Кристлеромъ; для производства привезъ онъ съ собою, какъ видно изъ подлиннаго дѣла[5], разныя мѣдныя и желѣзныя снасти, мѣдную печь, вѣкши большія и малыя, подпятки, долотники, вороты съ лопатами, молоты, пазники къ деревянному дѣлу, винтовники и щурупники, кирки жерновыя, закрѣпки и т. п. По приказанію царя Ми-

---

[3] *Снегирева* Памятн. Московск. Древн. М. 1841, въ 4.

[4] Книга расходная Оруж. Палаты 7141 г. № 1089.

[5] Выѣзды въ Россію разнаго званія иностранныхъ людей съ 1600 г. по 1765 г. въ Москов. главн. архивѣ министер. иностр. дѣлъ.

хаила Ѳедоровича, Клистлеромъ представленъ былъ деревянный *мостовый образецъ*, или модель съ чертежемъ на три статьи, «по которому быти сдѣлану каменному мосту черезъ Москву рѣку». Образецъ этотъ дѣлали, подъ его руководствомъ, дворцовые плотники. Въ *перечнѣ*, т. е. смѣтѣ, Кристлеръ показалъ, сколько надобно на это большое Государево дѣло камня, кирпича, извести, желѣза и всякихъ каменныхъ, желѣзныхъ и деревянныхъ запасовъ. Между прочимъ для начальныхъ пяти большихъ сводовъ требовался крѣпкій бѣлый камень, добываемый въ Настасьинѣ, длиною и шириною 1 аршинъ, зола горшечная, городовой, хорошо обожженной кирпичъ. По разсмотрѣніи модели и смѣты, въ Посольскомъ приказѣ, думный дьякъ Григорій Львовъ и Степанъ Кудрявцевъ спрашивали Кристлера: «можно ли будетъ тому его мосту устоять отъ льду толщиною въ два аршина?» Онъ отвѣчалъ, «что у него будутъ сдѣланы шесть быковъ каменныхъ острыхъ, а на тѣ быки учнетъ ледъ, проходя, рушиться, а тотъ рушеный ледъ учнетъ проходить подъ мостъ между сводовъ мостовыхъ, а своды будутъ пространны, порожжаго мѣста будетъ по 40 аршинъ, а межъ порожжихъ мѣстъ у столповъ будутъ же сдѣланы отлоги острые; и отъ льду мосту порухи никакой не будетъ, укрѣпити его мочно. Своды у того мѣста будутъ по 40 аршинъ». На вопросъ же: «можно ли будетъ по тому мосту возить большей пушечный снарядъ и отъ большей тягости устоятъ ли своды?» Кристлеръ отвѣчалъ: «своды будутъ сдѣланы толсты и тверды и отъ большія тягости никакой порухи не будетъ». Такіе распросы не обнаруживаютъ ли сомнѣнія Русскихъ въ возможности построить на рѣкѣ каменный неподвижный мостъ, который бы выдержалъ напоръ льда

и выносилъ бы большія тяжести, притомъ тогда, когда еще не было отводнаго канала, когда рѣка была не столь скудна водою, какъ нынѣ. Не мудрено, что совершеніе такого дѣла показалось чудомъ въ концѣ XVII столѣтія! Въ то время, какъ обслѣдывали проектъ и готовили матеріалы для этого большаго дѣла, Кристлеръ посыланъ былъ, по указу царя, въ Троице-Сергіевъ монастырь и въ Новгородъ для городоваго дѣла, коему онъ сочинилъ чертежи и смѣту. Съ преждевременною смертію царя Михаила Өедоровича и Кристлера въ 1645 году строеніе Каменнаго моста остановилось и намъ неизвѣстно доселѣ, продолжалось ли оно въ царствованіе Алексія Михайловича и Өеодора Алексіевича; но уже окончилось тогда, когда охотникъ до сооруженій, любимецъ царевны Софіи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ украшалъ Москву многими зданіями. Строеніе возобновилось въ 1682 и довершено въ 1687 г., по мостовому образцу Кристлера, какъ свидѣтельствуютъ намъ Желябужскій и Голиковъ. Зодчимъ былъ какой-то монахъ, котораго имя, къ сожалѣнію, еще неизвѣстно[6]. Вбивши дубовыя сваи въ русло рѣки и настлавъ ихъ брусьями, онъ выводилъ на нихъ каменное зданіе. Это сооруженіе по тому времени казалось столь важнымъ, что даже вошло въ народную поговорку о чемъ-либо чрезвычайно дорогомъ: *дороже каменнаго моста*.

Прежде зданіе это представляло совсѣмъ другой видъ, нежели нынѣ, какъ показываетъ рисунокъ его, изданный при Петрѣ I; тогда самая обстановка его была другая. Въ 1707 году, Петръ, повелѣвая укрѣпить Москву, угрожаемую Карломъ XII, въ указѣ своемъ

---

[6] Дѣянія Петра Великаго, т. IV, дополн. къ 1 т., издан. 2.

замѣтилъ, что «отъ Водовзводной башни до Каменнаго моста натура зѣло укрѣпила». На лѣвомъ берегу рѣки, съ двухъ сторонъ къ нему примыкали вторая стѣна Кремлевская и стѣна Бѣлаго города, сходившіяся у Всесвятской стрѣльницы съ проѣзжими воротами. У отводныхъ его быковъ пристроены были водяныя мукомольныя мельницы, съ плотинами и сливными воротами. 204 (1696) году апрѣля въ 10 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и по приказу боярина князя Петра Ивановича Прозоровскаго, велѣно выдать изъ Казеннаго Приказу его великаго государя жалованье Всесвятскаго каменнаго мосту мельникамъ Макарку, да Васькѣ, да Ѳилатку Тимоѳеевымъ за ихъ мельничную работу въ приказъ по сукну шиптуху, мѣрою по семи аршинъ человѣку съ роспискою. Его великаго государя указъ поданъ въ приказѣ Большія Казны за помѣтою дьяка Козьмы Борина[7]. На самомъ мосту стояла палата Азовскаго Предтечевскаго монастыря и четыре каменныя палатки князя Меншикова, табачная таможня и пивной дворъ; 206 года іюня въ 10 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и по приказу боярина князя Петра Ивановича Прозоровскаго съ товарищи, велѣно дать его великаго государя жалованья изъ Казеннаго Приказу Всесвятскаго Каменнаго мосту Головѣ Гостиной сотни Ивану Вихляеву да ларешнымъ Семену Иванову, да Ѳедору Еврейнову за приборъ и за радѣніе ихъ у того Всесвятскаго Каменнаго мосту, водошной и пивной и медовой продажи, головѣ

[7] Арх. ор. пал. № столбца 374, годъ 204.

сукна кармазину, камка, тафта, ларешнымъ по сукну полукармазину, да по камкѣ человѣку, мѣрою тѣ сукна по пяти аршинъ; выписка о томъ въ приказѣ Большія Казны за помѣтою дьяка Артемія Карницкаго, въ повытье подъячаго Автомона Телицына. На оборотѣ: Великаго государя жалованья голова Иванъ Гарасимовъ сукна кармазину пять аршинъ, да камку восемь лудану, да тафты пять аршинъ, да ларешные Семенъ Ивановъ, да Ѳедоръ Іевлевъ сукна полукармазину по пяти аршинъ, да камка лудану по осми аршинъ по двѣ четверти взяли, а росписался я Ѳедоръ[8].

207 году декабря въ 24 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и по приказу боярина князя Петра Ивановича Прозоровскаго съ товарищи велѣно дать его великаго государя жалованья изъ Казеннаго приказу: Всесвятскаго Каменнаго мосту головѣ Гостинной сотни Ивану Вихляеву, да ларешнымъ Семену Иванову, Федору Еврейнову на нынѣшній 207 годъ за ихъ радѣніе на томъ Всесвятскомъ мосту, у сбора водошной и пивной и медовой продажи нынѣшняго 207 году, что они у того сбору работаютъ не въ очередь, и у той питейной продажи противъ прошлыхъ лѣтъ чинятъ прибыль немалую въ Приказѣ противъ дачи прошлаго 206 году, головѣ сукна кармазину, камка, тафта, ларешнымъ по сукну полукармазину, да по камкѣ человѣку; мѣрою тѣ сукна по пяти аршинъ. Выписка о томъ въ приказѣ Большія Казны, за помѣтою дьяка Козмы Борина, въ повытье подъячаго Автомона Телицына[9]. На концѣ моста было кру-

[8] Арх. ор. пал. столб. № 303, годъ 206.
[9] Арх. ор. пал. № 143, годъ 207.

жало, что слыветъ *заверняйка*, потомъ отписанныя въ казну деревянныя лавки, гдѣ торговали щепетнымъ товаромъ; на южномъ концѣ моста было шесть воротъ съ часами и палаты, надъ которыми возвышались два шатровые верха, увѣнчанные двуглавыми орлами; въ палатахъ помѣщалась Корчемная канцелярія и тюрьма для обличенныхъ въ корчемствѣ. Подъ ними находились галлереи, называвшіяся *Верхними гульбищами*, куда сходились Московскіе жители гулять и пить вино и пиво [10], изъ галлерей деревянный сходъ велъ на набережную къ Царицынскому лугу и къ Берсеневкѣ. Подъ самымъ мостомъ былъ пивной фартенной ледникъ. На лѣвомъ берегу близъ моста находились Всесвятскія каменномостскія торговыя бани, пожалованныя Петромъ I князю Меншикову и долго слывшія *Меншиковыми*; тамъ же были построены житницы «для хлѣбной раздачи государева жалованья Преображенскаго полка Гренадерской роты солдатамъ, которые не брали за болѣзнію и за нуждами» [11].

Въ дѣлахъ Московской Духовной Консисторіи по поводу палаты Предтечевскаго монастыря, мы читаемъ слѣдующее: «Лѣта 1701 году апреля въ 30 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, президентъ, и бургомистры, Азовскаго Предтечевскаго монастыря архимандриту Іоасафу с братіею дали данною на палату, что на Всесвяцкимъ Каменномъ мосту в другихъ воротѣхъ в башнѣ идучи из города на лѣвой сторонѣ, для того в прошломъ 1700 году іюня въ 16 день в указѣ великаго государя от Стрѣлецкаго приказу за приписью

[10] См. Потѣшнаго двора столбецъ 2, дѣло 29 въ Моск. арх. мин. юст.
[11] Тамъ же.

дьяка Івана Кондратова въ ратушѣ писано: великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ пожаловал по именному своему великаго государя указу из Азова Предтечевскаго монастыря архимандріта Іоасафа с братіею велѣлъ того монастыря на Москвѣ на Каменномъ мосту у Всесвяцких новых воротъ в каменной стѣнѣ построить часовню и перед часовнею земли отвесть длиннику двѣ сажени, поперешнику что межъ тѣхъ проѣздовъ будетъ, да к той же часовни гдѣ того монастыря старцамъ с служебники жить для збору в той часовни денежной казны очистить в той же башнѣ палату гдѣ живутъ Лужецкого монастыря крестьяне Макарка да Ѳулатко Зуевы, да печникъ Таганной слободы Івашко Ѳулатьевъ, которые приставлены у мельницъ для починки и досмотру над работными людми, а имъ Макарку с товарыщи для того дѣла отвѣсть палату в иномъ мѣстѣ и о строеніи, гдѣ быть часовнѣ и об очискѣ той палаты и об отводѣ гдѣ жить того мосту вышеписанным работным людем указъ учинить в ратушѣ и по помѣтѣ на том великаго государя указѣ бургомистра Івана Панкратьева велѣно всего того досмотрить измѣрить Всесвяцкого Каменнаго мосту бурмистру Ефрему Добрынину и тому досмотру в ратушѣ подать писмо за рукою, а въ досмотрѣ Ефрема Добрынина написано: у новопостроенныхъ шатровыхъ башенъ, что ѣздятъ въ Кадашево поперегъ мѣрою каменнаго столба четыре аршина полтора вершка, а в стѣнѣ того каменнаго столба внизу никакова строенія и оконъ нѣтъ, а палата де в которой жили мѣлники под строеньемъ тоежъ башни внизу идучи из города на лѣвой сторонѣ и та де палата очищена того выше-

писаннаго монастыря монаху, которой будетъ в той новопостроенной часовнѣ, а мѣлники де из той полаты переведены житъ в палатужъ на питейный дворъ, да в нынѣшнемъ 1701 году генваря 21 дня били челом великому государю города Азова Предтечева монастыря архимандритъ Іоасафъ с братьею по ево же великаго государя указу построена на Всесвяцком Каменном мосту от Болота у столба каменная часовня во имя Іоанна Предтечи, да тут же де указано построить ради убѣжища старцу келью и за утѣсненіемъ де та келья непостроена, и старцу де близъ той часовни кельи нѣтъ и въ студеное время обогрѣтца негдѣ, а есть де близ той часовни ѣдучи из города по мосту и лѣвой сторонѣ у столба каменная палата, стоитъ порозжа, никому не отдана и никто в ней не живетъ, и чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ ту полату отдать имъ къ той часовнѣ старцу на келью ради убѣжища, на челобитной их помѣта думнаго дьяка Никиты Зотова: великій государь пожаловал буде та полатка порозжа и никто в наемъ не беретъ, а отъ часовни близка и в незазорномъ мѣстѣ велѣлъ отдать имъ для прибѣжища и зимняго времени старцу ихъ, которой стоит у часовни для збору молебенныхъ денегъ и на монастырское строеніе, и дать имъ на ту палату данную и о том указъ учинить въ ратушѣ бургомистром, на той же челобитной помѣта бургомистра Івана Панкратьева; велѣно палатки осмотрѣть и выписать и по той помѣтѣ та палатка осматривана, а по осмотру та палатка построена идучи из города в башнѣ в других воротѣх на лѣвой сторонѣ от двора Архангельскаго собора протопрезвитера Петра Васильевича мѣрою в житье длина шти саженъ без пяти вершковъ,

поперегъ трех саженъ без аршина, от полу до сводовъ вышина двѣ сажени без шти вершковъ, в ней трое двери деревянныя шесть оконъ с рѣшетки желѣзными без затворовъ и без окончинъ, два окна закладены кирпичемъ, двѣ печи кирпичныя, мостъ дощатой вѣтхъ, в пей поперегъ перегорожено досками, крыта тесомъ, крылцо древянное, крыто дранью. Да в заручныхъ писмахъ Всесвяцкаго Каменнаго мосту прошлыхъ 207 (1699) году Головы Івана Вихліева, 1700 годовъ бурмистра Ефрема Добрынина с товарыщи написано: вышеписанная палата в отдачѣ и в найму ни кому не была, а жили де в той палатѣ того мосту мелники без найму, а въ нынѣшнемъ же 1701 году ѳевраля въ 13 день по указу великаго государя президентъ и бургомистры, слушавъ сей выписи, приказали по именному великаго государя указу и по подписанной челобитной за помѣтою думнаго дьяка Никиты Зотова на Всесвяцкомъ Каменномъ мосту къ новопостроенной часовнѣ, что построена вновь из Азова Предтечевскаго монастыря, гдѣ того монастыря монахом съ служебники жить для збору в той новопостроенной часовнѣ денежной казны палату, что построена идучи из города въ башнѣ в другихъ воротѣхъ на лѣвой сторонѣ от двора Архангельскаго собору протопрезвитера Петра Васильевича, в которой палатѣ жили Лужецкого монастыря крестьяне Марко да Ѳѵлатко Зуевы, да печникъ Таганной слободы Івашко Ѳѵлатьевъ, отдать того монастыря архимандриту съ братьею впред для владѣнія и дать имъ из ратуши даную, и по сей данной ему архимандриту с братьею и по немъ кто будетъ в томъ монастырѣ архимандрит и братія тою палатою владѣть волно. К сей данной великаго государя в ратушѣ печать приложе-

на. У подлинной даной назади пишетъ приписъ бургомистра Андреяна Евстифѣева, пошлинъ рубль взято, в книгу записана, справа подъячего Марка Турченинова.

Отъ смежныхъ съ мостомъ Всесвятской воротной башни и церкви во имя Всѣхъ Святыхъ онъ назывался *Всесвятскимъ*, отъ сосѣдственнаго съ нимъ урочища Берсеневки и Берсеневскихъ воротъ — *Берсеневскимъ*, для отличія отъ Стараго каменнаго моста у Троицкихъ воротъ — *Новымъ каменнымъ* и у *Церкви Николая Чудотворца*.

Въ такомъ состояніи былъ Каменный мостъ до царствованія Анны Ивановны. Она указомъ своимъ 1731 года мая 26, повелѣла сломать мельницы при мостѣ и быки очистить, чтобы между ними былъ свободный проходъ водѣ. Во время Троицкаго пожара 1737 года сгорѣли подъ симъ мостомъ деревянныя лѣстницы отъ Бѣлаго города у Всесвятскихъ воротъ [12].

Но на планѣ Махаева, въ половинѣ XVIII столѣтія [13], не видно уже мельницъ у быковъ, ни лавокъ и палатъ на мосту, высланномъ досками, только вмѣсто двухъ башенъ надъ шестью воротами, такая же стрѣльница, какъ и въ сѣверномъ концѣ. Другая стѣна Кремлевская, примыкавшая къ Всесвятскимъ воротамъ, тогда уже была сломана.

Въ дѣлахъ архитектора князя Ухтомскаго, 1756 г., завѣдовавшаго городскимъ строеніемъ, упоминаются: у

---

[12] Видъ Кремля изъ Замоскворѣчья между Каменнымъ и Живымъ мостомъ къ полудню; въ Моск. главн. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, и Дѣло о пожарѣ въ Москвѣ 1737 г. мая 29, связка 5, въ Государств. архивѣ старыхъ дѣлъ.

[13] На планѣ царствующаго города Москвы, коего проспектъ снималъ М. М. Махаевъ.

шести воротъ моста каменная палата надъ ними, гдѣ содержалось тогда болѣе 70 человѣкъ по корчемнымъ дѣламъ, и Корчемная канцелярія, при мостѣ пять отводныхъ быковъ, предъ коими вбиты сваи въ воротахъ, а съ восточной стороны семь контрфорсовъ. Тогда поручено было исправленіе Всесвятскаго моста архитектуріи гезелю Андрею Дашкову. Въ 1775 году еще тамъ находились лавки и палатки, кои, какъ видно изъ 102 прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ того же года, взяты были на откупъ съ платежемъ въ казну Московскимъ первой гильдіи купцемъ, пожалованнымъ тогда въ дворяне, Ѳомою Мальцовымъ. Ходъ между лавками имѣлъ деревянный навѣсъ. Рубанъ сообщаетъ намъ въ 1782 году слѣдующее описаніе мосту: «Шестеро воротъ каменные на концѣ Каменнаго моста, у Суконной фабрики и у Каммеръ-Коллежскаго виннаго двора. Оные съ трехъ сторонъ стояли: одни прямо противъ Каменнаго мосту, и Козмодеміянской улицы съ двумя проѣздами, гдѣ нынѣ вмѣсто ихъ одна часовня стоитъ; другіе изъ Каменнаго мосту на право ѣдучи на берегъ въ Берсеневку, также съ двумя проѣздами и нынѣ также сломаны: третіи ѣдучи изъ Каменнаго же мосту на лѣво на берегъ къ большому суконному двору съ двумя же проѣздами, которые и понынѣ еще стоятъ, но проѣздъ одинъ закладенъ. По настоящему сихъ воротъ только трое было, но, по причинѣ шестерыхъ сквозь оные проѣздовъ, называется *шестеро воротъ*» [14].

Со времени существованія своего въ Московскомъ мірѣ до нашихъ временъ, мостъ этотъ неоднократно былъ

[14] Описаніе императорскаго столичнаго города Москвы. Спб. 1782 г., въ 8, стр. 81.

ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЪ

починиваемъ и передѣлываемъ, такъ что въ послѣдствіи первобытный его видъ измѣненъ. Въ 1724 году въ маѣ мѣсяцѣ велѣно на починку Каменнаго Всесвятскаго моста и на покупку припасовъ деньги 530 рублевъ 70 копѣекъ, взявъ въ Московскую Рентерею изъ Московской Акцизной камеры, и записавъ въ Рентереи въ приходъ отпустить въ Московскую Полицiймейстерскую канцелярiю, записавъ въ расходъ съ роспискою [15]. Въ томъ же году производилась починка Каменнаго Всесвятскаго моста: «на дачу подрядчикамъ, каменщикамъ и за поставленной камень и бутъ, за желѣзо и лѣсникамъ за лѣсъ и на дачу-жъ поденнымъ работникамъ и колодникамъ, которые посылаются для работы и плотникамъ и кузнецамъ 11.449 рублей». [16]

Починки его въ царствованіе Анны Ивановны и Елизаветы Петровны мало измѣнили прежнее расположеніе и палаты съ лавками; въ 1771 году старожилы припоминаютъ восемь каменныхъ столбовъ; между ними были клѣтки изъ деревянныхъ брусьевъ. Вѣроятно, онѣ сдѣланы вмѣсто обрушившихся или поврежденныхъ сводовъ. Но когда мостъ значительно потерпѣлъ поврежденіе въ 1783 г. отъ весенняго напора воды, которая оторвала отъ боковъ его камни: тогда высочайшимъ указомъ 1784 года февраля 29, повелѣно его исправить. Для производства дѣлъ по этой постройкѣ былъ учрежденъ особый департаментъ [17] подъ вѣдомствомъ Московскаго главнокомандующаго графа Чернышева. Инженеръ Герардъ не находилъ другаго средства къ прочному ис-

---

[15] Дѣла Статсъ-конторы, вязка 39, № дѣла 144, въ Архивѣ министер. юстиціи.

[16] Статсъ-конторы дѣло 61, вязка 74, годъ 1724, въ Архив. мин. юст.

[17] Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи т. VII, №№ 5763 и 152.

правленію моста, какъ свидѣтельствовать его фундаментъ и отвести воду Москвы рѣки посредствомъ канала, а правый берегъ отъ канала до моста укрѣпить обрубами. За смертію графа Чернышева, планъ этотъ не приведенъ въ исполненіе. Нынѣ существующій отводный каналъ проведенъ графомъ Брюсомъ, преемникомъ графа Чернышева, которому Москва обязана своимъ устроеніемъ. Въ это время съ моста сняты деревянный помостъ и лавочки, [18] перила сдѣланы изъ крѣпкаго бѣлаго камня, а быки обложены дикаремъ. Кирпичь въ количествѣ 53 тысячь, оставшійся отъ разломки лавокъ, отданъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія.

Новое наводненіе, случившееся отъ проливныхъ дождей въ 1786 году августа 24, дало поводъ къ построенію Козьмодемьяновскаго моста въ 1788 г. и къ передѣлкѣ Каменнаго, которая окончилась въ 1792 г., тогда онъ поступилъ въ вѣдомство Казенной Палаты.

Едва минуло 16 лѣтъ, какъ въ 1804 г. мостъ потребовалъ новыхъ починокъ. По освидѣтельствованіи, архитекторы съ инженерами нашли въ немъ много поврежденій; модель его представили на разсмотрѣніе Академіи Художествъ. На этотъ предметъ тогда ассигновано было 111,164 рубли. Работы начались въ 1809 году и окончились предъ 1812 годомъ. Но вскорѣ потомъ онѣ возобновились: треснувшіе своды исправлены, развалившіеся быки построены были изъ дикаго Татаровскаго камня.

Такимъ образомъ, при всѣхъ починкахъ и перестройкахъ, основа Каменнаго моста, соединяющаго улицы

---

[18] Статистическое описаніе Москвы, соч. *Г. Гастева.* ч. I, М. 1841 г., въ 8.

Лѣнивку со Всесвятскою, оставалась неразобитною. Длиною онъ 70 и шириною 11 саженъ, былъ построенъ въ видѣ дуги на 6 аркахъ, но двѣ малыя арки заклажены; къ нимъ примыкали съ восточной полукруглые, а съ западной угловатые упоры, или отводные быки изъ дикаго камня. Глубокій и твердый фундаментъ, прочная, добросовѣстная кладка и толстыя желѣзныя связи обезпечивали его существованіе.

Съ исторіею этого достопамятнаго зданія сближается воспоминаніе разныхъ событій и прежняго Московскаго быта.

Съ самаго построенія сего моста, чрезъ него совершается ежегодно 19 августа, изъ Успенскаго собора крестное хожденіе въ Донской монастырь, на память низложенія подъ Москвою полчищъ Крымскаго хана Казы-Гирея 1591 года. До того, крестный ходъ слѣдовалъ черезъ Москворѣцкій мостъ. У Всесвятскаго моста въ 1695 году юный Петръ съ Преображенскимъ, Семеновскимъ и пятью Стрѣлецкими полками сѣлъ на струга и отправился въ Донской походъ. Когда же онъ праздновалъ въ Москвѣ 1696 года взятіе Азова, тогда имѣлъ торжественное шествіе изъ села Коломенскаго черезъ Каменный мостъ. При входѣ на него сооружены были великолѣпные тріумфальные ворота. На правой ихъ сторонѣ стояла Марсова статуя на піедесталѣ съ мечемъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой со щитомъ, на коемъ начертано: *Марсовою храбростію*. При подножіи Римскаго божества повержены были Татарскій мурза съ лукомъ и колчаномъ, а за нимъ два Татарина съ надписью:

Прежде на степяхъ мы ратовались,
Нынѣ же отъ Москвы едва бѣгствомъ спасались.

На лѣвой сторонѣ Геркулесова статуя держала въ правой рукѣ палицу, а въ лѣвой зелену вѣтвь съ над-

писью: *Геркулесовою крѣпостію.* У ногъ его лежалъ Азовскій паша въ чалмѣ и два Турка въ цѣпяхъ съ надписью:

Ахъ! Азовъ мы потеряли,
И тѣмъ бѣдствъ себѣ достали.

По обѣимъ сторонамъ входа въ ворота висѣли богатыя, изъ золотой парчи, полости съ золотыми кистями, на одной изъ полостей изображено было крупными словами: *Побѣда царя Константина надъ нечестивымъ царемъ Максентіемъ Римскимъ*; на другой *Возвратъ съ побѣдою царя Константина.* Внутреннія стѣны воротъ были обиты богатыми шелковыми обоями, на коихъ вытканы побѣды прежнихъ государей Россійскихъ и взятіе Казани царемъ Иваномъ Васильевичемъ. По своду воротъ въ трехъ мѣстахъ начертаны золотыми буквами слова Цесаря: *Пріидохъ, увидѣхъ, побѣдихъ.* Среди свода висѣлъ лавровый вѣнокъ. Ворота сіи увѣнчивались двухглавымъ орломъ подъ тремя коронами. На спущенномъ гзымзѣ, вокругъ воротъ представлены пушки и проходъ фуркасовъ по Днѣпру къ Азову съ надписью: *Богъ съ нами, никто же на ны.* На спускѣ гзымза летящій Ангелъ съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной рукѣ, и съ зеленою вѣтвью въ другой, выражалъ собою надпись: *Достоинъ дѣлатель мзды своея.*

По обѣимъ сторонамъ этой тріумфальной арки пирамиды, перевитыя зелеными вѣтвями, носили на себѣ надписи, одна: *Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ*; другая: *Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ.* Отъ обѣихъ пирамидъ вдоль моста поставлены были огромныя живописныя картины, украшенныя, вмѣсто рамъ, лаврами. Онѣ представляли: то битву Русскихъ съ Татарами и приступъ къ Азову, то морское сраженіе галеръ и фур-

касовъ подъ Азовомъ, то Нептуна съ трезубцомъ и весломъ, сидящаго на морскомъ чудовищѣ, съ надписью: *се и азъ поздравляю со взятьемъ Азова и вамъ покоряюсь.* Отъ такихъ картинъ, по обѣ стороны, перила моста обвѣшаны были драгоцѣнными персидскими коврами. Тогда этотъ мостъ представлялъ великолѣпнѣйшее, дотолѣ невиданное на Москвѣ, зрѣлище. Торжественное шествіе происходило 30-го сентября.

Черезъ тріумфальные ворота и мостъ въ этой процессіи ѣхали въ богатыхъ каретахъ: Думный дьякъ, учитель Петра I, Никита Мoѵсеевичъ Зотовъ, въ предшествіи государевыхъ пѣвчихъ, потомъ бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ и кравчій Кирилла Алексѣевичъ Нарышкинъ. Въ открытой тріумфальной колесницѣ, устроенной на подобіе морской раковины и окруженной Тритонами и Наядами, шествовалъ генералъ-адмиралъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ въ бѣломъ нѣмецкомъ мундирѣ. Въ преднесеніи морскаго флага, за нимъ слѣдовало около 3000 морскихъ служителей и матросовъ, далѣе длинные ряды каретъ и колясокъ; полки Преображенскій и Семеновскій, Турецкія знамена, влекомыя по землѣ солдатами, плѣнный мурза Аталыкъ съ завязанными платкомъ руками и т. д. Здѣсь не увидите Петра I въ блестящей раззолоченной каретѣ, или на тріумфальной колесницѣ. Среди этого великолѣпія, онъ, пѣшій, въ простомъ офицерскомъ мундирѣ и въ шляпѣ, шелъ передъ своимъ Преображенскимъ полкомъ. Какъ скоро Адмиралъ подъѣхалъ къ тріумфальнымъ воротамъ, то съ нимъ возглашены были ему черезъ мѣдную трубу слѣдующіе стихи:

Генералъ-Адмиралъ, морскихъ всѣхъ силъ глава,
Пришелъ, узрѣлъ, побѣдилъ прегордаго врага,

Мужествомъ командора Турокъ вскорѣ пораженъ,
Премногихъ же оружій и запасовъ ея лишенъ,
Сраженіемъ жестокимъ бусурманы побѣжденны,
Кормсти ихъ отбиты, корабли запаленны,
Оставшіямъ ся въ бѣгство ужасно устремиша,
Страхъ велій въ Азовѣ и всюду разшириша,
По сихъ ихъ сила многа на морѣ паки пріиде,
Но въ помощь въ градъ Азовъ отъ сихъ никто же вниде,
Сіе бо возбраниша морскихъ то воевъ сила,
И къ сдачѣ градъ Азовъ всю выю наклонила,
И тѣмъ взятьемъ весело тя поздравляемъ
Труды же командора тріумфомъ прославляемъ.

За такимъ привѣтствіемъ послѣдовали выстрѣлы изъ четырехъ мѣдныхъ пушекъ, поставленныхъ у воротъ; по этому знаку загремѣла артиллерія на площади у Бархатнаго двора, заиграли трубы, забили барабаны, литавры и накры, раздался колокольный звонъ по всей Москвѣ [19].

Такимъ торжествомъ здѣсь ознаменовалъ Петръ Великій одну изъ первыхъ своихъ побѣдъ и завоеваній, кои служили какъ бы мостомъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ его оружія на морѣ и на сушѣ. Послѣ блистательной побѣды подъ Кагуломъ и по заключеніи мира Кучукъ-Кайнарджскаго, Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій въ 1774 году имѣлъ торжественное шествіе черезъ Каменный мостъ.

Но здѣсь торжественныя и радостныя сцены иногда смѣнялись печальными и ужасными. Въ слѣдъ за тріумфомъ Азовскимъ въ 1696 году представилось поразительное зрѣлище. Тамъ на высокой телѣгѣ везли Нѣмчина Якушку, выписнаго инженера, который, при осадѣ Азова, заколотивъ пушки, передался Туркамъ и обусурманился. Преступникъ, между двухъ палачей, стоялъ

---

[19] Дѣянія Петра Великаго, ч. I, изд. 2.

ЕМЕЛЬЯНЪ ПУГАЧЕВЪ.

подъ висѣлицею, на перекладинѣ коей воткнуты были два топора и висѣли десять кнутовъ. Надъ головой его утвержденъ былъ Турецкій гербъ полумѣсяцъ, а на груди мѣдная доска съ подписью: «сей злодѣй свою вѣру четырежды перемѣнилъ и измѣнникъ сталъ Богу и человѣкамъ, изъ каѳолика сталъ протестантъ, потомъ грекъ, наконецъ и магометанинъ». Еще утромъ января 10-го, 1775 года всѣ полыя мѣста около Каменнаго моста, ближнія башни, стѣны, кровли домовъ и самый мостъ покрыты были народомъ, который здѣсь ожидалъ чего-то чрезвычайнаго. Вдругъ изъ Всесвятскихъ воротъ медленно потянулись на мостъ запряженныя парою сани, съ высокимъ помостомъ въ видѣ эшафота, на которомъ стоялъ на колѣняхъ скованный мущина, среднихъ лѣтъ, смуглый лицемъ, съ быстрыми глазами, въ пестромъ халатѣ, въ рукѣ онъ держалъ горящую свѣчу; рядомъ съ нимъ палачъ съ топоромъ въ рукѣ, предъ нимъ сидѣлъ на скамьѣ священникъ. Преступникъ кланялся народу, повторяя слова: *виноватъ передъ Богомъ и государемъ! простите меня, православные!* Лишь только его завидѣли, какъ изъ толпы раздались голоса: «Богъ тебѣ судья, злодѣй, ты убилъ моего отца, ты погубилъ моего мужа, ты замучилъ моего сына!» Сильный конвой съ обнаженными палашами и заряженными ружьями окружалъ этотъ поѣздъ. За ними слѣдовали сообщники злодѣя въ цѣпяхъ и палачи съ топорами, кнутами и веревками. На мѣстѣ казни, на болотѣ приготовлены были плахи, висѣлицы и станки съ колесами для четвертованія. Такъ этотъ извергъ, Донской казакъ Пугачевъ, дерзнувшій присвоить себѣ титло Императора Петра III, мучительски умертвилъ въ одинъ годъ до 700 дворянъ обоего пола, 135 разночинцевъ, 53 священика, 86 діаконовъ и причетни-

ковъ, 35 купцевъ, 167 дворовыхъ людей и 108 крестьянъ[20] за то, что они не признавали его своимъ государемъ и вѣрны были присягѣ законной своей Императрицѣ.

Въ прежнемъ бытѣ древней столицы Каменный мостъ представлялъ совсѣмъ другое зрѣлище, нежели какъ нынѣ. Подобно Спасскому и другимъ мостамъ, онъ служилъ путемъ не только для проѣзжихъ и прохожихъ, но и насущнымъ пристанищемъ для нищихъ, калекъ, леженокъ, пѣвцовъ Лазаря, мелочныхъ торговцевъ, сводчиковъ и вообще гулящихъ людей, какихъ бывало множество въ древней столицѣ. Здѣсь мытники сбирали съ возомъ мостовщину, какая взималась и на другихъ мостахъ. Еще въ царствованіе Елисаветы Петровны, черезъ него водили изъ Сыскнаго приказа *языковъ*, которые оговаривали встрѣчныхъ и поперечныхъ; тамъ же колодники въ деревянныхъ колодкахъ, желѣзныхъ кандалахъ и съ рогаткой на шеѣ выпрашивали себѣ милостыню у прохожихъ жалобнымъ напѣвомъ: «будьте жалостливы и милостивы къ бѣднымъ, заключеннымъ Христа ради!» Подъ девятою клѣткою моста бывало сборище воровъ и разбойниковъ, которые здѣсь грабили и убивали; случалось, какъ видно изъ дѣлъ Сыскнаго приказа, ограбленныхъ они бросали въ рѣку: это значило на ихъ языкѣ: *концы въ воду*. Такихъ подмостныхъ промышленниковъ называли въ Москвѣ: *изъ-подъ девятой клѣтки*. Ихъ бытъ описанъ въ исторіи Ваньки Каина[21]. Этотъ мостъ иногда служилъ Левкадскимъ мысомъ для отчаянныхъ, или сумасшедшихъ.

---

[20] Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, состав. Д. *Бантышъ-Каменскимъ*, ч. IV, М. 1836 г., въ 8.

[21] Обстоятельныя и вѣрныя исторіи Россійскаго славнаго вора, разбойника и бывшаго Московскаго сыщика Ваньки Каина, изд. 2. М. 1788 г., въ 8.

Старожилы, заставшіе первое десятилѣтіе царствованія Екатерины II, еще помнили словоохотнаго слѣпца, который не только торговалъ на мосту замками и ключами, но и вмѣстѣ былъ слесаремъ. Замѣчая, что у него кто-то таскаетъ изъ бурака мѣдныя деньги, онъ вздумалъ въ дверяхъ лавки приладить мертвую петлю. Ночью попался въ нее воръ; усиливаясь освободиться изъ нее, онъ затянулъ петлю и удавился. Слѣпой хотѣлъ было бросить трупъ въ рѣку; потащилъ его, но встрѣтившійся съ нимъ доворъ обнаружилъ преступленіе, которое и наказано было потомъ на самомъ мѣстѣ. Событіе это дало поводъ Московской притчѣ: *слѣпой зрячаго удавилъ.*

Въ весеннее разлитіе рѣки Каменный мостъ превращается въ гульбище; толпы москвичей сбираются сюда смотрѣть, какъ тихая ихъ рѣка превращается въ бурный, стремительный потокъ, влекущій съ шумомъ волнами своими огромныя льдины, кои, ударяясь въ дикокаменные быки моста, разбиваются на мелкія части.

Въ такомъ видѣ существовалъ Каменный мостъ до начала царствованія Императора Александра.II. Самыя починки его такъ производились, какъ будто подготовляли его къ совершенному уничтоженію. Между тѣмъ выпадавшіе кирпичи изъ сводовъ въ аркахъ дали поводъ предполагать паденіе сводовъ и самый подъемъ его казался очень крутымъ, по своему отношенію къ прилегавшимъ къ нему уличнымъ мостовымъ. Наконецъ рѣшено было его сломать и, вмѣсто его, тамъ выстроить новый мостъ гораздо легче прежняго. Сколькихъ стоило усилій и иждивеній, чтобы сломать этотъ двухъ-вѣковый памятникъ! Самою трудностью сломки доказывалась прочность его кладки и доброта матеріала, изъ коего только

одной части достаточно было на постройку огромнаго дома. Московскіе жители съ любопытствомъ и съ сожалѣніемъ собирались смотрѣть на разрушеніе этого моста, который долго почитаемъ былъ одною изъ диковинъ не только древней столицы нашей, но вообще и всей Россіи. Мѣстность его обратилась въ урочище.

Новый мостъ сооруженъ на трехъ чугунныхъ аркахъ и на двухъ каменныхъ быкахъ, съ чугунными перилами. Мостовая на немъ деревянная. Строителемъ его былъ инженеръ-полковникъ Танненбергъ.

По окончаніи этого зданія къ 1859 году, оно освящено и открытъ по оному проѣздъ.

III.

СТАРОЕ
РЯЗАНСКОЕ ПОДВОРЬЕ
ВЪ МОСКВѢ.

Статья И. М. Снегирева.

Смиренный Стефанъ митрополитъ Рязанскіи и Муромскіи

МИТРОПОЛІТЪ СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ.

РЯЗАНСКОЕ СТАРОЕ ПОДВОРЬЕ, ЧТО НЫНѢ ДОМЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРІИ.

Въ Бѣломъ городѣ, въ главѣ Мясницкой улицы, на углу, между двумя приходскими церквами Гребневскія Божіей Матери и Св. Іоанна Предтечи, увидите дворъ съ каменными зданіями выступающими своими фасадами на Лубянскую площадь и на Мясницкую. Архитектура ихъ теперь новѣйшая.

Этотъ дворъ, обнесенный съ южной стороны каменною оградой, хотя измѣненный передѣлками и получившій новое назначеніе, имѣетъ видъ монастырскаго, или архіерейскаго подворья, какимъ нѣкогда дѣйствительно и былъ. Не столько замѣчателенъ онъ по древности и по зодчеству своихъ зданій, сколько достопамятенъ своей исторіей. Въ теченіе двухъ вѣковъ принималъ онъ различное значеніе, переходилъ отъ одного вѣдомства къ другому, былъ свидѣтелемъ многихъ событій, болѣе или менѣе важныхъ: первоначально это Архіерейское подворье, потомъ Инвалидный домъ и пріютъ умалишенныхъ, за тѣмъ Тайная экспедиція розыскныхъ дѣлъ, послѣ Горное правленіе, Управа Благочинія, Никольскія казармы и Библейское общество, наконецъ Духовная консисторія. Отъ различнаго назначенія этотъ дворъ въ

городскомъ быту получалъ различныя названія, такъ что первоначальное его значеніе наконецъ предано забвенію и теперь немногіе знаютъ, что онъ нѣкогда былъ подворьемъ Рязанскихъ духовныхъ владыкъ и мѣстопребываніемъ блюстителя патріаршаго престола, славнаго въ свое время богослова — полемика, митрополита Рязанскаго Стефана Яворскаго.

Зависимость епархіальныхъ архіереевъ отъ всероссійскаго митрополита и потомъ отъ патріарха призывала въ Москву по дѣламъ церковнымъ нетолько настоятелей знатнѣйшихъ монастырей и духовныхъ лицъ, но и самихъ владыкъ. [1] Сверхъ того, хозяйственныя и административныя дѣла епархій требовали постояннаго присутствія въ древней столицѣ повѣренныхъ отъ епархіальныхъ архіереевъ и монастырей. Все это было поводомъ къ устроенію тамъ *осадныхъ дворовъ*, или архіерейскихъ и монастырскихъ подворьевъ, по старинному, *дворищъ*, гдѣ останавливались иногородные іерархи и настоятели монастырей, пріѣзжавшіе въ Москву по своимъ дѣламъ, и гдѣ имѣли постоянное пребываніе стряпчіе и пищики. Въ домовой конторѣ тамъ хранились крѣпости, правыя грамоты и обыски, мѣновныя, поступныя, данныя, вкладныя, выкупныя, отказныя, отводныя, разъѣзжія, отдѣльныя, ввозныя, поручныя, записки платежныя, росписки, наказы монастырскимъ прикащикамъ и т. д. Монастырскій стряпчій приставляемъ былъ къ подворью за поруками, которые ручались въ томъ, «чтобы жити ему въ Москвѣ на Московскомъ подворьѣ въ стряпчихъ, ходить за всякими монастыр-

---

[1] Исторія Русской Церкви, соч. преосв. *Филарета Гумилевскаго*, періодъ 3. М. 1847 г. стр. 28 и 29.

скими дѣлами и монастырю радѣть и прибыли искать во всемъ неоплошно, а которыя монастырскія крѣпости будутъ у него, и ему тѣ крѣпости беречь и никому не отдавать, и монастырю и монастырскимъ ихъ крестьянамъ убытка никакого не учинить; живучи, отъ монастыря не отойтить и ни за кого не заложиться; архимандрита, келаря, казначея, или кто по нихъ въ монастырѣ иныя власти и братія будутъ, ему во всемъ слушать и почитать.» Кромѣ того, еще ручались за стряпчаго въ томъ, что онъ «не будетъ никакимъ худымъ дѣломъ промышлять и надъ монастырскими крестьянами и надъ крѣпостьми никакія хитрости не учинитъ, не станетъ пить и бражничать, съ воровскими людьми не знаться, пріѣзду воровскимъ людямъ не держать, а прежнія дѣла очищать, кто за дѣлы ходилъ, и безъ докладу властелинскаго въ судъ ему не ходить и сдѣлки ни съ кѣмъ не чинить [2]. Изъ этого видно, какъ важна была должность стряпчаго и какъ велика его отвѣтственность! За службу свою онъ получалъ отъ архіерейскаго дома, или монастыря денежное и кормовое жалованье. Канцелярію домовую стряпчаго составляли пищики, т. е. писари. Кромѣ того, на подворьяхъ ставились за поруками дворники, подчиненные стряпчему: они обязаны были «стеречь и беречь монастырскій дворъ накрѣпко, заборовъ и огороды не обжечь и ни чѣмъ не опустошить, виномъ и табакомъ не торговать, зернью и карты не играть, корчмы, стану и пріѣзду воровскимъ людемъ не держать и съ воровскими людьми не знаться, воровскою рухлядью не промышлять и никакимъ воровствомъ не воровать, никакого въ монастырѣ убытку не учи-

---

[2] Акты юридическіе, № 333

нить» [3]. За неустойку и за всякое дурно стрянчаго и дворника съ поручиковъ взыскивалась пеня.

Къ такимъ-то подворьямъ принадлежало Рязанское архіерейское, что нынѣ домъ Московской Духовной консисторіи. До построенія Бѣлаго и Царева города, въ концѣ XVI вѣка, на этомъ мѣстѣ стоялъ боръ и отъ этого урочище церкви Гребневскія Божіей Матери, сосѣдственной съ подворьемъ Рязанскимъ, слыло *подъ боромъ*. Намъ неизвѣстно, когда оно основано; но, вѣроятно, начало его отнести надобно къ тому времени, когда Рязанское княжество присоединилось къ Московскому государству и когда Рязанцы поцѣловали крестъ государю своему, великому князю Василію Ивановичу [4]. Хотя сношенія Рязани съ Москвою по дѣламъ духовнымъ еще прежде того бывали, и Рязанскіе епископы являлись въ Москву на соборы [5], но съ того времени они сдѣлались ближе, Рязанскіе владыки чаще ѣзжали въ Москву къ всероссійскому митрополиту и патріарху, утверждали своею подписью поручныя записи бояръ въ вѣрной и усердной службѣ государю Московскому [6].

Въ историческихъ актахъ появляется Рязанскій архіерейскій домъ 1634 года, когда въ пожарѣ тамъ сгорѣли дѣла по архіепископскимъ домовымъ вотчинамъ [7]. Для возобновленія утраченныхъ крѣпостныхъ актовъ, посланъ былъ изъ Рязани въ Москву приказный человѣкъ Акимъ Грибоѣдовъ. Изъ этого можно заключить,

---

[3] Тамъ же № 360.

[4] Тамъ же № 328.

[5] Исторія Росс. іерархіи. II, 1079.

[6] Собраніе государ. грамотъ, I, № 189.

[7] Извѣстія Императорскаго Археологическаго общества, Спб. 1861 г. т. II, вып. 5 и 6.

лѣт а҂з рѯв гіу я августа вдн о ни по бла

гословению сіу нее го іу нсая ля

ях не пк ги я ре з я ско іу у ро ско

ня ч ять серон сика я іеіе ь е я хн

ег кы ниж ни ядвекеід я

брц кя я ке а дя се ре ни я

сѣнид язя дни че вере рь сѣ

ни вче ве ре тю е лѣ т я вя ясе я

его я совершеніе то го же лѣ

та іюля ѕ дн до іу во кя ню ю

что гораздо прежде существовало это подворье, на которомъ до пожара останавливались архіепископъ Рязанскій Антоній, іеромонахи, приказные его люди и домовыя боярскія дѣти. По этому вѣроятно, что Рязанское подворье существовало въ началѣ XVII вѣка и что съ него перешелъ въ Патріаршія палаты Рязанскій архіепископъ Игнатій, въ послѣдствіи лжепатріархъ Московскій, вѣнчавшій на царство Лжедимитрія. Прежде строеніе на немъ было деревянное; о времени сооруженія каменныхъ палатъ свидѣтельствуетъ намъ прилагаемая здѣсь слѣдующая надпись, высѣченная на каменной плитѣ длин. 1 ар. 8 верш., шир. 14 вер. въ нижнемъ ярусѣ трехъ-этажнаго надворнаго корпуса: «Лѣта 7162 май во 8 день, по благословенію смиреннаго Мисаила, архиепископа Резанского і Муромского, начаты строится сии каменые архиепископьи нижния двѣ кѣлиі, да брацкая кѣлья, да середния сѣни, да заднии четверы сѣни, в четвертое лѣта владычества его, а совершены того же лѣта іюля въ 1 день, домовой казною».

Это строеніе, уцѣлѣвшее до нашихъ дней, вызываетъ воспоминаніе о самомъ строителѣ, вписавшемъ имя свое въ исторію отечественной Церкви не однимъ сооруженіемъ каменныхъ палатъ на своемъ подворьѣ, но и подвигами апостольской ревности о распространеніи православной вѣры въ его области. Въ 1651 году изъ іеромонаховъ Новгородскаго Деревеницкаго монастыря, хиротонисанный патріархомъ Никономъ въ архіепископа Рязанскаго, [8] Мисаилъ возревновалъ, съ благословенія рукоположителя своего, вступить на опасный подвигъ миссіонерства въ своей епархіи; въ Касимовѣ, Шацкѣ

---

[8] Исторія Русской Церкви, соч. преосв. *Филарета Гумилевскаго* періодъ 3. М. 1847 г.

и Тамбовѣ тогда находилось много иновѣрцевъ между Татарами и Мордвою. Апостольская его ревность по вѣрѣ благословлена была успѣхомъ; въ тѣхъ мѣстахъ онъ окрестилъ до 4200 человѣкъ съ женами и дѣтьми. Въ предпослѣдній годъ своей жизни, какъ строилась палата на Рязанскомъ подворьѣ, онъ испросилъ себѣ благословеніе у патріарха отправиться въ предѣлы своего владычества для проповѣди Слова Божія между язычниками. Переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, Мисаилъ убѣждалъ иновѣрцевъ оставить лжевѣріе и обратиться къ истинной вѣрѣ. Въ одномъ селѣ крещено имъ 315 человѣкъ Мордвы. Но упорные воспротивились въ селѣ Конобѣевѣ, близъ Шацка. Туда явился ревностный пастырь, въ святительскомъ одѣяніи, съ крестомъ въ рукѣ; они встрѣтили его съ враждебнымъ духомъ; пронзенный ихъ стрѣлами, онъ палъ мученикомъ за св. вѣру. Это случилось въ 1655 году. Мисаилъ погребенъ въ Рязанскомъ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ хранится его мантія, пробитая въ нѣсколькихъ мѣстахъ стрѣлами и обагренная его кровью.

Намъ заподлинно не извѣстно продолжалось ли и окончилось ли начатое Мисаиломъ строеніе на Рязанскомъ подворьѣ при преемникахъ сего священномученика, митрополитахъ Рязанскихъ и Зарайскихъ Иларіонѣ, Іосифѣ, Павлѣ и Авраамія. Но вѣроятно, что знаменитый ревнитель и поборникъ православія Стефанъ Яворскій, въ теченіи 22-лѣтняго правленія Рязанскою паствою, продолжалъ и довершилъ начатое Мисаиломъ; по преданію, при немъ строены двѣ двухъ-этажныя палаты, выступающія на Лубянскую площадь.

Съ 1702 по 1721 годъ, до учрежденія св. Сvнода, Стефанъ, какъ викарій и блюститель патріаршаго пре-

стола, завѣдывая его дѣлами, нѣсколько лѣтъ пребывалъ на этомъ подворьѣ; тамъ его посѣщалъ другъ его и сотрудникъ, святитель Димитрій Ростовскій; тамъ онъ свѣрялъ исправленіе Словенской Библіи для изданія, съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, Софроніемъ Лихудомъ и другими учеными того времени; тамъ сочинялъ извѣстную книгу свою Камень вѣры противъ иступленныхъ Калвинистовъ между Русскими и другія полемическія сочиненія. Хотя Стефанъ и навѣщалъ свою епархію и являлся въ новую столицу для управленія духовными дѣлами и для проповѣдыванія Слова Божія; но любимымъ его мѣстопребываніемъ было Рязанское подворье въ Москвѣ. По учрежденіи въ С.-Петербургѣ 1721 г. св. Сѵнода, въ которомъ онъ былъ первымъ президентомъ, онъ оттуда возвратился въ свое Московское подворье уже больной и тамъ окончилъ многотрудную жизнь свою 1722 года ноября 27-го; [9] тѣло его отпѣто въ приходской церкви Гребневскія Божіей Матери. [10]

Но, какъ мы увидимъ далѣе, это подворье получало разныя назначенія, между прочимъ, по указу царя Ѳеодора Алексѣевича, въ 1677 году сентября 29-го, тамъ учрежденъ былъ госпиталь для раненыхъ подъ Чигириномъ. [11]

Послѣ кончины Стефана Яворскаго, это архіерейское подворье показано въ духовныхъ книгахъ за домомъ его преемника, архіепископа Алексія; въ 1742 году состояло въ приходѣ церкви Гребневскія Божіей Матери; [12]

---

[9] Словарь историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской Церкви. *М. Евгенія*, изд. 2 Спб. 1827, въ 8.

[10] Въ полномъ собраніи законовъ. т. IV, стр. 32, 39.

[11] Журналъ мин. нар. просв. ноябрь. 1842 г. стр. 2.

[12] Книга по 1 командѣ, состав. капитаномъ Бражниковымъ, въ 1742 году, наход. въ архивѣ IV Округа путей сообщ. и публ. зданій.

потомъ поступило въ приходъ церкви Св. Іоанна Предтечи, гдѣ и донынѣ находится. На этомъ дворѣ до 1783 года стояла у южныхъ воротъ каменная церковь съ двумя престолами: въ честь Св. Троицы и во имя св. Архангела Михаила; она уже значится въ книгѣ первой ревизіи 1722 года; тогда служили въ ней Грузинскаго царя бѣлые священники. Владѣніе его на Мясницкой простиралось до угла теперешняго Фуркасовскаго переулка.

Въ исповѣдныхъ книгахъ 1760 г. показанъ на Рязанскомъ подворьѣ только стряпчій и дворникъ съ семействами. [13]

Но съ 1774 по 1801 годъ назначеніе Рязанскаго подворья перемѣнилось; это мирное пристанище приняло грозный и мрачный видъ: тамъ тогда помѣщена Тайная экспедиція, образованная изъ Тайной канцеляріи розыскныхъ тайныхъ дѣлъ, гдѣ производились секретныя слѣдствія по доносамъ и уликамъ особенно въ оскорбленіи Величества, въ дѣланіи фальшивой монеты и въ нарушеніи общаго порядка; также обсуживались дерзкія и даже двусмысленныя слова на счетъ правительственныхъ лицъ и административныхъ мѣръ, хотя бы сказанныя въ нетрезвомъ видѣ. Слѣдственныя дѣла Тайной экспедиціи содержались въ великой тайности. Тамъ находилась судная и канцелярская палаты, гдѣ розыски производились обыкновенно ночью. Начальникомъ ея былъ въ генеральскомъ чинѣ Степанъ Ивановичъ Шишковскій, правителемъ дѣлъ статскій совѣтникъ Алексѣй Михайловичъ Черединъ, о которыхъ скажемъ впослѣдствіи. Въ секретныхъ казенкахъ и каменныхъ мѣшкахъ [14] со-

[13] Въ архивѣ Московской Духовной консисторіи.

[14] Родъ печуръ въ стѣнахъ съ желѣзными дверями, гдѣ нельзя ни сѣсть, ни лечь.

держались приводные люди-подсудимые, къ которымъ не допускали ни родныхъ, ни знакомыхъ. Если оговоренные, или обличенные въ какомъ-либо преступленіи, подлежащемъ изслѣдованію Тайной экспедиціи, ссылались на свидѣтелей, или сообщниковъ, то при допросахъ сводили тѣхъ и другихъ на очную ставку, или, какъ говорится, ставили *на одну доску*. Для увѣщанія, съ одной стороны, предъ ними были Крестъ, Евангеліе и священникъ, а съ другой для устрашенія, или истязанія упорныхъ, палачь, розги, плети и кошки. Хотя Екатерина II въ Наказѣ своемъ осуждала пытку и указами своими 1763 и 1768 годовъ повелѣла замѣнять увѣщаніемъ ученыхъ священниковъ и производить ее не прежде, какъ когда съ увѣщанія преступники не признаются; но пристрастный допросъ въ стѣнахъ Тайной экспедиціи почитался необходимымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Увѣщателемъ при этой экспедиціи съ 1774 года былъ настоятель приходской ея церкви протоіерей Іоаннъ Стефановъ.

Здѣсь производилось строжайшее слѣдствіе надъ сообщниками ложнаго Петра III Емельки Пугачева, которые содержались въ казематахъ этого тайнаго судилища; ихъ сводили на очную ставку съ Пугачевымъ. Когда, при началѣ Французской революціи, возведено было подозрѣніе на общество Мартинистовъ, которыхъ смѣшивали съ Иллюминатами, тогда главный участникъ въ немъ типографщикъ Новиковъ содержался нѣсколько времени и допрашиваемъ былъ въ этой экспедиціи. Это случилось въ 1792 году. Домъ, и книжная лавка Новикова находилась у Китайской стѣны подлѣ самыхъ нынѣшнихъ *проломныхъ*, тогдашнихъ *Никольскихъ* воротъ, типографія же Университетская до перевода ее на Твер-

скую въ нынѣшній домъ И. П. Шаблыкина, занимала мѣсто тамъ, гдѣ нынѣ домъ Человѣколюбиваго общества, прежній Шипова.

Во время слѣдствія домъ Новикова былъ наполненъ солдатами, типографія и книжный магазинъ запечатаны, [15] многія изданныя въ ней книги, показавшіяся сомнительными, сожжены.

Въ 1796 году найдено необходимымъ опредѣлить сюда доктора, безъ сомнѣнія, для медицинскаго пособія допрашиваемымъ особамъ обоего пола. Въ царствованіе Павла I Тайная экспедиція, отданная въ вѣдомство генералъ-прокурора, продолжала свои дѣйствія, только со многими ограниченіями. Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, Павелъ I повелѣлъ освободить всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по Тайной экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ, которыхъ приказалъ покоить и лечить, и по излеченіи «освободить.» Ежели какіе и поступали туда арестанты, то приняты были мѣры къ спокойнѣйшему ихъ содержанію; имъ уже не забивали ноги въ колодки, не сажали на стѣнную, не налагали цѣпей, не клали въ ротъ кляпа, который вынимали только тогда, когда давалась пища.

Наконецъ, въ самомъ началѣ царствованія Александра I-го страшная Тайная экспедиція уничтожена, секретныя дѣла ея сданы въ Сенатскій архивъ старыхъ дѣлъ, дѣла по Государственнымъ преступленіямъ переданы въ вѣдомство обыкновенныхъ присутственныхъ мѣстъ. Указомъ 1802 года повелѣно доставить въ Сенатъ отъ гражданскаго губернатора списки о сумасшед-

---

[15] Записки *И. В. Лопухина* въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древн. Рос. 1860 г. апрѣль и іюнь.

шихъ, прикосновенныхъ къ слѣдствіямъ. Такъ называемые каменные мѣшки обращены въ шкафы для поклажи посуды, глубокіе подвалы подъ средними палатами, гдѣ по нѣскольку лѣтъ томились въ оковахъ взятые по оговору, или подозрѣнію, употреблены на предметы домашняго обихода; пыточныя орудія истреблены. Самый домъ принялъ другой видъ и другое значеніе въ городской жизни, и Московскіе жители уже безъ страха проходили и проѣзжали мимо его желѣзныхъ воротъ; но до 1802 г. здѣсь еще жили Черединъ, сенатскіе сторожа и солдаты, какъ значится въ духовныхъ книгахъ консисторскаго архива.

Пользуясь свидѣтельствами современниковъ Тайной экспедиціи, заключимъ обозрѣніе ея дѣйствій чертами характера Шишковскаго и нѣкоторыми случаями, которые обнаруживаютъ духъ того времени.

Степанъ Ивановичъ Шишковскій, по описанію его современниковъ, старожиловъ Московскихъ, былъ роста небольшаго, но плотный; въ острыхъ глазахъ его отсвѣчивалась проницательность, на губахъ мелькала полу-улыбка. Въ обхожденіи онъ былъ веселъ и шутливъ, особливо съ дамами, такъ что никакъ нельзя подозрѣвать въ немъ инквизитора. При допросахъ пристрастныхъ онъ не обнаруживалъ нетерпѣливости и запальчивости; даже въ щекотливыхъ случаяхъ, какъ искушенный многими опытами обыкновенно сохранялъ ненарушимое хладнокровіе, и въ продолженіе самаго дѣйствія читывалъ акаѳистъ Іисусу сладчайшему и Божіей Матери, прерывая только набожное свое чтеніе вопросами, или увѣщаніями испытуемымъ, совѣтами и исполнителямъ его приказаній; къ просьбамъ и воплямъ онъ былъ крѣпокъ на ухо. Только въ чрезвычайныхъ обстоятель-

ствахъ, самъ съ золотою табакеркой въ рукѣ, обращался къ лицу допрашиваемаго, не смотря ни на какую личность.

Одно появленіе его въ какомъ либо, хотя и знакомомъ его домѣ, наводило страхъ на хозяевъ и гостей: мущины блѣднѣли, женщины падали въ обморокъ. Всякой трепеталъ, не сказалъ ли онъ когда и гдѣ-либо какого неосторожнаго слова, или по злобѣ не донесъ ли кто на него и не за нимъ ли пріѣхалъ Степанъ Ивановичъ. Вздумалось ему однажды въ Москвѣ съ пирушки завернуть къ одному старинному пріятелю, купцу; его сопровождалъ Черединъ. Время было уже за-полночь. Въ домѣ у купца всѣ спали. Лакей насилу достучался у воротъ. На стукъ вышедшій полусонный дворникъ отперъ калитку и доложилъ, что хозяева спятъ и онъ не смѣетъ ихъ разбудить. «Ступай,» крикнулъ Степанъ Ивановичъ, «разбуди своего хозяина и скажи, что пріѣхалъ Шишковскій.» При этомъ роковомъ имени, дворникъ опрометью бросился будить хозяина, въ слѣдъ за нимъ пошелъ Шишковскій съ своимъ подчиненнымъ. А внезапный пріѣздъ его ночью всегда почитался зловѣщимъ. Разбуженный и испуганный купецъ, вскочивъ съ постели, полураздѣтый выходитъ на встрѣчу къ страшному гостю; но ничего не можетъ выговорить, ротъ у него перекосило, языкъ отнялся. Беременная хозяйка выкинула недоношеннаго ребенка и вскорѣ умерла.

Пріученные владычествомъ лютаго Бирона къ доносамъ, оговаривали родныхъ и чужихъ; самый вздохъ ропота, слеза скорби, мановеніе, тѣмъ болѣе слова, выражавшія сѣтованіе, или соболѣзнованіе казались подозрительными и давали поводъ къ розыскамъ въ застѣнкахъ и покаянныхъ; свидѣтели боялись и не до-

нести, чтобы другіе не донесли на нихъ, что они умолчали.

Сколько было примѣровъ, что въ Тайной экспедиціи судили не однѣ дѣла, но и слова, худо понятыя и криво перетолкованныя, хотя бы онѣ сказаны были кѣмъ-либо въ шутку, или не въ треавомъ положеніи. Теперь бы назвали ихъ сплетнями, не стоющими вниманія, а тогда за нихъ платились кровью, животами и жизнію. Ограничимся только двумя, изъ тысячи, примѣрами.

Въ Москвѣ, на имянинахъ мѣщанина, кумъ подчивалъ свою куму домашнею наливкой. Кума, посадская баба, чванилась, отговаривалась пить. Тотъ упрашивалъ ее и между прочимъ сказалъ: «выкушай же, всемилостивѣйшая государыня!» Одинъ изъ гостей, за что-то сердитый на хозяина, закричалъ роковое *слово* и *дѣло*; куму съ кумою взяли къ пристрастному допросу въ Тайную. То было въ царствованіе Елизаветы Петровны. Тамъ допрашивали бѣднаго кума: «съ какой стати, съ какимъ умысломъ повеличалъ онъ посадскую бабу всемилостивѣйшею государынею и не имѣла ли кума его какого посягательства на царское Величество?» Что его спрашивали на дыбѣ, подъ ударами кнута, то онъ и отвѣчалъ утвердительно. Снимутъ съ дыбы и перестанутъ сѣчь, онъ отрѣкался отъ своихъ словъ, говоря, что показалъ напрасно на себя, не стерпя мученія. Разумѣется, и кума не оставлена была безъ розыска и то же повторяла.

«Нѣтъ ли у васъ, батюшка, такого-то указца?» спросилъ одинъ купецъ у знакомаго ему чиновника Тайной экспедиціи.—«У насъ нѣтъ никакихъ указцевъ, а есть Высочайшіе именные указы. Указецъ слово уменьшительное—слѣдственно унизительное. По долгу присяги,

я обязанъ довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства.» Испуганный купецъ бросился къ чиновнику въ ноги; упрашивалъ и умолялъ его пощадить и не доносить. Тотъ не соглашался, стращалъ Тайною, наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что купецъ поквитался своимъ домомъ, на который выдалъ купчую ревностному исполнителю своихъ обязанностей по присягѣ и службѣ.

Обычай обнаруживать передъ властями преступленія по первымъ двумъ пунктамъ сказываньемъ *слова* и *дѣла* существовалъ еще прежде изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича, — самое объясненіе о «словѣ и дѣлѣ», нѣкоторыхъ подробностей въ Уложеніи служитъ тому доказательствомъ, — но когда именно начали сказывать слово и дѣло и въ какомъ смыслѣ сочеталось слово съ дѣломъ, это остается неизвѣстнымъ. «Слово и дѣло» продолжалось во все время царствованія Петра. Это было несчастное наслѣдство, полученное имъ отъ предшествующихъ царствованій. Теперь насъ возмущаетъ этотъ варварскій обычай, вкравшійся въ Уложеніе, насъ поражаетъ убѣжденіе того времени въ законности истязаній нечеловѣческихъ, но тогда никого это не удивляло, все это дѣлалось по естественному, постепенному ходу событій, въ систематической послѣдовательности перехода идей грубыхъ, невѣжественныхъ, нравовъ дикихъ и очерствѣлыхъ къ понятіямъ здравымъ и чувствамъ человѣческимъ. «Слово и дѣло» для насъ теперь преданіе, легенда, но въ немъ мы найдемъ обильный источникъ для исторіи нашего народнаго быта, во всѣхъ концахъ Россіи, съ подробностями и семейной и общественной жизни, объ идеяхъ, и нравственныхъ побужденіяхъ, о суевѣріяхъ и предразсудкахъ. [16]

---

[16] См. Люди стараго вѣка. *Г. В. Есипова.* Спб. 1880 г.

Съ 1802 по 1810 годъ въ домѣ этомъ помѣщались: 1) сумасшедшіе, какими нерѣдко называемы были перешедшіе по мытарствамъ Тайной экспедиціи и какіе, до отобранія вотчинъ отъ духовенства, посылались въ монастыри подъ строгій присмотръ изъ Преображенскаго приказа, изъ Тайной канцеляріи и Сыскнаго приказа; 2) инвалиды, въ числѣ которыхъ находилось 14 штабъ и оберъ-офицеровъ, и 12 прапорщиковъ, 2 унтеръ-офицера, 16 рядовыхъ и 10 солдатокъ. Надъ этимъ госпиталемъ имѣлъ смотрѣніе коллежскій совѣтникъ Захаровъ. Потомъ этотъ домъ обращенъ былъ въ Никольскія казармы.

Во время нашествія непріятелей въ 1812 году, всѣ зданія Рязанскаго подворья сохранены отъ пожара, безъ сомнѣнія, потому, что ихъ занимали Наполеоновскіе солдаты. По выходѣ ихъ изъ Москвы, тамъ, около шести лѣтъ, помѣщалось Горное правленіе съ чиновниками и рядовыми, которое переведено оттуда въ домъ Нарышкиныхъ на Моховой, потомъ Управа Благочинія.

Въ 1819 году это Архіерейское подворье стало именоваться *домомъ Библейскаго общества*, учрежденнаго 6 декабря 1812 года, въ день изгнанія иноплеменныхъ враговъ изъ Россіи. Здѣсь была контора и книжная лавка общества, гдѣ продавались книги Ветхаго и Новаго Завѣта на разныхъ языкахъ; здѣсь жилъ секретарь этого общества Н. Д. Горчаковъ, книгопродавецъ И. И. Переплетчиковъ, бывшій у Новикова коммисіонеромъ. Дѣятельность Библейскаго товарищества, входившаго въ сношеніе съ Англійскими обществами, обнаружилась ревностнымъ распространеніемъ въ народѣ Св. Писанія, изданіемъ Русскаго перевода Псалтыри, Евангелія, Посланій и Дѣяній Св. Апостоловъ и Апокалипсиса. Хо-

тя оно видимою своею цѣлью не могло не привлечь вниманія и участія многихъ, но въ нѣкоторыхъ возбудило подозрѣніе, не скрывается ли другой какой цѣли въ его учрежденіи, и не имѣетъ ли оно тайной связи съ масонскими ложами, которыя открыты были въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ почти въ одно время съ Библейскими обществами. Смѣлые отзывы и опрометчивыя предположенія Англійскихъ миссіонеровъ, высказанные гласно, усилили подозрѣніе. Тѣ или другія причины подали поводъ закрыть это общество въ 1826 году, а домъ отдать въ вѣдомство Московской синодальной типографіи; распоряженіе-жъ имуществомъ Библейскаго общества возложено на св. Сvнодъ.

Наконецъ этотъ домъ опять поступилъ въ духовное вѣдомство. Въ 1833 году въ него перемѣщена изъ Чудова монастыря Московская Духовная Консисторія. Это присудственное мѣсто, производящее духовный судъ въ епархіальной области подъ непосредственнымъ управленіемъ епархіальнаго архіерея [17], образовано въ 1744 году изъ Духовной Дикастеріи, занимавшей на Сvнодальномъ дворѣ въ Кремлѣ мѣсто Суднаго приказа. При архіепископѣ Московскомъ Платонѣ Малиновскомъ, оттуда переведена Консисторія въ Чудовъ монастырь, гдѣ донынѣ находится ея архивъ. Въ 1746 году присудствовали въ ней архимандриты: Андрониковскій Іона, Богоявленскій Герасимъ, Угрѣшскій игуменъ Іовъ и протоіерей Рожественскій Іоаннъ Ставровскій. Съ 1761 по 1769 годъ въ Консисторіи присудствовали протоіереи и священники, а въ 1792 г. два архимандрита, одинъ игуменъ и три протоіерея. Указами 1796 и 97 годовъ

---

[17] Уставъ Духовныхъ Консисторій, Спб. 1841 г. въ 4.

повелѣно быть между присудствующими половинѣ изъ бѣлаго духовенства и половинѣ изъ монашествующихъ. Имѣя предметомъ охраненіе и распространеніе православной вѣры, внѣшнее и внутреннее благоустройство церквей, этотъ епархіальный судъ разсматриваетъ дѣла объ опредѣленіи на священно-и-церковно-служительскія мѣста, представляетъ объ нихъ епархіальному архіерею справки о кандидатахъ. Въ Консисторію вносятся отъ церквей метрическія книги о рождающихся, сочетающихся бракомъ и объ умершихъ. Вѣдомству ея суда подлежатъ люди духовнаго и свѣтскаго званія: первые по проступкамъ и преступленіямъ противъ должности, благочинія и благоповеденія, по взаимнымъ спорамъ о движимой и недвижимой собственности, по жалобамъ на духовныя лица въ обидахъ и нарушеніи безспорныхъ обязательствъ; другіе по дѣламъ о бракахъ, незаконно совершенныхъ, о прекращеніи и расторженіи супружескаго союза, на основаніи законныхъ причинъ, также по проступкамъ и преступленіямъ, подвергающимъ виновныхъ церковной эпитиміи. Являясь на судъ духовный супруги требующіе развода, открываютъ предъ нимъ семейныя тайны и причины къ разлученію. Члены его увѣщаваютъ ихъ, склоняя къ примиренію. Въ случаѣ упорства, дѣло представляется на рѣшеніе въ св. Сѵнодъ. Снятіе священно-служительскаго сана и сложеніе монашества, по прошенію, не иначе производится, какъ послѣ увѣщанія, съ разрѣшенія св. Сѵнода, на основаніи особыхъ постановленій. За проступки и преступленія лишаются сана священно-служители, и священно-монашествующіе сана и монашества. Тогда, по принятому обычаю вводился въ присудствіе осужденный въ полномъ облаченіи; по прочтеніи ему указа, отби-

рали къ дѣлу ставленную грамоту, снимали съ него священное облаченіе и ножницами сторожа остригали по нѣскольку волосъ на головѣ и бородѣ, потомъ снидали съ него рясу, а съ монаха камилавку, и одѣвъ въ простое мужицкое платье, брали съ него подписку, что онъ не будетъ носить священнической, или діаконской, или монашеской одежды. Посему и называются *разстригами*, *распопами*, *раздьяконами*, лишенные сана священства, діаконства, или монашества. Прежде на обрядъ разстриженія вызывались священники, діаконы и одному изъ нихъ члены Консисторіи поручали пообстричь волосы на головѣ и бороду у разстриги, но теперь этотъ обрядъ измѣненъ и ограничивается только объявленіемъ, при открытыхъ дверяхъ присудствія, указа виновному; съ разстриженнаго берется подписка, что онъ не будетъ носить священнической и діаконской одежды.

По рѣшенію Консисторіи, утвержденному епархіальнымъ архіереемъ, священнослужители за проступки наказываются отрѣшеніемъ отъ сана, исключеніемъ за штатомъ, усугубленіемъ за ними надзора, отсылкою *подъ началъ* въ монастыри, пенею и денежнымъ взысканіемъ, поклонами, строгимъ выговоромъ, замѣчаніемъ. Не такъ было до указа 1771 года, мая 20. Средствами исправленія прежде служили тѣлесныя наказанія и разныя истязанія: виновныхъ сѣкли плетьми, били шелепами и батогами, заключали въ оковы, сажали на цѣпь и въ колодки, допускались пристрастные допросы, и Дикастерія въ полномъ смыслѣ держалась теоріи устрашенія. Посему въ приговорахъ ея, по случаямъ наказанія, чаще всего встрѣчаются выраженія: «учинить нещадное плетьми на-

казаніе, чтобы на то смотря и другимъ чинить таковыхъ продерзостей было не повадно.» За тяжкія вины Дикастерія соединяла одинъ родъ наказанія съ другимъ, какъ то: наказавъ плетьми, отсылала для содержанія въ монастырѣ въ тягчайшихъ трудахъ [18]. Нѣкоторые примѣры тому находимъ даже въ правленіе Московскою паствою архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго. Близъ Срѣтенскаго монастыря на огородахъ была построена въ 1758 г. колодничья палата, гдѣ содержались подъ крѣпкимъ карауломъ подсудимые священно-и-церковно-служители и монахи, которымъ забивали ноги въ колодки и сажали на стулъ съ цѣпью. Но императрица Екатерина II вышеозначеннымъ указомъ повелѣла замѣнить тѣлесныя наказанія приличными духовенству трудами, отрѣшеніемъ отъ дохода и прихода, по усмотрѣнію начальства. Митрополитъ Платонъ, по справедливости названный отцемъ Московскаго духовенства, свое правленіе ознаменовалъ улучшеніемъ быта священно-и-церковно-служителей. Начатое имъ продолжалось знаменитымъ его преемникомъ митрополитомъ Филаретомъ и затѣмъ довершилось при митрополитахъ Иннокентіѣ и Макаріѣ.

Столько историческихъ воспоминаній и преданій соединено съ двухъ-вѣковымъ бытіемъ этого подворья!

Въ 1783 году, за ветхостію разобраны стоявшія на этомъ подворьѣ каменная церковь съ двумя престолами Св. Троицы и Архангела Михаила. Послѣ 1812 года надстроенъ третій этажъ надъ среднею палатою. Выступающіе на Лубянскую площадь два флигеля увеличены и теперь отдаются въ наемъ.

---

[18] См. О мѣрахъ наказаній по Моск. епарх. вѣдомству въ прежнее время, ст. Н. П. Розанова. Душепол. чтеніе, май и іюнь 1869 г.

Заключимъ описаніемъ его мѣстности, которое сообщаетъ намъ въ книгѣ своей капитанъ Бражниковъ 1742 г.: «на Мясницкой улицѣ подворье Рязанскаго и Муромскаго архіепископа Алексія, поперечнику въ переднемъ концѣ 30½ саженъ, длиннику посреди того подворья 30, по правую сторону 72 сажени, а по лѣвую 66 саж. 2 аршина. Въ межахъ то подворье по правую сторону Мясницкая улица, а по лѣвую дворъ капитанъ-поручика, князя Θедора Никитича Жироваго-Засѣкина.»

IV.

АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЪ.

Статья И. М. Снегирева.

Арсеній Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.

АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЬ МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ И ЯРОСЛАВСКІЙ.

АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЪ.

На приложенномъ здѣсь портретѣ изображенъ старецъ, заключенный въ тѣсной тюрьмѣ съ однимъ узенькимъ окошкомъ, за желѣзной рѣшеткой; на подоконникѣ лежитъ кусокъ хлѣба—насущная пища узника; а на другомъ старинномъ его портретѣ, вмѣсто хлѣба, положена на окнѣ книга, вѣроятно, Библія; на обратной сторонѣ надпись: *Андрей страдалецъ*. На третьемъ живописномъ портретѣ, на мѣстѣ хлѣба и книги, видѣнъ кляпъ, которымъ заграждали уста опаснымъ арестантамъ и вынимали его только тогда, когда давалась пища. На старцѣ полушубокъ, на головѣ у него треухъ: отъ холода руки у него засунуты за пазаху. Надъ нимъ на стѣнѣ портретъ архіерея въ полномъ облаченіи и митрѣ, похожій на этого тюремнаго сидѣльца, и, повидимому, однихъ съ нимъ лѣтъ. Кто бы могъ подумать, что это одно и тоже лице—мужикъ и архіерей? Кто же этотъ человѣкъ, испытавшій такой поразительный «переходъ житія своего [1]».

Въ этихъ двухъ видахъ намъ представляется злополучный Арсеній III Маціевичъ, или Маскѣевичъ, митро-

---

I Премудр. II, 5.

политъ Ростовскій, членъ святѣйшаго Сѵнода; ему суждено было испытать печальный жребій патріарха Никона, архіепископовъ Кіевскаго Варлаама Вонатовича и Тверскаго Ѳеофилакта Лопатинскаго, Воронежскаго епископа Льва Юрлова. Это случилось въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, которая приняла бразды правленія за малолѣтствомъ наслѣдника престола Павла I, бывшаго тогда восьми лѣтъ. Конечно, должно быть, велики преступленія Арсенія, чтобы присудить ему столь жестокое наказаніе: изъ митрополита обратить въ мужика, изъ Арсенія переименовать его Андреемъ, его фамилію Мацѣевичъ перемѣнить на прозвище *Враль* и послѣ двадцати лѣтъ архіерейскаго его служенія на паствѣ, десять лѣтъ, какъ государственнаго преступника, влачить по Россіи, изъ одного тюремнаго заклепа въ другой, ставить къ истязательнымъ допросамъ, слѣдить за каждымъ его шагомъ, ловить каждое его слово и мановеніе, наконецъ дать ему могилу не въ соборной усыпальнѣ, но на арестантскомъ кладбищѣ.

Такой ужасный жребій испыталъ Арсеній — жаркій защитникъ правъ собственности духовенства. По характеру своему, твердый до упорства въ своихъ убѣжденіяхъ, и воспріимчивый до раздражительности въ столкновеніяхъ, онъ ополчался своимъ языкомъ и перомъ противъ раскольниковъ и вольнодумцевъ, противъ отнятія вотчинъ отъ монастырей, противъ злоупотребленія свѣтской власти. Въ его протестѣ противъ высочайшей воли государыни выразился неразрѣшенный еще вопросъ о правахъ собственности церковной и государственной. Но и въ такой неравной борьбѣ Арсеній, какъ вольная жертва своихъ убѣжденій, не палъ и не угасилъ своего духа, не измѣнилъ своему направленію, такъ что и

самодержавная государыня опасалась его влiянiя даже въ мрачныхъ его заклепахъ. Въ тотъ вѣкъ, когда нетерпима была гласность, когда смѣлое, свободное слово, хотя бы и правдивое, о дѣлѣ государственномъ и государевомъ ставилось наравнѣ съ государственнымъ преступленiемъ, въ тотъ вѣкъ отзывы Мацѣевича о мѣрахъ и лицахъ правительственныхъ приняты были за оскорбленiе Величества и за крамолу, заслуживающiя не только лишенiя архiерейскаго сана, но и смертную казнь. На порывы его ревности о благѣ духовенства имѣло влiянiе необыкновенное стеченiе странныхъ обстоятельствъ его полемической жизни и службы; то столкновенiе съ Сvнодомъ, то съ Коллегiею Экономiи, то съ Сенатомъ; въ тѣхъ и другихъ онъ нашелъ себѣ враговъ, дѣйствовавшихъ противъ него и прямо и косвенно. Казалось, не всегда «ревность его была по разуму», и не всегда онъ оправдывалъ дѣломъ свое высокое титло смиреннаго; но его историческая личность, его энергическiй характеръ, его упорная борьба съ обстоятельствами, влiянiе на его современниковъ, а болѣе печальный его жребiй достойны участiя и соболѣзнованiя. Сколь ни старалась осторожная политика Екатерины II изгладить слѣды Арсенiя, затмить его память; но память его еще жива въ преданiяхъ народа, который, соединяя съ нею много чудесныхъ о страдальцѣ сказанiй и странныхъ случаевъ, чтитъ этого ревнителя православной вѣры и благочестiя, полнаго любви къ отечеству и народности, покровителя духовнаго просвѣщенiя, пастыря безкорыстнаго и добродѣтельнаго. Опальную его могилу отыскиваютъ путешественники; долго заглушаемое его имя вышло на свѣтъ изъ подъ спуда архивнаго и жизнь его сдѣлалась предметомъ историческихъ изслѣдованiй. Се-

майоръ Лопухинъ въ садахъ своего сельца Савинскаго[2], поставилъ памятникъ Арсенію и выдалъ его портретъ, съ котораго здѣсь и помѣщенъ снимокъ.

Пользуясь историческими фактами и не оставляя безъ вниманія мѣстныхъ преданій, представимъ здѣсь черты изъ его жизни.

Арсеній происходилъ изъ Польской шляхты, какъ показано у Нѣсѣцкаго въ Коронѣ Польской[3]. Курсъ наукъ окончилъ онъ въ Кіевской академіи. Послѣ постриженія въ монашество, вскорѣ посвященный въ іеромонахи, онъ опредѣленъ при Московскомъ Сvнодальномъ домѣ экзаменаторомъ ставленниковъ Московской епархіи. Въ это время уже не было тамъ инквизитора, опредѣленнаго Петромъ I, для наблюденія за духовенствомъ; но еще ставили на правежъ за недоимки, подвергали пыткамъ виновныхъ и обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Экзаменатору же вмѣнялось въ обязанность испытывать ставленниковъ въ священники и діаконы. Арсеній, твердый и настойчивый по своему сангвинико-холерическому темпераменту, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, отличался строгостію въ исполненіи своей должности, и, какъ видно изъ дѣлъ, иногда ставилъ судъ выше милости.

Въ то самое время, какъ снаряжалась Камчатская экспедиція къ рѣкѣ Оби, для разузнанія и распространенія сдѣланныхъ Берингомъ открытій, Арсеній, по какимъ-то дѣламъ, отправился въ Архангельскъ, гдѣ

---

[2] Орловской губерніи.

[3] Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской Церкви. *М. Евгенія.* 2 части. изд. 2. Спб. 1827 г., въ 8. Очеркъ жизни М. Арсенія Маціевича, нынѣ дополненъ любопытными и важными фактами изъ статей гг. Чистовича, Соловьева, Лонгинова и Г. С. Т., помѣщенныхъ въ газетѣ День 1862 г.

архіепископъ Германъ, имѣвшій порученіе отъ св. Сгнода избрать въ эту экспедицію по сѣверному морю способнаго іеромонаха для отправленія церковной службы, предложилъ Арсенію это мѣсто въ 1734 году. Арсеній согласился. До отправленія этой экспедиціи, онъ пребывалъ въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ содержались многіе раскольники безпоповщинскаго толка. Самый игуменъ обители Іосафъ и нѣкоторые монахи заражены были лжеученіемъ о прекращеніи на землѣ Церкви Христовой. Арсеній возревновалъ обличать ихъ заблужденіе словесно и письменно; но всѣ его увѣщанія и доказательства не могли подѣйствовать на закоснѣвшихъ въ своемъ вѣрованіи. Тогда онъ написалъ увѣщаніе Іосафу, помѣщенное въ Православномъ собесѣдникѣ. [4]

Между тѣмъ настало время выступленія экспедиціи въ море. Поборникъ православія изъ Соловецкаго монастыря послѣдовалъ своему назначенію, гдѣ его ожидали испытанія. Намъ неизвѣстно, какъ и почему экспедиція не выполнила своего назначенія и чѣмъ именно навлекла на себя гнѣвъ императрицы. Въ 1736 году января 24 Мацѣевича съ лейтенантами Муравьевымъ и Павловымъ и съ прочею командой экспедиціи привезли подъ арестомъ изъ Пустоверскаго острога въ Адмиралтейскую Коллегію. Послѣ многихъ допросовъ не нашли въ немъ никакой вины; но какъ слѣдствіе надъ офицерами еще продолжалось, то его отвезли на ту же эскадру, чтобы слѣдовать для показаній къ Архангельскому порту, а оттуда препроводили опять въ Пусто-

[4] Русскій Вѣстникъ: Современная лѣтопись 1862 г. № 32, стр. 26 и 27, ст. г. Мстиславскаго *Арсеній Мацѣевичъ*.

зерскій острогъ. По окончаніи слѣдствія, подсудимыхъ отослали въ Адмиралтейскую коллегію, а іеромонахъ Арсеній оставленъ въ Архангельскѣ. Въ 1737 году св. Сѵнодъ дозволилъ ему пріѣхать въ С.-Петербургъ; но Адмиралтейство требовало, чтобы, до окончанія слѣдствія, изъ С.-Петербурга ему не отлучаться, потому что онъ нуженъ былъ для повѣрки показаній въ дѣлѣ, конечно, почему нибудь важномъ. Въ сентябрѣ слѣдующаго года св. Сѵнодъ назначилъ Арсенія экзаменаромъ ставленниковъ по С.-Петербургскому духовному правленію, потомъ опредѣленъ онъ въ С.-Петербургскую академію наукъ законоучителемъ для гимназистовъ.

Послѣ кончины императрицы Анны Ивановны, между регенствомъ ненавистнаго Русскимъ Бирона и герцогини Анны Леопольдовны, лейтенантовъ Камчатской экспедиціи, бывшихъ подъ судомъ, простили, Арсенія уволили отъ обязательнаго пребыванія въ С.-Петербургѣ. Въ это время въ Сѵнодѣ предсѣдателемъ былъ покровитель Мацѣевича Амвросій Юшкѣвичъ, пользовавшійся благоволеніемъ Бирона. Когда открылась въ Тобольскѣ митрополичья каѳедра, представилъ Амвросій на это мѣсто іеромонаха Арсенія, который и посвященъ былъ прямо въ митрополита Сибирскаго, а черезъ годъ, въ 1742 году, переведенъ, подобно святителю Димитрію Ростовскому [5], по просьбѣ его, на Ростовскую и Ярославскую митрополію. Столь скорое и необыкновенное возвышеніе Арсенія не могло не возбудить зависти во многихъ, между прочимъ, и въ самыхъ членахъ св. Сѵнода; завистники сдѣлались его врагами. Наконецъ смутное правленіе Анны Леопольдовны именемъ колы-

---

[5] См. Словарь истор. *М. Евгенія*, ст. о св. Димитріи Ростовскомъ.

бельнаго императора Іоанна Антоновича уступило мѣсто мирному царствованію кроткой Елисаветы, когда уже архіереевъ, монаховъ и священниковъ не мучили, не казнили, не разстригали, не ссылали въ дальніе Сибирскіе города [6]. Онъ уставилъ носить образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія изъ Ростова, изъ соборной церкви и встрѣчать въ Ярославлѣ 2 іюля, а провожать въ Ростовъ 12 іюля.

Торжественное коронованіе императрицы Елисаветы Петровны созвало 1742 г. въ Москву духовныхъ владыкъ; туда прибылъ и Арсеній для участія въ священнодѣйствіи помазанія на царство государыни и въ ея личномъ присутствіи, 6 октября, освятилъ въ Москвѣ ксенодохіальную церковь св. Бориса и Глѣба въ Куракинской богадѣльнѣ у Красныхъ воротъ, сооруженныхъ Московскимъ купечествомъ въ память коронованія дщери Петровой и тамъ говорилъ проповѣдь.

По словесному предстательству Амвросія Юшкѣвича, помазавшаго на царство Елисавету, Арсеній наименованъ членомъ св. Сѵнода; но онъ не являлся въ Сѵнодъ, находя предложенную ему присягу не согласною съ формою Духовнаго регламента, и дополненную еще тѣмъ, чего не положено и въ свѣтской присягѣ, а именно: «Исповѣдаю же съ клятвою крайняго Судію духовныя сія коллегіи быти самую Всероссійскую Монархиню, Государыню нашу Всемилостивѣйшую». На это Арсеній возразилъ, что Сѵнодъ, оставя настоящую главу Церкви Христа Господа, Который есть единъ всѣмъ судебнымъ правительствамъ истинный крайній

[6] Слово на день Благовѣщенія, архимандрита Димитрія Сѣченова марта 25, 1742 г. М. въ 4.

Судія, вноситъ другаго крайняго судію въ равенство Христу; понеже замѣчаетъ Арсеній, ежели исповѣдывать съ присягою и клятвою противъ символа вѣры другаго кого, кромѣ Христа, крайняго судію, то уже Христосъ, въ Котораго вѣруемъ и Котораго Крестъ и Евангеліе по присягѣ цѣлуемъ, какой намъ останется быти Судія? Къ сему-же наша церковь святая, Православно-восточная не по иному какому резону и папу отмещетъ и антихристомъ его быть присуждаетъ, токмо наипаче посему, что онъ, въ противность Христу, сдѣлалъ себя цѣлой Церкви главою, сирѣчь крайнимъ Судіею; а Монаршей власти довольно въ той силѣ на вѣрность присягать, въ какой силѣ показано отъ крайняго Судіи Христа въ Евангеліи и Апостолѣ Монаршей власти повиноватися!»

На вопросъ Сѵнода, почему онъ не явился для принятія присяги, отвѣчалъ, что «подалъ императрицѣ письменное справедливое, по христіанской совѣсти, донесеніе, къ которому ничего болѣе прибавить не можетъ.» Въ этомъ донесеніи Арсеній оправдываетъ себя, почему не принялъ присяги на правительство духовное.

Сѵнодъ объ этомъ представилъ докладъ императрицѣ; но дѣло осталось безъ тѣхъ послѣдствій, какихъ онъ ожидалъ. Арсеній уѣхалъ изъ Москвы въ Ростовъ.

Въ слѣдующемъ году, по указу императрицы Елисаветы Петровны, велѣно было собрать въ Сенатъ и сжечь всѣ присяжные листы, по которымъ всѣхъ чиновъ люди въ бывшія два правленія герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго Антона и герцогини Анны Брауншвейгской [7], при повышеніи въ чины, присяги чинили. Въ

---

[7] Въ рѣдкой книжкѣ, напечатанной въ Москвѣ 1741 г. сентября въ 1 день, о побѣдѣ на супостаты, въ 12, читаемъ: «Еще молимся о бла-

числѣ такихъ присяжныхъ листовъ найдена и присяга Арсенія Мацѣевича, при возведеніи его на степень архіерейства съ припискою къ словамъ печатнаго экземпляра: «и послѣдствовати мнѣ во всемъ и повиноватися всегда святѣйшему правительствующему Сvноду, яко правильной власти, отъ Христа и Апостоловъ происходящей чрезъ хиротонію».

Такая приписка прежде читанная и слышанная тогда показалась подозрительною членамъ Сvнода, раздраженнымъ выходками Мацѣевича и вмѣсто того, чтобы сжечь его присяжный листъ, по примѣру другихъ, они послали къ Арсенію придирчивый запросъ: «чего ради и за чьимъ позволеніемъ, или единымъ своимъ разсужденіемъ и изволеніемъ и въ каковомъ разумѣ тѣ сверхъ печатнаго рѣчи, и прежде ли чтенія въ церкви той присяги, или уже по хиротоніи; будеже по хиротоніи, то когда именно, чрезъ кого ту присягу паки къ себѣ доставъ, его преосвященство приписалъ?» На это Арсеній отвѣчалъ: «Сей мой прилогъ въ присягу мою архіерейскую въ ту пору рукою моею приписалъ, Искримъ канцеляристъ сvнодальной оную присягу мнѣ, по прошенію моему, переписалъ и предъ поставленіемъ моимъ архіерейскимъ, въ субботу мнѣ принесъ, а на другой день, въ воскресенье, было мое поставленіе, и я, при производствѣ, обыкновенно оную рукописную присягу за собственноручнымъ подписаніемъ съ пока-

---

гочестивѣйшемъ и самодержавнѣйшемъ великомъ государѣ нашемъ Імператорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ всея Россіи, и благовѣрной государынѣ великой княгинѣ Аннѣ правительницѣ всея Россіи и о супругѣ ея великомъ государѣ герцогѣ Антонѣ Брауншвейгъ-Люнебургскомъ, о благовѣрной великой княжнѣ Екатеринѣ Антоновнѣ, о благовѣрной государынѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

заннымъ отъ мене приписаннымъ прилогомъ всѣмъ вслухъ тогда читалъ. И сіе совѣстію моею архіерейскою утверждаю, какъ бы мнѣ на судъ Божій стати и чаяти воскрешенія живота и воскрешенія суда. Прилогъ же мой показанный не во иной силѣ отъ мене приписанъ, только въ противность и въ крайнее отверженіе таковаго раскольническаго исповѣданія: Церковь не церковію, архіереи не архіереями, священницы не священниками, понеже де священство чрезъ хиротонію отъ Христа и Апостоловъ происходящее совсѣмъ потерялося. А кромѣ таковыхъ богохульниковъ, я не чаялъ и отнюдь не думалъ, чтобы другому кому, сирѣчь, кто Церкве Святой, Православно-восточной придержится, могла быть противность. Вашему же святѣйшеству какая показалась въ томъ противность, прошу со всякою покорностію моею наставленія, и о томъ благопочтенно предложивши, навсегда пребываю св. правительствующаго Сѵнода послушникъ, смиренный Арсеній, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій своеручно. Іюля 12, 1743 года».

Это доношеніе было слушано и опредѣлено предложить впредь къ докладу въ полномъ собраніи св. Сѵнода незабвенно. По рѣшенію св. Сѵнода, присяга сожжена при экзекуторѣ, а дѣло о приписныхъ Арсеніемъ рѣчахъ положено предложить къ докладу; но не видно, возобновлялся ли этотъ докладъ. Въ это время покровитель Ростовскаго митрополита Амвросій Юшкѣвичь не присутствовалъ за болѣзнію при такомъ слѣдствіи. Въ 1745 году онъ скончался. Въ 1744 году февраля 20 посѣтило Ростовскаго Владыку новое, тяжкое испытаніе: въ 10-мъ часу дня отъ неосторожности причетника, непогасившаго свѣчу, сгорѣли частію опо-

чивавшіе въ Ростовскомъ соборѣ около пяти вѣковъ, св. мощи благовѣрныхъ князей Василія и Константина Всеволодовичей. Это навлекло неудовольствіе Сνнода на Арсенія. Вскорѣ за тѣмъ Арсеній, страдавшій скорбутомъ и глазами, просился на покой въ Новгород-Сѣверскій монастырь. Сνнодъ не замедлилъ представить государынѣ докладъ объ увольненіи его отъ епархіи и объ отпускѣ ему содержанія по примѣру прочихъ архіереевъ, уволенныхъ на покой; но императрица не утвердила такого доклада, и Арсеній, оставшись на своей епархіи, занимался устроеніемъ духовныхъ и училищныхъ дѣлъ, возраженіемъ на пашквиль лютеранскій, на Камень вѣры и дополненіемъ къ сочиненію Θеофилакта Лопатинскаго: Обличеніе неправды раскольнической. Когда государыня въ 1753 г. прибыла въ Москву, онъ въ письмѣ своемъ поздравлялъ ее съ пріѣздомъ, поднесъ ей свои сочиненія на всемилостивѣйшее разсмотрѣніе; въ другомъ письмѣ благодаритъ императрицу за присылку ему венгерскаго вина, которое, по приказу ея и по совѣту лѣкаря, началъ употреблять съ салволатилемъ.

Митрополитъ Ростовскій посвятилъ свое вниманіе ученой и учебной части. Преобладаніе латинской схоластики въ семинаріяхъ нашло сильное противодѣйствіе въ Арсеніи; онъ старался, чтобы школы были Русскія. Такимъ направленіемъ онъ поставилъ себя не только на ряду съ просвѣщеннѣйшими современниками, но и опередилъ ихъ цѣлымъ столѣтіемъ. Впрочемъ не чуждо ему было и старинное предубѣжденіе противъ математическихъ наукъ и астрономіи; по его мнѣнію онѣ были для духовныхъ совершенно излишними и чуть не вредными. Въ 1747 году имъ перемѣщена семинарія

изъ Ростова въ Ярославль; тогда уже въ этомъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія воспитывалось до 500 человѣкъ. Кромѣ церковнаго домостроительства, проповѣданіе Слова Божія и обличеніе раскольниковъ составляло одинъ изъ главныхъ предметовъ его дѣятельности на паствѣ; онъ даже роптадъ на прекращеніе строгихъ мѣръ противъ этихъ отщепенцевъ. Когда состоялся указъ о запискѣ желающихъ въ расколъ, тогда Арсеній говорилъ: «надлежитъ особливыя молитвы и эктеніи читать, и на проскомидіи часть вынимать; ибо де раскольники въ церковь не ходятъ и на нее плюютъ, и велѣлъ архимандриту читать особенныя молитвы, выписанныя изъ служебника: «о гонящихъ церковь[8]». Что впослѣдствіи, какъ увидимъ, было перетолковано и поставлено ему въ преступленіе.

Въ Москвѣ имъ напечатаны 1742, 44 и 49 годовъ семь поученій; въ библіотекѣ Ярославской семинаріи хранятся три тома рукописныхъ его проповѣдей. Въ подражаніе ревности по Православію святителя Димитрія, Маціевичъ сочинилъ обличеніе раскольниковъ, оставшееся въ рукописи и дополнилъ книгу Ѳеофилакта Лопатинскаго *Обличеніе неправды раскольничей*, напечатанную въ Москвѣ 1745 года.

Его монастырскія занятія нарушены были непріятными столкновеніями съ Коллегіей Экономіи и св. Сѵнодомъ. Первая отправила къ нему нѣсколько инвалидовъ для помѣщенія въ Ростовскіе монастыри. Арсеній не принялъ ихъ, отозвавшись въ Коллегію, что на ихъ содержаніе недостаетъ денегъ. Коллегія жалова-

---

[8] Нѣсколько дополнительныхъ словъ объ Арсеніи Маціевичѣ, проф. *Соловьева*, День № 16, 1862 г.

лась Сенату и Суноду, потому что, по ея расчисленію, у Ростовскихъ монастырей въ запасѣ было около тысячи четвертей хлѣба. Сенатъ потребовалъ отъ митрополита объясненія. Арсеній отвѣчалъ, что послѣ подачи донесенія въ Коллегію Экономіи, въ разныхъ Ростовскихъ монастыряхъ пострижено изъ лишенныхъ монашескаго сана въ прошлое царствованіе около сорока человѣкъ, и потому недостаетъ лишнихъ порцій для инвалидовъ; къ оправданію своему онъ присоединилъ оскорбительныя выраженія. Сенатъ поручилъ Коллегіи разсмотрѣть объясненіе Ростовскаго владыки и дать свое мнѣніе, а Суноду сообщилъ: «запретить преосвященному Арсенію такія оскорбительныя рѣчи, обращенныя къ лицу Сената, иначе Сенатъ вынужденъ будетъ доложить государынѣ императрицѣ». Не прошло и двухъ мѣсяцевъ какъ то же самое дѣло повторилось, только въ другомъ видѣ. Іюня 17, 1743 года Сунодъ отправилъ въ Ростовъ какого-то юродиваго для помѣщенія тамъ въ монастырь. Арсеній отвѣчалъ на этотъ указъ довольно дерзко, назвавъ его неосмотрительнымъ и несправедливымъ. Сунодъ жаловался на это императрицѣ, которая повелѣла объявить Ростовскому митрополиту указомъ, чтобы онъ «отъ подобныхъ продерзостей конечно воздержался, а ежели впредь будетъ къ регламенту и указамъ оказывать противленіе и презорство, то какъ помѣшатель добрыхъ порядковъ и общаго покоя, и какъ противникъ и непріятель высочайшей воли, не только сана архіерейскаго, но и клобука лишится».

Въ самый праздникъ Рождества Христова 1761 года миновалось благотворное для Россіи царствованіе кроткой Елисаветы, покровительницы духовенства и благо-

дѣтельницы Арсенія; быстро и незамѣтно протекло государствованіе Петра III, который, по словамъ манифеста 1762 года іюля 28, «угрожалъ отечественной Церкви перемѣною древняго въ Россіи Православія и принятіемъ иновѣрнаго закона, святотатственно посягалъ на завѣщанныя для поминовенія вотчины у монастырей». Вскорѣ затѣмъ наступило царствованіе Екатерины II, обѣщавшее преобразованія и разныя льготы народу, дворянству вольность. Назначенъ день ея коронованія, на которое однакожъ не вызвали митрополита Ростовскаго, обнесеннаго императрицѣ его врагами. Сентября 22 совершено священное ея мѵропомазаніе Новгородскимъ архіепископомъ Димитріемъ Сѣченовымъ съ членами св. Сѵнода. Причемъ услужливый этотъ пастырь пожалованъ митрополитомъ.

Въ самомъ началѣ своего царствованія, Екатерина II уже замыслила отнять у архіерейскихъ каѳедръ и монастырей вотчины; но предъ коронаціей своей сперва было утѣшила и успокоила духовенство возвращеніемъ по прежнему въ управленіе духовныхъ властей, отобранныхъ у нихъ имѣній; даже уничтожила, «впредь до приведенія въ порядокъ Духовныхъ штатовъ», Коллегію Экономіи, завѣдывавшую монастырскими вотчинами. Мы неимѣемъ намѣренія», писала императрица, «присвоить себѣ церковныя имѣнія; но только предписать законъ о лучшемъ ихъ устройствѣ».

Въ началѣ царствованія Екатерины II опять явился при дворѣ, бывшій дотолѣ въ опалѣ, канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ, къ которому она имѣла уваженіе и довѣренность, какъ къ искусному дипломату; съ нимъ находившійся въ сношеніяхъ Ростовскій преосвященный жаловался ему на бѣдственное свое положеніе. «За ото-

браніемъ отъ дому архіерейскаго и отъ монастырей вотчинъ», писалъ къ нему: «приходитъ съ голоду умирать, понеже хлѣбъ унасъ весь былъ по вотчинамъ въ житницахъ, когда смолотое и лежавшее въ сушилахъ приѣдимъ, то и литургіи святой служить нечѣмъ и некому, всѣ принуждены идти нищими въ міръ; оставленныхъ лошадей кормить нечѣмъ; не жаль того, что лошади у насъ всѣ съ кобылицами и съ малыми жеребятами нарочнымъ полковникомъ, изъ Военной Коллегіи присланнымъ, отобраны и въ С.-Петербургъ сведены; только жаль того, что заводъ отчасти славный въ Государствѣ (Бѣлогостицкій), совсѣмъ переведенъ». Въ заключеніе Арсеній просилъ Бестужева-Рюмина «показать милость къ домамъ Божіимъ, дабы стараніемъ его возвращены вотчины были по прежнему». Вѣроятно, по письму Арсенія Бестужевъ донесъ императрицѣ о такомъ бѣдственномъ положеніи архіерейскихъ домовъ и монастырей, какъ можно заключать изъ ея къ нему писемъ, 8 августа 1762 года: она такъ писала къ нему: «Батюшка Алексѣй Петровичь! приложенныя бумаги разсмотрѣть и мнѣніе ваше написать; дѣло въ томъ, коммиссію ли учинить нынѣ, или послѣ сдѣлать коммиссію. Въ первой бумагѣ написано отдавать, а въ другой только, чтобъ они вступили во владѣніе до коммиссіи. Пожалуй, помогай совѣтами!» Въ слѣдъ за тѣмъ учреждена подъ собственнымъ наблюденіемъ государыни особая коммиссія изъ двухъ духовныхъ и трехъ свѣтскихъ членовъ; въ числѣ первыхъ находился непріязненный Арсенію Димитрій Сѣченовъ, старавшійся заслужить благоволеніе императрицы содѣйствіемъ видамъ ея политики. Коммиссіи поручено было «составить правила о лучшемъ употребленіи церковныхъ имѣній, во славу Божію и пользу оте-

чества». Эта коммиссія отправила во всѣ монастырскія вотчины и архіерейскіе домы приходо-расходныя книги для записыванія денежнаго и хлѣбнаго сбора, избранныхъ ею отставныхъ оберъ-офицеровъ для точнѣйшей повѣрки сообщенныхъ духовными властями свѣдѣній о состояніи и количествѣ церковныхъ имѣній. При такой ревизіи не могло обойтись безъ столкновенія духовной власти съ свѣтскою; архіерей поставленъ былъ во отвѣственности предъ офицеромъ въ приходахъ и расходахъ по монастырскимъ и архіерейскимъ вотчинамъ, въ которыхъ простиралось крестьянъ до милліона.

Это возмутило душу Арсенія. Поборнику правъ духовенства казалось весьма оскорбительнымъ и неприличнымъ, какъ онъ выразился самъ, что «для составленія описей, офицеры будутъ входить въ алтарь и касаться церковныхъ сосудовъ и прочей священной утвари», что они въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ перещитывали деньги, перемѣривали хлѣбъ, добирали и вымогали недоимки, запечатывали магазины и амбары, выдавая все хозяевамъ и монастырямъ съ мѣры, вѣсу и щету. Вѣроятно, случалось, что настойчивость и самоуправство уполномоченныхъ коммиссіею чиновниковъ иногда переступали предѣлы должнаго уваженія къ личности и сану архипастыря. Въ такомъ распоряженіи Арсеній видѣлъ нарушеніе правъ церковной завѣтной собственности, униженіе духовенства, а въ отобраніи монастырскихъ вотчинъ чуть не прекращеніе монашества и архіерейства, безъ котораго «не иное что воспослѣдуетъ, токмо отъ древнія нашея Церкви Апостольской отступство, а съ тѣмъ вмѣстѣ послѣдуетъ поповщина, а потомъ безпоповщина, и тако Государству нашему преходить будетъ не токмо со всѣми академіями, но и съ

чинами или на раскольническое, или на лютеранское, или на кальвинское, или на Армянское государство». Опираясь на соборное правило, что посвященное Богу не могло быть отчуждаемо, онъ ставилъ его выше смысла клятвеннаго своего обѣщанія, даннаго имъ при рукоположеніи въ архіерея: во всемъ повиноваться царской власти и надлежащимъ образомъ, по совѣсти своей, исполнять инструкціи, регламенты и указы, именемъ государя отъ предуставленныхъ начальниковъ объявленные [9]. Въ такомъ духѣ увлеченный негодованіемъ Арсеній подавалъ 6 марта 1763 года въ Сунодъ одинъ протестъ за другимъ противъ отнятія у монастырей вотчинъ и противъ вмѣшательства свѣтскихъ людей въ духовныя дѣла, особливо противъ Мусина-Пушкина, бывшаго президентомъ Коллегіи Экономіи; онъ его называлъ «Туркомъ», упрекая въ неисполненіи христіанскихъ обязанностей. Имѣя въ виду не только свои личныя выгоды, сколько интересы своего сословія, нелюбостяжательный архипастырь въ протестахъ излилъ всю желчь своего оскорбленія. «Горе намъ, бѣднымъ архіереямъ», писалъ онъ, 6 марта, «яко не отъ поганыхъ, но отъ своихъ мнящихся быти овецъ правовѣрныхъ толикое мучительство претерпѣваемъ». О членахъ коммиссіи отзывался онъ, что «они насилу въ Бога вѣруютъ!» [10] Между тѣмъ разосланы были къ архіереямъ и монастырямъ печатныя инструкціи и формы описей церковныхъ имуществъ. «Церковь», жаловался Ростовскій митрополитъ, «еще и отъ прошедшаго, недавно бывшаго удара и разоренія не отдохнула и въ чувства не пришла, а тутъ опять на

---

[9] Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго. М. 1816 г., въ 4.

[10] Въ дѣлахъ Моск. главнаго архива мин. иност. дѣлъ.

нее навѣты и нападенія. Прошлаго года мы остались безъ яроваго хлѣба и съ малымъ числомъ сѣна, тоже будетъ и теперь съ превосходствомъ. Крестьянамъ сперва понравится платить оброкъ, вмѣсто работы; а какъ опустошатъ лѣса и луга, то хоть душу изъ нихъ возми, не будутъ платить оброка; архіерейскіе домы не только безъ дровъ, но и безъ хлѣба, безъ денегъ, безъ водовоза и послѣдняго работника останутся. Въ малое время благочестіе можетъ перевестись, такъ что и слѣда его не останется.» Какъ опытный въ хозяйствѣ, къ этому присовокупилъ заботливый владыка: «У насъ не Англія, едиными деньгами жить и пробиваться, а наипаче монастырямъ и домамъ архіерейскимъ, на которыхъ работать мужику сходнѣе и способнѣе, нежели деньги давать, которыми бы аще онъ и изобиловалъ, то лучше ему умереть, нежели съ ними разставаться, а когда надлежащія деньги отдастъ, то на едину нужду домашнюю и работу послѣднюю, воспослѣдуетъ домамъ архіерейскимъ и монастырскимъ деньги сорить, какъ полову, тогожъ мужика крестьянина своего прося и моля, дабы принялъ, какія хочетъ, деньги, а не отрицалъ бы послужить; а онъ на то ниже будетъ смотрѣть и за малое дѣло будетъ вдвое и втрое денегъ требовать.»

Еще прежде подачи въ Сѵнодъ письменныхъ своихъ протестовъ, Арсеній словесно выражалъ свои мнѣнія объ этомъ предметѣ, который лежалъ у него на печеняхъ; даже въ недѣлю православія, къ чиноположенію отважился прибавить «анаѳему обидчикамъ церквей и монастырей», и съ такимъ прибавленіемъ это чиноположеніе послано имъ было къ Костромскому епископу Дамаскину; но этотъ его благопріятель, хотя и не рѣшился дѣйствовать согласно съ нимъ, однако не захо-

тѣлъ объявить кому слѣдуетъ, чтобы не быть предателемъ собрата. За что самъ подвергся строжайшему выговору отъ Сvнода, какъ бы соучастникъ.

Всѣ такіе отзывы и поступки доходили до чуткаго слуха Екатерины, которая не любила гласности и видѣла въ нихъ дерзкое себѣ противорѣчіе, а въ Арсеніи *лицемѣра, пронырливаго* и *властолюбиваго, бѣшенаго враля*, небезопаснаго для себя, какъ она сама выразилась; но Арсеній дѣйствовалъ и говорилъ не тайно, а открыто, смѣло шелъ на крестъ, зная что его ожидаетъ за протесты отъ самодержавной государыни и святѣйшаго Сvнода, имъ раздраженнаго. Но видно, что слова этого *враля*, за живое ее задѣвали, такъ что она не осталась равнодушною при своемъ «материнскомъ милосердіи и человѣколюбіи», о которыхъ напоминала въ письмахъ своихъ. Послѣ своего коронованія, она хотѣла представить народу примѣръ своего благочестія, и въ маѣ слѣдующаго года, въ сопровожденіи Новгородскаго митрополита Димитрія и многочисленной свиты, отправилась въ Троицкую лавру для поклоненія св. мощамъ преподобнаго Сергія и въ Ростовъ для переложенія въ новую богатую раку св. мощей святителя Димитрія Ростовскаго, открытыхъ преосвященнымъ Арсеніемъ. Февраля 28, 1763 г. она писала къ своему штатъ-секретарю Олсуфьеву: «Адамъ Васильевичъ! Понеже я знаю властолюбія и бѣшенство Ростовскаго владыки, я умираю, боясь, чтобы онъ раки Димитрія Ростовскаго безъ меня не поставилъ. Извѣстите меня, какъ вы ее отправили, съ какимъ приказомъ и подъ чьимъ смотрѣніемъ она находится и есть ли не взяты, то возмите всѣ осторожности, чтобы оная рака безъ меня отнюдь поставлена не была.» Вслѣдствіе такого

повелѣнія, рака поставлена была, впредь до указу, въ особомъ мѣстѣ церкви, подъ охраненіемъ маіора съ солдатами. Изъ этого можно заключить, что до императрицы дошли какія-либо слухи о намѣреніяхъ и отзывахъ Арсенія, или она сама опасалась, чтобы онъ ей не помѣшалъ исполнить ея предпріятіе къ ея славѣ. Но такія предупредительныя мѣры оказались излишними, обнаружили только сильное негодованіе и опасеніе осторожной государыни, встревоженной тогда Хрущевскимъ и Гурьевскимъ заговоромъ и разными слухами о дѣйствіяхъ ея политики [11]. Протесты Арсенія слушаны и осуждены были въ Сvнодѣ.

Въ Московскихъ вѣдомостяхъ 15 апрѣля, въ оффиціальной статьѣ оглашено, что «доношеніе Арсенія отъ начала до конца наполнено ядомъ оскорбленія величесва.»

Сvнодъ тогда пребывалъ въ Москвѣ; первенствующимъ его членомъ былъ Новгородскій митрополитъ Димитрій Сѣченовъ, за нимъ Московскій митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, С.-Петербургскій архіепископъ Гавріилъ Кременецкій, Крутицкій архіепископъ Гедеонъ Криновъ, Псковскій епископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, Тверской епископъ Аѳанасій Вальковскій и Новоспаскій архимандритъ Мисаилъ. Большая часть сvнодальныхъ членовъ согласовались съ видами государыни, съ мнѣніями Димитрія и съ распоряженіями оберъ-прокурора, слѣдственно были противниками Арсенія; тайные его приверженцы не осмѣливались возвысить голоса въ его защиту. Главнымъ же дѣйствующимъ лицемъ въ этомъ случаѣ былъ честолюбивый

---

11 Указъ 1762 г. окт. 19.

Димитрій, сообразовавшійся своему вѣку и царскому двору.

Они поднесли въ подлинникѣ государынѣ Арсеніево роковое доношеніе, въ которомъ онъ примѣромъ представлялъ Іуліана отступника и Дунзана жидовина, царей мучительныхъ, отбиравшихъ отъ церквей имѣнія, при особливомъ отъ себя всеподданнѣйшемъ докладѣ. Разсмотрѣвъ, она возвратила его Сѵноду съ тѣмъ, чтобы самъ онъ «судилъ своего сочлена, какъ злонамѣреннаго преступника.» Между тѣмъ Арсеній продолжалъ свое служеніе на паствѣ своей. Однажды (то было въ половинѣ марта мѣсяца), пришедши въ покои свои отъ вечерни, онъ сказалъ своему келейнику: «не запирай воротъ на ночь! гости будутъ ко мнѣ въ полночь.» Келейникъ недоумѣвалъ, какихъ гостей разумѣетъ преосвященный. Но въ самую полночь является къ нему гвардейскій офицеръ Дурново, проситъ у него благословенія; Арсеній не благословляетъ, говоря, что онъ уже не архіерей. Тотъ подаетъ ему сѵнодскій указъ слѣдующаго содержанія: «14 марта опредѣлено ваше преосвященство, чрезъ нарочно отправленнаго гвардіи оберъ-офицера привезть въ Москву, а при томъ отъѣздѣ ризницы и людей, кромѣ трехъ нужнѣйшихъ вашему преосвященству, съ собой не брать, и имѣющіяся въ кельяхъ вашего преосвященства письма, кромѣ печатныхъ книгъ, собравъ въ одно мѣсто, вашею и того оберъ-офицера печатью запечатавъ, взять оному оберъ-офицеру въ Москву» Арсеній, предвидя, или предчувствуя, что онъ навсегда оставляетъ Ростовъ, хотѣлъ было помолиться и приложиться къ св. иконамъ и мощамъ въ Ростовскомъ соборѣ; но ему не позволили. По пріѣздѣ въ Москву 14 апрѣля, Арсеній уже

содержался подъ крѣпкою стражей въ Симоновѣ монастырѣ, какъ государственный преступникъ [12]. Вѣроятно, и нарочно взяты съ нимъ его три служителя, не для услуги ему, но для исповѣди въ покаянной Сыскнаго приказа. Императрица писала къ оберу-прокурору Глѣбову: «Александръ Ивановичъ! Нынѣшнюю ночь привезли враля, котораго исповѣдывать должно; пріѣзжайте ужо ко мнѣ, онъ здѣсь во дворцѣ будетъ.» Намъ неизвѣстно какого рода была эта исповѣдь въ присутствіи императрицы, Орлова, Глѣбова и Шишковскаго, только видно, что Арсеній до того простеръ свою дерзость въ объясненіяхъ, что императрица зажала себѣ уши, а ему «закляпили ротъ».

Изъ Симонова монастыря 14 апрѣля, Арсеній представленъ былъ въ полное присутствіе Сѵнода и, при первомъ допросѣ, какъ объявлено было въ газетахъ, «сознался въ своей продерзости;» но какъ полагать надобно, судя по характеру этого подсудимаго, «не пощадилъ устъ своихъ». Его собратія и сочлены присудили его лишить сана архіерейскаго и разстригши изъ монашества, предать суду свѣтскому, по которому Ростовскій митрополитъ за оскорбленіе величества долженъ быть казненъ смертію. Такой приговоръ поднесенъ на утвержденіе государынѣ, но она, какъ значится въ указѣ сѵнодскомъ, «по великодушію и милосердію своему природному», соизволила освободить Арсенія отъ суда свѣтскаго истязанія, а повелѣла оставить ему одинъ только монашескій чинъ и сослать его въ отдаленный монастырь подъ присмотръ настоятеля. Осужденный призванъ былъ въ Сѵнодъ для объ-

12 Москов. вѣдомости 1763 года, апр. 14.

явленія ему и для исполненія указа. По Москвѣ тогда уже разнесся слухъ, что будутъ снимать санъ съ Ростовскаго митрополита въ крестовыхъ патріаршихъ палатахъ, куда допущено было священство и монашество. Толпы народа, побуждаемыя любопытствомъ и состраданіемъ, окружили Сѵнодальный дворъ, такъ что и солдаты не могли ихъ разогнать, къ тому еще подѣйствовало на встревоженные умы народа, вскорѣ послѣ того случившееся, внезапное паденіе церкви Трехъ Святителей Московскихъ, смежной съ крестовою палатой [13], гдѣ осудили Арсенія.

Арсеній предсталъ на судъ, какъ бы на священнослуженіе: въ архіерейской мантіи съ источниками, въ омофорѣ, въ бѣломъ клобукѣ, съ панагіею на персяхъ и съ архипастырскимъ посохомъ въ рукѣ. По прочтеніи ему высочайшаго указа, рѣшавшаго его участь, члены Сѵнода, одинъ послѣ другаго, снимали съ него священныя утвари; кто митрополичій клобукъ, кто омофоръ, кто панагію, кто отобралъ у него посохъ и т. д. Лишенный сана митрополитъ Арсеній нареченъ мірскимъ именемъ Алексій. Взоры всѣхъ присутствовавшихъ обращены были на выраженіе его лица, подмѣчали всѣ его мановенія и слова для того, чтобъ донести императрицѣ, которая желала узнать всѣ подробности, касавшіяся до Арсенія при его низложеніи. Но при такомъ поразительномъ дѣйствіи, Арсеній, убѣжденный въ справедливости своей, вмѣсто страха и унынія, обнаружилъ свое негодованіе на собратій, и если только вѣрить преданію современниковъ, предсказалъ нѣкоторымъ изъ судей своихъ плачевный жребій. Такъ

[13] Іюня 4, 1763 г. Протоколы Коллегіи Экономіи, № 93.

предвѣщалъ онъ первенствующему члену Сѵнода Димитрію мучительную кончину: задохнуться собственнымъ языкомъ, Амвросію Зертисъ-Каменскому смерть отъ мясника: «тебя, яко вола, убіютъ,» произнесъ онъ, потомъ обратясь къ юному епископу Псковскому Гедеону, сказалъ: «ты не увидишь своей епархіи.» [14]

При этомъ трогательномъ зрѣлищѣ, не могъ удержаться отъ слезъ добрый митрополитъ Московскій Тимоѳей. Лишенному сана подали простое черническое одѣяніе и взяли съ него подписку, что съ этихъ поръ не только митрополитомъ и архіереемъ, но даже іеромонахомъ не будетъ именоваться и писаться ни подъ какимъ видомъ.

Отсюда начинается рядъ десятилѣтнихъ страданій Арсенія. Изъ патріаршихъ палатъ повезли его подъ сртогимъ карауломъ унтеръ-офицера и четырехъ солдатъ, сперва въ Ѳерапонтовъ монастырь, куда нѣкогда сосланъ былъ изъ Москвы низложенный Никонъ патріархъ, потомъ въ Николо-Корельскій, гдѣ бѣдственно кончилъ дни свои бывшій архіепископъ Новгородскій, вице-президентъ св. Сѵнода Ѳеодосій Яновскій. Епархіальному архіерею накрѣпко предписано было приставить къ ссыльному караулъ и развѣдывать пристойнымъ образомъ, такъ ли его содержатъ, какъ приказано. Но видно явились тогда и защитники Арсенія и въ томъ числѣ Бестужевъ-Рюминъ, къ которому (30

[14] Замѣчательно, что судей Арсенія дѣйствительно постигла предсказанная имъ бѣдственная участь. Митрополитъ Новгородскій Димитрій, не дождавшись блистательной награды, кончилъ дни свои въ ужасныхъ страданіяхъ; архіепископъ Московскій Амвросій убитъ чернію внѣ воротъ Донскаго монастыря; епископъ Псковскій Гедеонъ, вскорѣ послѣ того удаленный, по высочайшему повелѣнію, изъ Москвы въ свою епархію, не доѣхавъ до Пскова, умеръ на дорогѣ.

марта 1763 г.) государыня писала: «Я чаю ни при которомъ государѣ столько не было за оскорбителя Величества, какъ нынѣ за арестованнаго всѣмъ Сѵнодомъ митрополита Ростовскаго; и не знаю, какую я бы причину подала сомнѣваться о моемъ милосердіи и человѣколюбіи? прежде сего и безъ всякой церемоніи и формы, по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали, и не знаю, какъ бы я могла содержать и укрѣпить тишину и благосостояніе народа (умолча о защищеніи и сохраненіи мнѣ отъ Бога данной власти), если бы возмутители не были наказаны.»

Тѣмъ кончился духовный судъ надъ Арсеніемъ Маціевичемъ и тѣмъ началось учрежденіе Духовныхъ штатовъ. Отобранныя Екатериною II отъ монастырей вотчины, большею частію, розданы ближнимъ ей особамъ; за ревностное ей содѣйствіе митрополитъ Димитрій Сѣченовъ награжденъ тысячью душъ крестьянъ; но въ то время, какъ томительная смерть была у него за плечами, честолюбіе его не довольствовалось ни богатою наградой, ни высокимъ саномъ митрополита Новгородскаго; онъ, кикъ гласитъ преданіе, тщетно домогался и надѣялся титла всероссійскаго митрополита.

Легко можно себѣ представить, какое вліяніе имѣло это преобразованіе на духовенство, на бытъ и хозяйственный обиходъ монастырскій и на духовныхъ властей, поддерживавшихъ земледѣліе, содержавшихъ училища и богадельни, кормившихъ слободы нищихъ; одно только замѣтимъ, что съ того года вздорожалъ хлѣбъ. Не такъ на это смотрѣло дворянство, которое роптало, что предки ихъ, на свое поминовеніе, отказывали ихъ наслѣдственныя вотчины въ монастыри. Вспоминая случайныя злоупотребленія, забывали благоупотребленіе.

Но не оставимъ злополучнаго Мацѣевича и послѣдуемъ за нимъ въ его заточеніе. Библіотека его, состоявшая изъ церковно-славянскихъ, чешскихъ, русскихъ, польскихъ и латинскихъ книгъ, описана, такъ какъ и самое его имущество, весьма незначительное, свидѣтельствовавшее о его нелюбостяжательности.

Въ Николо-Корельскомъ монастырѣ онъ содержался подъ карауломъ; ему отпускали на пропитаніе сперва 10, потомъ 15 и 50 коп. въ день; но не давали ни пера, ни чернилъ, ни бумаги. Постороннихъ людей къ нему не допускали; не велѣно было входить съ нимъ въ какое-либо сношеніе; дозволено было ему только посѣщать церковь въ часы богослуженія и то подъ карауломъ, изъ всего этого видно, что опасались его пера и языка; ибо знали, что Мацѣевичъ не удержитъ ни того, ни другаго, чтобъ не высказать своихъ убѣжденій. Не смотря на это, мѣстныя власти тамъ не могли отвыкнуть отъ мысли, что предъ ними бывшій митрополитъ, пострадавшій за духовенство, а не простой монахъ, признанный за государственнаго преступника. Его почитали мученикомъ за правду, какимъ и онъ самъ выдавалъ себя передъ окружавшими его. «Вотъ прежде», говаривалъ онъ «нашу братію архіереевъ почитали цари и во всемъ благословенія требовали, и тогда наша братья смѣло ихъ въ духовныхъ дѣлахъ обличала; а я какъ послалъ правильное доношеніе, такъ за мою правду и въ ссылку меня сослали.»

Архимандритъ и братія принимали у него благословеніе, какъ у архипастыря, дозволяя ему непозволительные для заточника поступки. Арсеній, приходя въ церковь къ обѣдни по праздникамъ, вынималъ на проскомидіи части за гонящихъ и обидящихъ Церковь

Божію, подъ которыми, какъ самъ объяснилъ, разумѣлъ «предателя Димитрія Новгородскаго и Гавріила Кременецкаго С.-Петербургскаго и всѣхъ нѣмецкихъ чиновъ, которые объ отнятіи монастырскихъ вотчинъ старались и въ коммиссіи присутствовали». Послѣ заамвонной молитвы, читалъ онъ съ толкованіемъ Катихизисъ, Четьи-Минеи, Толковое Евангеліе, Иоику, Іераполитику и Алфавитъ духовный, а служившіе стояли по сторонамъ его въ облаченіи, какъ обыкновенно бываетъ, когда проповѣдуетъ архіерей. Архимандритъ часто посѣщалъ Арсенія и говорилъ съ нимъ о разныхъ предметахъ; участникомъ въ ихъ бесѣдахъ бывалъ и приставленный къ нему подпрапорщикъ Алексѣевскій. Отъ разсужденій о вѣрѣ и благочестіи переходили и къ событіямъ въ политическомъ мірѣ. Молва дошла до Бѣлаго моря, будто императрица хотѣла сочетаться бракомъ съ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ; но будто, когда она объявила о томъ въ Сенатѣ, то всѣ сенаторы просили ее, чтобы этого не было. Арсеній, внимательный къ событіямъ въ политическомъ мірѣ, разсуждая о государынѣ, сказалъ, что «лучше бы ей выдти замужъ за Ивана Антоновича, который съ ней не въ большомъ родствѣ, всего въ шестомъ колѣнѣ.» Вскорѣ дошла до Арсенія вѣсть, что Иванъ Антоновичъ, бывшій нѣсколько мѣсяцевъ всероссійскимъ императоромъ, погибъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Хотя манифестъ императрицы Екатерины II и объяснилъ настоящую причину такого событія, то есть заговоръ Мировича возвести Ивана Антоновича на престолъ, но это не удержало Арсенія отъ разныхъ подозрѣній, которыя онъ обнаружилъ въ присутствіи монаха Іоасафа Лебедева, а этотъ сообщилъ своему товарищу

Филарету Батогову, который въ 1767 году донесъ Архангелогородской канцеляріи. Такъ отъ устъ Арсенія «ловили слова его къ осужденію его.» Началось слѣдствіе; къ очной ставкѣ вытребовали Арсенія, Лебедева и Филарета. Въ бумагахъ у перваго нашли *молитву о гонящихъ церковь*, выписанную изъ печатнаго Кіевскаго служебника. На допросахъ и очныхъ ставкахъ Арсеній не утаилъ того, что на него показывали доносщики. Канцелярія донесла обо всемъ императрицѣ, которая разсматривала его дѣло сама въ Москвѣ съ генералъ-прокуроромъ и Шишковскимъ. Она повелѣла, чтобъ никто по этому доносу отнюдь истязанъ не былъ, а только бъ показана была словами строгость, сопряженная съ вѣрностію къ ея величеству, а между тѣмъ приказала содержать это дѣло въ глубочайшемъ секретѣ. При этомъ напомнили Арсенію и прежнія его вины: какъ онъ забылъ монаршія милости покойной императрицы и то еще, что она дважды его изволила простить въ дерзкихъ его и тогда уже поступкахъ, и удовольствовалась тѣмъ, что ему сдѣланъ былъ выговоръ въ присутствіи Сѵнода, а потомъ взята съ него подписка о неписаніи впредь продерзостныхъ писменъ. Въ указѣ своемъ Екатерина II выразилась, «что хотя Арсеній за всѣ вышеупомянутыя преступленія, по силѣ государственныхъ правъ, подлежалъ не только жестокому истязанію, но и лишенію жизни; но какъ его разглашенія не произвели желаемаго имъ, по его злости, вреда, и остались тщетны, то ея императорское величество указала, изъ одного человѣколюбія и милосердія, отъ истязанія и казни его избавить, оставляя остатки дней живота его единственно на покаяніе о сдѣланномъ имъ злѣ и лукавствѣ. А чтобы и впредь изъ

него такихъ зловредныхъ разглашеній, по его злому обыкновенію, происходить не могло и тѣмъ болѣе, чтобъ отъ такихъ злостныхъ разсѣваній легкомысленные люди не впадали въ тяжкія преступленія, какъ это уже и случилось, лишить его монашескаго чина и, переименовавъ его Андреемъ Вралемъ, послать къ неисходному житію въ Ревель.» Генералъ-прокурору повелѣно было увѣдомить Ревельскаго оберъ-коменданта, чтобы онъ принялъ въ свое вѣдомство одинъ казематъ въ башнѣ крѣпости и изготовилъ его способнымъ къ житію человѣческому. Этотъ казематъ на водяныхъ воротахъ величиною былъ чуть не съ могилу: $10^1/_2$ футовъ длины и 7 ширины. Арсенію объявили этотъ указъ; но онъ не произнесъ, вопреки ожиданію, ни одного слова, когда снимали съ него чинъ монашескій, и когда надѣвали на него, вмѣсто иноческой одежды, сермягу арестанта и, вмѣсто клобука, треухъ.

Отъ Архангельска до Ревеля провожали его, какъ государственнаго преступника, двѣ перемѣнныя команды. Въ инструкціи конвойному офицеру приказано было «вести его секретно въ закрытыхъ саняхъ и никому не показывать, разговоровъ съ нимъ никакихъ не имѣть, объ имени и состояніи его не спрашивать.» Императрица, не смотря на свой гнѣвъ и предубѣжденіе, повидимому, заботилась о несчастномъ, велѣла дать ему платье, бѣлье и шубу, обходиться съ нимъ безъ грубости. Хворый старецъ, удрученный лѣтами и скорбями и дальными переѣздами, даже въ заклепѣ крѣпости лишенный средствъ вредить, казался опаснымъ. Боялись его рѣзкаго, обличительнаго языка, его вліятельнаго характера.

Изъ Архангельска привезъ Арсенія въ Вологду маі-

оръ Тоузаковъ, 1 января 1768 года; и сдалъ его тамъ офицеру фонъ-Нолькену, который сопровождалъ его до мѣста заточенія въ Ревель. Велѣно было, какъ можно, миновать С.-Петербургъ. Въ проѣздъ Арсенія черезъ Москву Екатерина пожелала видѣть этого ненавистнаго ей человѣка. Ей представили его въ саду Головинскаго дворца. Онъ сидѣлъ тамъ на лавкѣ въ дремотѣ, склонивъ голову къ груди; государыня, приближась къ нему, пристально на него смотрѣла; тотъ, не поднимая глазъ, сказалъ какія-то слова. Екатерина, зажавши уши, тотчасъ ушла отъ него. Тогда онъ содержался въ Преображенскомъ острогѣ при Тайной Канцеляріи, гдѣ допрашивалъ его Шишковскій [15]. Изъ этого мѣста истязаній повезъ его разными дорогами фонъ-Нолькенъ въ Ревель, и тамъ сдалъ своего арестанта оберъ-коменданту Тизенгаузену, который рапортовалъ въ С.-Петербургъ, что «привезенный въ крѣпость человѣкъ имъ принятъ, посаженъ въ каземать и офицеръ съ надлежащею командою опредѣленъ для караула» [16]. Не выпуская своего арестанта изъ виду, государыня писала къ Тизенгаузену: «у васъ въ крѣпкой клѣткѣ есть важная птичка; береги, чтобъ не улетѣла! надѣюсь,

---

15 Зритель, іюня 2, 1862 г. Краткое извѣстіе о жизни преосвящ. Арсенія Мацієвича.

16 Въ Запискахъ И. В. Лопухина, помѣщенныхъ во 2 книгѣ Чтенія И. О. Исторіи и Древн. Россійскихъ, 1860 г. на стр. 56, въ примѣчаніи читаемъ:..... «въ дѣлѣ по Тайной Экспедиціи, о послѣднемъ заточеніи извѣстнаго Ростовскаго митрополита Арсенія въ 1767 и въ началѣ 1768 году, видно, до чего и Великая Екатерина могла быть во гнѣвѣ подвигнута, сіе дѣло возникло за слово, тогда уже, когда Арсеній нѣсколько лѣтъ находился въ ссылкѣ, въ монастырѣ Архангелогородской епархіи, лишенъ епископскаго и священническаго сана, за представленіе противъ отбора монастырскихъ вотчинъ“.

не подведете себя подъ большой отвѣтъ. Народъ очень почитаетъ изстари и привыкъ считать святымъ, а онъ больше ничего, какъ превеликій плутъ и лицемѣръ.» За такого выдавала страдавшаго Арсенія раздраженная Екатерина.

Въ Архангелогородской канцеляріи оставались малоцѣнные пожитки Арсенія: св. иконы, книги, платье и пр. Она представила всеподданнѣйшій докладъ, чтобы образа (какъ будто почему-либо подозрительные и опасные для свѣта) скрыть куда-нибудь въ неизвѣстное мѣсто, гдѣ нельзя имѣть объ нихъ никакого свѣдѣнія, чтобы не было памяти объ Арсеніи, а прочія вещи отправить для продажи въ Коллегію Экономіи. Императрица утвердила такой докладъ, повелѣвъ Коллегіи Экономіи: «въ продажѣ имущества опальнаго поступать по прежнему обыкновенію, не объявлять однакожъ объ немъ, чье оно было».

Въ Ревелѣ этотъ арестантъ отданъ былъ въ исключительное вѣдомство оберъ-комменданту, которому въ особой инструкціи приказано самому принять Андрея Враля и весьма секретно посадить его въ приготовленный казематъ, «остерегая приставленныхъ къ нему офицера и солдатъ, чтобы весьма остерегались съ нимъ болтать; ибо сей человѣкъ», приписала сама императрица, «великій лицемѣръ и легко можетъ привести къ несчастію; всего лучше еслибъ они не знали русскаго языка. Книги русскія дозволялось ему дать, только оныхъ ему при караульныхъ не толковать; разговоровъ съ нимъ никакихъ не имѣть, объ имени его и состояніи его не спрашивать. Если жъ, по словоохотности, самъ станетъ о себѣ разглашать, то вѣрить сему не велѣть, а въ тоже время строжайше запретить ему го-

ворить; а если что караульные отъ него услышатъ, тотчасъ, смотря по важности, писать секретно къ генералъ-прокурору.» Вѣрно не безъ основанія изображенъ на окнѣ при портретѣ Арсенія кляпъ, налагавшій на уста молчаніе. Не выпуская изъ виду Арсенія и въ тѣсномъ заточеніи, окруженнаго стражею, такія крайнія предосторожности брала императрица, какъ будто отъ языка и пера узника зависѣла судьба ея и судьба государства. Въ январѣ 1768 года она, въ дополненіе къ инструкціи, прислала съ эстафетой слѣдующій указъ къ Тизенгаузену: «г. Ревельскій оберъ-коммендантъ! Извѣстному вамъ арестанту опредѣлено по 10 коп. на день. Но если сіе на его содержаніе мало, то дайте мнѣ знать, дабы я могла прибавить; ибо мое намѣреніе есть, чтобы онъ нужды не терпѣлъ, а чтобъ онъ лишенъ былъ возможности сотворить людямъ невиннымъ и себѣ, чрезъ пустое болтанье, зло. Книги же дать ему можете, а денегъ отнюдь въ руки ему не давайте. Онъ сколько старъ, столько и пронырливъ. Если же ему нужда будетъ въ бѣльѣ и одеждѣ: то удовольствуйте его безъ излишества. А въ болѣзняхъ велите его лечить и предпишите тѣмъ, кои около его, чтобы съ нимъ безъ грубости обходились.»

По прибытіи въ Ревель, Арсеній занемогъ отъ дороги, усталости и прискорбія. Оберъ-комендантъ прислалъ къ нему гарнизоннаго лекаря Герца, съ котораго взялъ подписку, что подъ смертною казнію не будетъ спрашивать у больнаго объ его имени и званіи, и никому, до конца жизни своей, не объявитъ о немъ ни въ разговорахъ, ни догадками, или какими нибудь минами. Тизенгаузенъ каждый мѣсяцъ посылалъ въ

С.-Петербургъ рапорты съ донесеніемъ, что «извѣстный арестантъ содержится по силѣ данной высочайшей инструкціи, ведетъ себя тихо».

Дѣйствительно, Арсеній, предавшись волѣ Промысла и утѣшая себя въ своемъ заточеніи чтеніемъ Св. Писанія, примирился съ жребіемъ своимъ. На стѣнѣ тѣсной своей тюрьмы, онъ начерталъ углемъ: «Благо, яко смирилъ мя еси.» [17] Въ 1771 году, послѣ смерти Тизенгаузена, поступилъ на его мѣсто Бенкендорфъ. По этому случаю, императрица писала къ генералъ-прокурору князю Вяземскому: «Какъ Г. П. Бенкендорфъ нынѣ оберъ-комендантомъ въ Ревелѣ опредѣленъ, то не изволишь ли писать къ нему, чтобы онъ за Вралемъ имѣлъ смотрѣніе такое, какъ и Тизенгаузенъ имѣлъ; а то боюсь, чтобы, не бывши ему порученъ Враль, не заводилъ въ междуцарствіи свои какія ни есть штуки, и чтобы не стали слабѣе за симъ звѣркомъ смотрѣть, а намъ отъ него не выливались новыя хлопоты.» [18] Изъ этого видно, что императрица не преставала Арсенія опасаться, подозрѣвать и преслѣдовать его своею мыслію, какъ будто у него въ рукахъ была какая-либо ея важная тайна.

Въ 1772 году, февраля 26, Арсеній, тяжко заболѣвъ, требовалъ священника. Оберъ-комендантъ допустилъ къ нему духовника, который исповѣдывалъ и причастилъ прежняго архипастыря, приближавшагося къ смерти. На третій день послѣ того, въ 8 часовъ утра Арсеній скончался и въ тотъ же день вечеромъ, по пробитіи

---

[17] Исторія Русской Церкви, Преосв. *Филарета Гумилевскаго*, періодъ V. Москва 1848, въ 8.

[18] Въ газетѣ День, № 17, ст. г. Лонгинова: Новые документы для біографіи Маціевича.

вечерней зари, погребенъ въ русской Никольской церкви. Мѣсто погребенія его донынѣ тамъ показываютъ у праваго клироса, въ придѣлѣ Успенія Божіей Матери, послѣ пристроенномъ на могилѣ Арсенія. Самъ Шишковскій, хладнокровный истязатель, чувствуя жестокость своихъ розысковъ надъ бывшимъ митрополитомъ, посылалъ, по самую смерть свою, въ Ревель деньги на панихиду по несчастномъ Мацѣевичѣ [19]. Оставшуюся послѣ усопшаго рухлядь велѣно раздать нищимъ, а книги: Евангеліе, Псалтырь, и Святцы отдать духовнику его Ревельскому Никольскому священнику Кондратову. Съ священника и всей команды взяты подписки, что они «подъ смертною казнію, подъ конецъ своей жизни, будутъ хранить обо всемъ этомъ глубочайшее молчаніе.» Такъ желала Екатерина II скрыть отъ современниковъ послѣднюю участь и слѣды страдальца, ей ненавистнаго и оказавшагося опаснымъ въ самомъ заклепѣ!

Но одно преданіе такъ гласитъ: Почувствовавъ приближеніе своей кончины, Мацѣевичъ просилъ своего стража позвать священника для исполненія послѣдняго долга. Священникъ явился къ нему съ Св. Дарами: но вдругъ, выбѣжавъ отъ него въ смущеніи, сказалъ приставу: «Вы мнѣ говорили, что надобно исповѣдывать и причастить преступника, а предо-мною стоитъ на колѣняхъ архипастырь въ полномъ облаченіи.» Когда приставъ вошелъ самъ съ священникомъ въ тюрьму, предъ ними лежалъ на койкѣ въ сермягѣ арестантъ-страдалецъ и трепещущимъ голосомъ сказалъ духов-

---

[19] Какъ свидѣтельствуетъ сенаторъ И. В. Лопухинъ, между прочимъ, что Арсенія исповѣдывалъ и причащалъ Ревельскій ключарь Савва. См. Зритель, 1862 г. № 28.

нику: Сынъ мой, предъ тобой не митрополитъ, а недостойный рабъ Арсеній, идущій отдать отчетъ Господу Богу въ своей жизни. Видѣнное тобою чудо есть знаменіе Господне неизреченной милости Божіей: это значитъ, что душа моя скоро отлетитъ отъ скорбнаго тѣла.» Духовникъ, исповѣдывалъ и причастивъ его, испросилъ у него себѣ благословеніе. Ему умирающій отдалъ на память свой молитвенникъ, на коемъ написано было: «Смиренный митрополитъ Ростовскій Арсеній.» Другое жъ сказаніе, записанное въ старинной тетради, свидѣтельствуетъ, что опальный Арсеній на пути своемъ къ мѣсту заточенія упросилъ сопровождавшихъ его стражей остановиться у ближайшей церкви и позволить ему исповѣдываться и причаститься. Когда, по исполненіи таинства покаянія, въ концѣ обѣдни, открылись Царскія двери для преподанія Св. Даровъ, Арсеній вдругъ явился въ архіерейскомъ облаченіи и приступилъ къ Божественной Трапезѣ; потомъ опять принялъ прежній видъ арестанта. Таковыя обносятся въ Русскомъ мірѣ преданія, которымъ хотя и нельзя дать вполнѣ фактическаго значенія, но представляемъ ихъ, какъ свидѣтельство живѣйшаго участія духовенства и народа въ печальномъ жребіи бывшаго митрополита Ростовскаго.

Г. Семевскій, не указывая фактическаго доказательства, назначаетъ мѣсто заключенія и кончины Мацѣевича въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости. [20] По

---

[20] Въ запискахъ И. В. Лопухина, помѣщенныхъ во 2-й книгѣ Чтеній И. О. Исторіи и Древностей Россійскихъ на стр. 67 упоминается, что за нѣсколько мѣсяцевъ, предъ кончиною императрицы Екатерины II, заключенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость нѣкто изъ монаховъ, или послушниковъ монастырскихъ, который предсказывалъ о ея кон-

свидѣтельству же одного путешественника, могилу этого страдальца при Верхнеудинской кладбищенской церкви.[21] Какъ время кончины Арсенія, такъ и мѣсто его погребенія опредѣляютъ различно: то въ 1772, то 1779, 1787 году.

Спросятъ, отъ чего же произошли такіе толки, перешедшіе въ народное сказаніе?

Изъ дѣлъ бывшей Тайной Канцеляріи видно, пишетъ г. Чистовичь, что въ тоже самое время, какъ Арсенія Мацѣевича послали въ Ревель другаго Арсенія, іеромонаха Нижегородскаго Печерскаго монастыря, за разныя преступленія, и между прочимъ за ложный доносъ на Благовѣщенскаго архимандрита Іону, отправили въ дальній монастырь Иркутской губерніи. Объ Арсеніи Мацѣевичѣ не знали ничего вѣрнаго, только ходили слухи, что его увезли куда-то изъ Николы-Корельскаго монастыря. Въ Сибири между прочимъ, проѣзжалъ какой-то Арсеній. Молва смѣшала ихъ. Въ народѣ разгласилось, что бывшаго митрополита Ростовскаго везли въ Сибирь, что его видѣли въ Нерчинскомъ монастырѣ и что онъ скончался на пути въ Селенгинскій монастырь. Приверженцевъ его наказали лишеніемъ званія, а доносчиковъ наградили деньгами.

Въ такихъ превратностяхъ и тяжкихъ испытаніяхъ провелъ остальное десятилѣтіе своей жизни послѣдній митрополитъ Ростовскій, жившій при четырехъ императорахъ и при четырехъ императрицахъ. Тяжба его,

---

чинѣ, и точно въ то время кончина случилась. Онъ былъ привезенъ въ Петербургъ уже при Павлѣ I, который нашелъ приличнымъ помѣстить его въ какой нибуть монастырь.

[21] Древнія святыни Ростова-великаго, соч. графа М. В. Толстаго, М. 1860 г. стр. 28.

черезъ столѣтіе, обратила на себя вниманіе и участіе русскаго міра; подняты его дѣла, таившіяся въ пыли архивовъ; нѣкоторыя тайны распечатаны, объ немъ обнародованы письменныя свидѣтельства и преданія, возбуждены вопросы, вызваны на судъ свѣта самъ Арсеній, его судьи, друзья и враги. Почти вся жизнь его представляетъ намъ непрерывную борьбу, то съ духовною и свѣтскою властью, то съ раскольниками и вольнодумцами, то съ личными его врагами и гонителями. Въ его поступкахъ обличается его твердый до упорства, прямой до упрямства характеръ, который не поддается власти и не уступаетъ силѣ, когда дѣйствія ихъ несогласны съ его убѣжденіями и правилами. Его личныхъ убѣжденій не поколебали ни царскій гнѣвъ, ни возстаніе на его собратій, ни лишеніе святительскаго сана, ни истома въ мрачной и душной тюрьмѣ, ни розыски Шишковскаго, ни угрожавшая ему смертная казнь; обрекши себя на жертву за право собственности духовенства, Арсеній дѣйствовалъ не тайно, не ухищренно, но прямо, открыто, писалъ и говорилъ смѣло съ самоотверженіемъ. Кормчую онъ ставилъ выше духовнаго регламента, царскаго указа и присяги, потому что смотрѣлъ на дѣло свое, какъ на дѣло Божіе, за которое стоять и жертвовать собою вмѣнялъ себѣ въ священную обязанность и заслугу. Собратія его въ тайнѣ раздѣляли его убѣжденія; но явно никто изъ нихъ не отважился присоединиться къ нему. Мало того, нѣкоторые даже возстали противъ него. При столкновеніи правъ и обязанностей, онъ опирался только на свои права, какъ пастырь Церкви, уклоняясь отъ обязанностей вѣрноподданнаго. Вотъ отъ чего смѣлость и свобода его протестовъ, направленныхъ не

противъ личности Самодержицы, но противъ собратій и членовъ коммиссіи принята тогда за оскорбленіе Величества, а самое дѣйствіе за мятежъ и крамолу! Вотъ отъ чего мнѣнія объ немъ различны! Народъ, сострадая объ немъ, какъ о несчастномъ пастырѣ, почиталъ его правдивымъ. благочестивымъ, ревностнымъ поборникомъ Православія, и какъ сама императрица выразилась въ письмѣ своемъ, «святымъ»; она же находила въ Арсеніи «лицемѣра, пронырливаго, лукаваго, злобнаго, опаснаго для себя враля». Такое мнѣніе государыни, повидимому, возбуждено въ ней не одними рѣзкими протестами Ростовскаго владыки въ ея царствованіе, но какими нибудь предшествовавшими обстоятельствами въ царствованіе ея тетки Елисаветы Петровны, когда были партіи и противъ нея, потому что она, какъ видно изъ ея писемъ, почитала Арсенія не только противникомъ ея воли, но и личнымъ своимъ врагомъ.

Такъ расходился судъ народа объ Арсеніѣ съ судомъ разгнѣванной государыни.

Предавая тотъ и другой судъ суду Божію, не оставимъ забвенію пастырскихъ подвиговъ Ростовскаго митрополита, который открылъ мощи своего святаго предшественника Димитрія и, по порученію св. Сѵнода, почтилъ его память сочиненіемъ его житія и службы.

Подражая этому святителю въ ревности по Православію, онъ писменно и словесно обличалъ раскольниковъ и нѣкоторыхъ успѣлъ обратить на правый путь; его дополненіе къ *Обличенію неправды раскольничей* заслуживаетъ особенное вниманіе по своему содержанію и достоинству [22]. Ощутительное вліяніе лютеранства

---

[22] Православный собесѣдникъ. Казань, 1861 г. декабрь.

въ Россіи, при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, противодѣйствіе Православію Бирона съ Минихомъ и Остерманомъ вызвало его ревность на опровержение его. Объ усердіи его въ проповѣданіи Слова Божія для назиданія паствы своей, свидѣтельствуютъ печатныя и письменныя его проповѣди, хранящіяся въ библіотекахъ Ярославской семинаріи и другихъ. Исторія просвѣщенія въ Россіи не забудетъ попеченій сего пастыря объ устроеніи духовныхъ училищъ и о водвореніи въ нихъ ученія, болѣе сообразнаго съ духомъ Русскаго народа и съ потребностями духовенства. «Школы при архіереяхъ», писалъ онъ въ протестѣ 6 марта 1763 года, «не иныя нужны, только Русскія: понеже въ церквахъ у насъ не по латыни, ниже другими иностранными языками читается и поется, и служба Божія совершается по Русску.» Въ сочиненіяхъ его выразилась съ преданностію къ св. вѣрѣ любовь къ отечеству, приверженность къ праотеческимъ обычаямъ и нравамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отвращеніе къ нововведеніямъ.

Чуждый корысти и любостяжательности, Арсеній раздѣлялъ доходы свои съ бѣдными и нищими; доказательствомъ тому опись скуднаго его имущества. Богатство его состояло въ библіотекѣ, которая поступила въ Ярославскую семинарію. Скажутъ, недоставало только смиренія подписывавшемуся *смиреннымъ*; но кто знаетъ, что въ самомъ смиреніи этой личной добродѣтели, онъ предпочелъ ревность ополчаться перомъ и языкомъ за права Церкви, освященныя давностію, и какъ человѣкъ съ энергическимъ характеромъ не могъ не увлечься своимъ личнымъ убѣжденіемъ и въ увлеченіи своемъ не могъ удержаться отъ оскорбительныхъ и дерзкихъ выраженій. Уже путемъ тяжкой исто-

мы и страданій, Арсеній наконецъ достигъ глубокаго смиренія въ Ревельскомъ казематѣ, на краю своей могилы. Тамъ всѣми оставленный, кромѣ своихъ суровыхъ, безмолвныхъ стражей и разныхъ гадинъ, лишенный надежды на свободу и помилованіе, онъ, подобно опальному Никону патріарху, обращаясь къ «Посѣтителю душъ» тамъ взывалъ: «Благо яко смирилъ мя еси, Господи!».

V.

ИВАНОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ

ВЪ МОСКВѢ.

Статья И. М. Снегирева.

СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ УСЕКНОВЕНІЯ ЧЕСТНЫЯ ГЛАВЫ ІОАННА ПРЕДТЕЧИ.

въ бывшемъ Ивановскомъ монастырѣ.

ВЪ МОСКВѢ.

ИВАНОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ МОСКВѢ.

Изображенная здѣсь старинная церковь во имя Усѣкновенія честныя главы Святаго Іоанна Предтечи до 1812 года была соборною Ивановскаго дѣвичьяго монастыря въ *старыхъ садѣхъ*, *подъ боромъ*, *что на кулишкахъ*, противъ того холма, гдѣ еще въ началѣ XVI вѣка, соорудилъ Алевизъ церковь Св. Владиміра. Мѣсто это, удобное для монашескаго житія, по срединѣ города, кажется отдѣленнымъ отъ него по своему положенію. Обитель сія замѣчательна сколько древностію своей, столько и достопамятными въ ней событіями. По штату, она была второкласная—ружная. До учрежденія штатовъ, за нею состояло 813 душъ по ревизіи 1744 года: въ уѣздѣ Переславля—Рязанскаго полусело Путятино на рѣчкѣ Воршѣ и Шацкаго уѣзда, Залѣсскаго стану село Архангельское, Двѣ Сестреницы тожъ, на рѣкѣ Хопрѣ.

Основаніе ея приписывается преданіемъ: то великому князю Іоанну III, то матери царя Іоанна Васильевича, великой княгинѣ Еленѣ Глинской; сооруженіемъ церкви въ память Усѣкновенія главы Св. Іоанна Предтечи она, вѣроятно, желала ознаменовать день тезоименитства своего сына. Такъ свидѣтельствуетъ преданіе, впрочемъ не подтверждаемое историческими данными! Въ

описи Ивановскаго дѣвичья монастыря 1763 г., читаемъ слѣдующее: «А когда оный монастырь построенъ, «при которомъ государѣ и по какой государской грамотѣ, и въ которомъ году, о томъ въ означенномъ мо«настырѣ точнаго извѣстія нѣтъ» [1]. Изъ лѣтописей же открывается намъ, что въ началѣ XV столѣтія, существовалъ мужескій Іоанно-Предтечевскій монастырь подъ боромъ за Москвою рѣкой, тамъ, гдѣ нынѣ приходская церковь Срѣтенія Черниговскихъ чудотворцевъ [2]. Вѣроятно, что съ упраздненіемъ этого монастыря, подъ Замоскворѣцкимъ боромъ, основанъ соименный ему подъ Кулижскимъ боромъ, о коемъ упоминаетъ ниже приведенная надпись на Евангеліи. Въ историческихъ актахъ Ивановскій монастырь встрѣчается въ 1604 году. Такъ въ патріаршество Іова священникъ Ивановскаго монастыря (только неизвѣстно мужескаго, или женскаго) былъ въ числѣ старостъ поповскихъ, какъ значится въ извѣтѣ боярскаго сына Ивана Чортова, 1604 года [3].

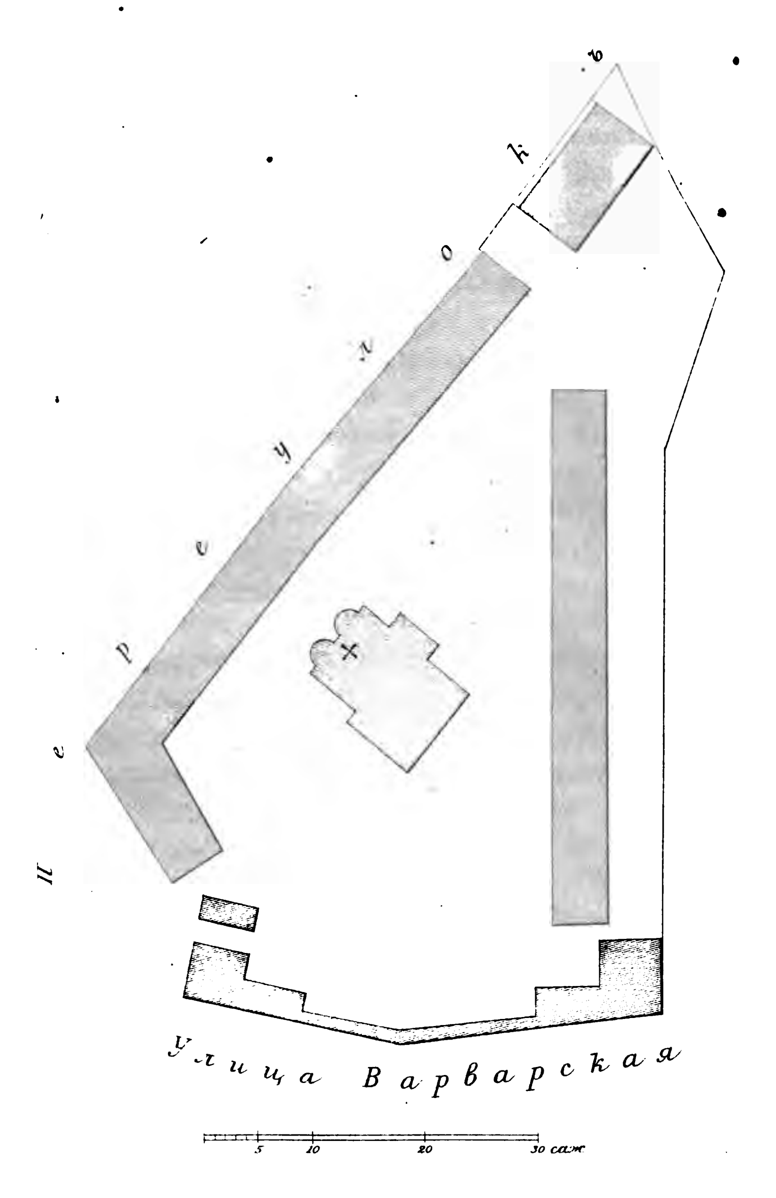
Сей монастырь устроенъ и украшенъ былъ царскими и боярскими вкладами; но лишился ихъ въ нашествіе Поляковъ и въ пожары, кои неоднократно опустошали его. Такія утраты вознаграждались вкладчицами изъ знатныхъ фамилій, поступавшими въ эту обитель. Когда указомъ Петра I, въ 1701 году, повелѣно было строить въ монастыряхъ, вмѣсто деревянныхъ, каменныя келіи, тогда и здѣсь построены каменныя же, въ томъ числѣ крестовая палата съ сѣнями. Едва минуло

---

1 Опись Ивановскому дѣвичу монастырю, что на Кулишкахъ, учиненная 1763 года, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка поручикомъ Петромъ виньинымъ.

2 *Карамз*. И. Г. Р. VII, пр. 383. VIII, пр. 16.

3 Акты Археографич. экспед. II. № 223.



ПЛАНЪ ИВАНОВСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ 1759 ГОДУ.

Лит. К. Эрготъ

тому 36 лѣтъ, какъ мая 30, Троицкій пожаръ, происшедшій отъ денежной свѣчки, обхватилъ почти всю Москву; имъ опустошенъ Ивановскій монастырь, гдѣ сгорѣли монашескія келіи и на церквахъ кровля; жертвою пламени сдѣлались тогда шесть монахинь [4]. Въ донесеніи же Семена Салтыкова императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ о пожарѣ 29 мая 1737 года, объ Ивановскомъ монастырѣ читаемъ: «Ивановской, въ церквахъ въ цѣлости, точію на колокольнѣ и на церкви кресты, кровли сгорѣли и кельи выгорѣли безъ остатку, колоколà опустились, у святыхъ вратъ часовня со святыми иконами выгорѣла [5]. Обитель сія время отъ времени устроивалась, какъ въ 1748 году, посѣтило ее подобное бѣдствіе; но въ 1761 году, она возобновлена щедротами императрицы Елисаветы Петровны, которая предназначала было ее для призрѣнія вдовъ и сиротъ заслуженныхъ людей, какъ видно изъ указа 1761 года іюня 20. Наконецъ сему монастырю суждено въ 1812 году потерпѣть одинаковую участь съ Москвою: кромѣ соборной церкви, всѣ зданія въ немъ сгорѣли, часть церковныхъ сокровищъ разграблена; а другая, до вступленія непріятелей, увезена была въ Вологду. Въ монастырѣ оставалась послѣдняя его игуменья Елпидифора съ сестрами. Когда же имъ начало угрожать буйство враговъ, ругавшихся надъ святынею, она тайно удалилась съ сестрами въ Хотьковъ монастырь. Послѣ очищенія Москвы отъ непріятелей, Ивановскій мона-

---

[4] Вѣдомость изъ Московскаго Сvнодальнаго правленія канцеляріи о погорѣвшихъ 1737 года въ Москвѣ архіерейскихъ подворьяхъ и разныхъ сорокахъ церквахъ, см. *Дѣло о пожарѣ* 1737 г подъ № 166 въ Архивѣ Сvнод. Конторы.

[5] Чтенія въ Об. Ис. и Др. Рос. 1858 г. книга 3, смѣсь стр. 41.

стырь обращенъ въ приходскую церковь; въ возобновленныхъ послѣ пожара келіяхъ и пристроенныхъ зданіяхъ помѣщены были чиновники и рабочіе Сѵнодальной типографіи.

Изъ монастырскихъ церквей осталась одна соборная, замѣчательная по своеобразности своего зодчества. Она составляла квадратъ съ выдавшимися на внѣшнихъ стѣнахъ лопатками и съ четырьми фронтонами, въ видѣ трехъугольниковъ, надъ коими возвышалась глава на трибунѣ, обитая вызолоченною жестью, а кровля листовымъ желѣзомъ. Съ востока къ церкви примыкали три шестигранныя полукружія алтаря, съ запада обширная трапеза представляла квадратную палату съ придѣлами. Въ ней по срединѣ на четырехгранномъ, величиной въ кубическую сажень, крѣпостномъ столбѣ опирались со всѣхъ сторонъ коробовые своды. Въ стѣнахъ связи были деревянныя; окна малыя и узкія, впослѣдствіи расширенныя; толстыя стѣны сложены изъ крѣпостныхъ кирпичей; цоколь изъ бѣлаго камня низкій; на внѣшнихъ стѣнахъ не было никакихъ орнаментовъ. Простота, прочность и низменность давали поводъ предполагать, что эта древняя *церковь-трапеза*, при первоначальной своей постройкѣ, составляла нижній (зимній) этажъ храма, на коемъ существовалъ верхній съ лѣтнею церковью. По всѣмъ признакамъ стариннаго сооруженія кирпичныхъ зданій въ Москвѣ, въ этомъ остаткѣ древняго храмоваго зодчества видна работа Русскихъ мастеровъ, осторожныхъ, несмѣлыхъ, не выпускавшихъ изъ виду главныхъ практическихъ качествъ строенія: крѣпости и прочности. Хотя еще не найдено опредѣлительно время основанія сего храма,—съ вѣроятностію можно его отнести къ концу XVI столѣтія. На южной

и сѣверной сторонѣ у крыльца желѣзныя двери вели въ подвалъ подъ церковью. На той же сторонѣ къ трапезѣ пристроенъ былъ каменный застѣнокъ, въ послѣдствіи обращенный въ ризничную палатку.

Внутренность главнаго храма представляла четвероконечный крестъ; его своды образовали два пересѣкающіеся полуцилиндра; въ пересѣчкѣ ихъ сквозной трибунъ. Широкія окна надъ южными и сѣверными дверями вновь продѣланы. У сѣверной стѣны находилось каменное надгробіе съ покровомъ; на верхней его плитѣ высѣчена была слѣдующая надпись: «лѣта 7146 (1638) «марта въ 1 день на память стыя прдномчцы Евдокіи «преставися раба Божія Дарья, во инокиняхъ схим-«ница Марфа юродивая.» Подъ сводами каменной надгробницы стоялъ на помостѣ деревянный гробъ ея, гдѣ изголовьемъ ей служилъ камень по смерти, какой былъ и въ подвижнической жизни.

На каменномъ помостѣ о двухъ ступеняхъ возвышался старинный алтарный иконостасъ, столярной рѣзной, выложенный орнаментами изъ позолоченнаго свинца съ Царскими дверями рѣзными и позолоченными; надъ ними сѣнь также рѣзная позолоченная, въ иконостасѣ помѣщены образа изъ древняго; онъ состоялъ изъ пяти поясовъ, но не въ томъ порядкѣ, въ какомъ обыкновенно устраивается: въ нижнемъ ярусѣ мѣстные образа, надъ нимъ Деисусъ и Двоенадесятые праздники, потомъ два ряда келейныхъ, выносныхъ образовъ, наконецъ поясъ Праотцовъ и Пророковъ, въ басменномъ окладѣ, писанныхъ въ Греческомъ стилѣ, но видимому, около половины XVII вѣка. Въ монастырской описи 1763 года исчислены мѣстныя иконы въ такомъ порядкѣ: по правую сторону отъ Царскихъ вратъ: 1. Живоначальныя Тро-

цы, 2. Іоанна Предтечи. 3. Іоанна Предтечи въ житіи, 4. Усѣкновенія честныя главы Предтечевы, въ деревянномъ рѣзномъ кіотѣ; по лѣвую сторону Царскихъ вратъ: 1. Одигитріи Пресвятыя Богородицы, 2. Николая чудотворца, по сторонамъ котораго Спаситель и Богоматерь. 3. На лѣвомъ клиросѣ мѣстный образъ Святцы XII мѣсяцевъ и 4. Не рыдай Мене, Мати. На той же сторонѣ, предъ мѣстнымъ образомъ Богоматери, на налоѣ икона Св. Іоанна Предтечи, въ створчатомъ деревянномъ кіотѣ; на ней окладъ, поля, вѣнецъ и цата золотые, кованные. Въ вѣнцѣ и цатѣ 6 камней: два изумруда и 4 яхонта голубыхъ; по полямъ оклада и кругомъ вѣнца, цаты, ризы и простертыхъ рукъ Угодника Божія, обнизано жемчугомъ. Предъ иконостасомъ пять паникадилъ зеленой мѣди, литыя, съ разными штуками и разнымъ мелкимъ приборомъ.

Внутри церкви стѣнное писаніе изображало Двунадесять праздниковъ, Евангельскія притчи и лики Святыхъ.

Троечастный алтарь съ коробовыми сводами освѣщался съ востока тремя окнами, а съ юга и сѣвера двумя, вновь продѣланными между собою арками. Зодчій имѣлъ въ виду ту цѣль, чтобы произвести и поддержать *отголосокъ* (resonnance) и *звучность*, необходимые во время службы и чтенія въ алтарѣ. Надъ престоломъ была сѣнь столярной работы съ рѣзьбой; въ срединѣ сѣни образъ Отечествія, въ рѣзномъ кіотѣ и 8 Херувимовъ и сверхъ нея образъ Спасителевъ, окруженный 8 Ангелами рѣзными съ раскраской и позолотой. Горнее въ алтарѣ мѣсто обставлено было образами, между коими находились древніе Греческаго письма; стѣны какъ въ алтарѣ, такъ и въ храмѣ, расписаны дѣяніями изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ.

Въ числѣ св. утварей обращаютъ на себя вниманіе: 1) Серебряный напрестольный крестъ съ св. мощами, украшенный жемчугомъ и самоцвѣтными каменьями; на рукоятіи его читаете слѣдующую надпись: «7189 года, «марта 1, построенъ въ церковь Усѣкновенія честныя «главы Іоанна Предтечи въ Ивановскій монастырь, что «на Кулишкахъ;» 2) Изъ шести напрестольныхъ Евангелій замѣчательно одно въ десть, обложенное съ лицевой стороны серебромъ, на коемъ искусно вычеканены символы Евангелистовъ съ надписями: крылатый левъ—агіосъ Іоаннъ, ангелъ—агіосъ Матеей, телецъ—агіосъ Лука и орелъ—агіосъ Марка. По листамъ Евангеліе подписано такъ: «157 апрѣля въ 5 день дана сія «книга Евангеліе напрестольное, прописано золотомъ, «верхняя доска серебряная вся золочена съ трубами, «чеканная съ жемчугомъ и съ каменьемъ, а на нижней доскѣ жуки серебряные рѣзные, золочены, на «Москвѣ въ дѣвичь монастырь къ Ивану Предтечи, что «на Кулишкахъ, при игуменьѣ Марьѣ Вышеславцовѣ, «при священникѣ Матвеѣ, да при священникѣ жъ Леон«тіѣ, да при дьяконѣ Лупѣ, по Максимѣ Григорьевичѣ «Матюшкинѣ вкладу, да по его женахъ и по дѣтяхъ, «священникамъ пожаловать за сію книгу Максима и «родителей его написать во вседневной синодикъ: и изъ «монастыря сія книга ни куда не отдать и впредь ко«торые будутъ священницы и имъ потому же вѣчнымъ «поминовеніемъ не забывать, дондеже сія обитель стоитъ, «а которыхъ родителей написать во вседневный сино«дикъ и тѣ имена написаны въ сей книгѣ отъ верхней «доски.» На крышѣ: «дано сіе Евангеліе въ Предтечевъ «дѣвичій монастырь по Максимѣ Григорьевичѣ Матюш«кинѣ.» 3) Изъ шести серебряныхъ потировъ одинъ

чеканный съ рѣзьбою устроенъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ 7187 года. 4) Серебряное кадило, вызолоченное, большое, коего крышка устроена въ видѣ одноглавой шатровой церкви; на немъ слѣдующая надпись: «Сіе «кадило Ивановскаго дѣвича монастыря, что *на Кулиш-«кахъ подъ боромъ*, при царѣ великомъ князѣ Алексіѣ «Михайловичѣ всея Россіи самодержцѣ, построено лѣ-«то 7169 года изъ церковныя казны при попѣ Ѳео-«фаніѣ, при попѣ Григоріѣ и при дьяконѣ Иванѣ.» Опись 1763 года свидѣтельствуетъ намъ о множествѣ облаченій въ ризницѣ; тамъ было 96 священническихъ ризъ, въ числѣ коихъ находились камчатныя, киндячныя, тафтяныя, парчевыя, травчатыя, грезетовыя, атласныя, объяринныя, парчевыя, обнизанныя жемчугомъ, полуобъяринныя, канаватныя, транцепелевыя, изорбатныя, бѣлокосовыя, косматаго бархату и пр. Епитрахилей было 40, подризниковъ 23, поясовъ 11, поручей 57, стихарей 36, орарей 22, воздуховъ 100, пеленъ 41 и пр.

На здѣшнихъ колоколахъ читаемъ слѣдующее: 1) на полiелейномъ: «Лѣта 7149 (1641) іюня въ 12 день по-«велѣніемъ великого гдря цря і великаго князя Михаі-«ла Ѳедоровича всея Руси самодерьжца слитъ сеі ко-«локол в преіменітомъ царствующем граде Москвѣ вы-«вановско девичей мнрь Усѣкновения чтныя главы въ «29 лѣто гдртва его, мастеръ Степанка Ореѳъеѳъ, уче-«никъ немчина Івана Ѳалка.» 2) на будничномъ: «Лѣта «7195 (1687) го лит сеі колокол на Плесо къ церкви «Воскресенію Хрву, по обѣщанію посадских людей Феок-«тиста да Артемья Івановых детеі Авериныхъ.» Между орнаментами этого колокола помѣщены двуглавые орлы. 3) На большомъ: «1755 году апреля 15 дня вылит сей

«колокол въ Ивановской двчь митр, что в Москвѣ на «Кулишкахъ, тщаніемъ того митря ігуменіи Елени і с «сестрами на зборные мирские дги, весу в нем 155 «пуд. лил мастер Костентин Михайловъ снъ Слизовъ.» 4) На другомъ большомъ: «1763 году марта 1 день «вылит сей колокол въ Ивановской двчь митрь при ігу«меніи Назареты і с сестрами, весу 60 пуд 23 фунта, «лил алдерманъ Костентин Михайлов снъ Слизовъ.» На немъ вылитъ образъ Спасителя, Божіей Матери и св. Николая.

Подъ церковнымъ помостомъ находились обширные подвалы. Въ низменной трапезѣ были два придѣла, одинъ въ честь Казанскія Богоматери, перенесенный сюда со святыхъ воротъ монастыря, и св. Николая чудотворца, освященный въ 1643 году, какъ видно изъ слѣдующаго столбца: «Лѣта 7151 году ноября въ 17 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русі указу память дьякомъ Григорію Панкратьеву да Алмазу Иванову велѣти имъ дати въ Ивановской дѣвичь монастырь въ новую церковь Николы чудотворца къ освященію и на всю четиредесятницу ладону противъ иныхъ такихъ церквей. Дьякъ Иванъ Θедоровъ [6]. По описи 1753 года, надъ святыми воротами была церковь въ память Происхожденія Честныхъ Древъ.

Къ этимъ воротамъ и оградѣ пристроена была келья настоятельницы съ выпускными флигелями длиною 10 саж., а шириною $3^1/_2$ саж. Сестринскія келіи занимали мѣсто по обѣ стороны воротъ, тѣ и другія на 37 саж. длиною, потомъ кельи церковническія, одноэтажныя; однѣ на 14 саж. длиною, а другія на 7 саж. Кругомъ монастыря ограда каменная на $124^1/_2$ саж.

[6] Столбецъ Оруж. Пал. № 1, годъ 151.

Въ такомъ видѣ представлялся до 1860 года обращенный въ приходскую церковь Ивановскій монастырь съ его храмами, колокольнею и другими зданіями, какъ показываетъ приложенный здѣсь точный его рисунокъ. Отъ прежняго быта оставались, нѣкоторое время, на память древнія святыя ворота и при нихъ часовня съ келлею и часть ограды.

Вотъ извѣстныя намъ игуменіи этого монастыря:

Анисія въ январѣ 1626.

Анна Гадукова, 26 декабря 1640.

Марья Вышеславцева, 1649 г.

Евфимія Вельяминова, 1654—56.

Ѳекла, въ августѣ 1690.

Марѳа Григорова, 1701—11.

Марія Цимерманова, 1712—33.

Елена Протопопова, опредѣлена 22 ноября 1733, † 8 декабря 1761.

Назарета Иванова, 1762—72.

Измарагда, 1773—79.

Елисавета, 1779—81.

Марія Арсеньева † 29 ноября 1805.

Елпидифора (послѣдняя до 1812 года). [7]

Къ достопамятностямъ сего монастыря еще должно отнести и то, что патріархъ Іоакимъ, вѣроятно, по примѣру своихъ предшественниковъ, въ храмовый праздникъ 29 августа; за всенощной читалъ шестопсалміе, выходилъ на литію и величаніе, служилъ обѣдню; наканунѣ молебствовалъ о здравіи царевича Іоанна Алексіевича [8]. На этотъ праздникъ 1708 г. здѣсь, въ при-

[7] Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви *П. Строева*. Спб. 1877 г. стр. 232.

[8] Выходы государей, царей и пр.

сутствіи царевны Маріи Алексѣевны, служилъ обѣдню и сказывалъ поученіе святитель Димитрій Ростовскій [9]. Цари Михаилъ Θеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ посѣщали монастырь не только въ храмовый его праздникъ, но и въ другіе дни, какъ показываютъ Царскіе Выходы [10]. На святой недѣлѣ они здѣсь жаловали игуменью съ сестрами къ рукѣ, раздавали имъ свѣтлодневныя яица и ручную милостыню, а также сукна священно-служителямъ, какъ видно изъ слѣдующаго:

Съ 7133 (1625) года въ Ивановскій дѣвичь монастырь великаго государя жалованья, годовыя милостыни, и молебныхъ и понахидныхъ денегъ и праздничнаго выбору и по великомъ князѣ Васильѣ, во иноцехъ Варламѣ и по всѣхъ государевыхъ родителяхъ: игуменьѣ 4 рубли 30 алтынъ рядовымъ старицамъ 100 человѣкамъ по 2 рубли по 15 алтынъ старицѣ, 2 попамъ по 3 рубли по 26 алтынъ 4 деньги человѣку, дьякону 2 рубли 16 алтынъ 4 деньги, пономарю 2 рубли 13 алтынъ 2 деньги, сторожамъ 4 человѣкомъ по 3 рубли по 4 алтына пополу 5 денегъ человѣку, просвирницѣ 5 алтынъ, служкѣ 2 рубли [11].

«7175 (1667) году іюня во 2 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу казначею Аθанасью Самойловичу Нарбекову, да дьяку Якову Петелину великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя

---

[9] Дневныя его записки въ Древней Росс. Вивліоθикѣ, 2 изд. т. XVII

[10] Чиновникъ патр. Іоакима 1674 и 76 г. въ библ. Новг. Соθійск. собора.

[11] Книг. Цар. жалов. Москов. церквамъ съ 1625 по 1677 годъ въ Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

Россіи самодержецъ по имянному своему великаго государя указу пожаловалъ Ивановскаго дѣвича монастыря поповъ: Ѳеоѳана, Григорья, да дьякона Ивана, велѣлъ имъ дать своего государева жалованья для рожденія сына своего государева, благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Іоанна Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи съ Казеннаго двора на праздничныя однорядки по сукну человѣку [12].

По окладу годовыхъ суконъ въ 1669 году Ивановскаго дѣвича монастыря, что на Кулишкахъ, двумъ дьячкамъ, пономарю, сторожу въ два года по портищу сукна Анбурскаго, по 2 рубли портище. Тогожъ числа по указу великихъ государей дьячкамъ Ѳедотку, Ѳедькѣ, пономарю Ивашкѣ, сторожу Сенькѣ по 5 ар. сукна Анбурскаго.

Государева жалованья тремъ попомъ, дьякону, дьячку по 2 рубли, сукно человѣку, пономарю годовое сукно въ рубль, всего на 11 рублей. Тогожь числа попомъ Василью, Даниле, Іосифу, дьякону Іоанну, дьячку Ивашкѣ по 5 арш. сукна Анбурскаго, и того 25 аршинъ [13].

Изъ столбца Оружейной Палаты 7189 (1681) года за №878 видимъ, что Ивановскому дѣвичу монастырю, что на Кулишкахъ, дано изъ Казеннаго приказу годовыхъ суконъ на восемь рублей.

Марта 24 дня 1699 года для праздества Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и для поминовенія царицы Маріи Ильинишны куплено на новомъ Гостинѣ дворѣ полковника и головы Московскихъ стрѣльцовъ Яковлева приказу Соловцова у стрѣльца у Ивашки Сам-

---

[12] Арх. Ор. столб. № 240, годъ 175.

[13] Книга расходная Казеннаго приказу 1682—1683 годовъ.

сонова съ товарищи 300 осетровъ мѣрою по два и безъ чети и по полтора аршина осетръ, по 100 рублевъ за сто, да у Кадашевца у Филимонки Митрофанова, да у Кондрашки Алексѣева съ товарищи въ Гостинѣ же дворѣ 62 осетра свѣжихъ по рублю по 10 денегъ и изъ нихъ марта 24 послано по указу великаго государя въ Ивановской монастырь 16 осетровъ и 2 ѣствы.

Апрѣля 2 числа въ церковь Іоанна Предтечи, что въ Ивановскомъ дѣвичѣ монастырѣ дана Тріодь Цвѣтная въ вишневомъ сафьянѣ, а старая взята.

Апрѣля въ 21 день тогожъ года на сорокоусты по благовѣрной государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Маріи Ильинишнѣ церкви Іоанна Предтечи, что въ дѣвичѣ монастырѣ двумъ священникомъ, дьякону, двумъ дьячкамъ, пономарю, тремъ сторожамъ три рубли [14]; раздавалъ стольникъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ.

Какъ почти во всѣхъ женскихъ обителяхъ, въ часы, свободные отъ богослуженія, занимаются преимущественно какимъ-либо ремесломъ: пряжею нитокъ, плетеніемъ кружевъ, вышиваніемъ образовъ шелками и золотомъ и т. п.; то монахини и бѣлицы Ивановскаго монастыря особенно упражнялись въ пряденіи и мотаніи шерсти, вязаніи шерстяныхъ чулокъ. Въ монастырскій праздникъ Усѣкновенія главы Св. Іоанна Предтечи, или какъ называетъ простонародіе, Ивана Постнаго, августа 29, тамъ изстари бывала бабья шерстяная и нитяная ярмарка, на которую стекались изъ окрестностей Москвы крестьянки. Она подробно описана въ №№ 8, 9 и 10 *Московскихъ Вѣдомостей* 1850 г.

---

[14] Расходная книга приказа Тайныхъ дѣлъ 7177 года.

Въ 1710 году здѣсь находилось жалованныхъ 100, нежалованныхъ 17, бѣлицъ 73 [15].

Старая опись библіотеки Ивановскаго монастыря показываетъ, что черницы его любили чтеніе душеполезныхъ книгъ.

Вставленные въ стѣнѣ церкви надгробные камни указываютъ здѣсь мѣсто погребенія князей Засѣкиныхъ, Волхонскихъ и Шаховскихъ, бояръ Глѣбовыхъ, Волынскихъ, Ознобишиныхъ, Хомутовыхъ, Ордыно-Нащокиныхъ, Резановыхъ, Свіязевыхъ, Елизаровыхъ, Окуньковыхъ, Оболенскихъ и Лихаревыхъ.

Представляемъ нѣкоторыя изъ надписей, бывшія въ стѣнахъ церкви:

Лѣта 7146 (1638) марта въ 1 день на память святыя преподобныя мученицы Евдокіи, преставися раба Божія дѣвица во инокиняхъ схимница Маѳа юродивая.

Лѣта 7166 (1658) году сентября въ 29 день на память преподобнаго отца нашего Киріака отшельника преставися раба Божія Александра, а во иноцехъ схимница Каптелина Ивановская жена Захарьевича Свіязева.

Лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1702 іюля во 2 день преставися раба божія княгиня Параскева Борисовна Ордына-Нащокина, а житія ея было 60 лѣтъ.

1713 году марта въ 24 день преставися рабъ Божій подполковникъ Симеонъ Васильевичъ Резановъ въ градѣ Витепску, а погребенъ при семъ мѣстѣ во обители Іоанна Предтечи, того году маія во 2 день, житія его было 37 лѣтъ.

1723 года апрѣля въ 9 день преставися раба Божія стольника князь Ѳедора княжъ Михайловича Волкон-

---

[15] Дѣла Монастыр: приказа, вязка 250, дѣло 40.

скаго жена его княгиня Екатерина Матвѣевна дочь, отъ рожденія житія ея было.... лѣтъ, а погребена противъ сей подписи, отступя на семь аршинъ.

Лѣта 1723 мая 18 на память св. мученика Петра преставися раба Божія Афонасьева жена Михайловича Елизарова Аграфена Володимировна, и погребено тѣло ея противъ сей надписи.

1723 года ноября въ 27 день на память святаго великомученика Іакова Персянина преставися раба Божія Агрипина Канцеляріи Правительственнаго сената секретаря Гаврилова жена Окунькова и погребена при сей стѣнѣ и лѣтописи тогожъ ноября 29 числа.

1724 года генваря въ 30 день преставися рабъ Божій лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку Гренадерской роты унтеръ-лейтенантъ князь Петръ Владиміровичъ Волконскій и погребенъ близь алтаря отступя 8 аршинъ; поживе 27 лѣтъ.

1726 году февраля въ 15 день преставися раба Божія поручика князь Алексѣя Ивановича Шаховскаго, жена его княгиня Ирина Семеновна; житія ея было 29 лѣтъ и 4 мѣсяца, и погребено тѣло ея отступя 9 аршинъ.

1727 году генваря въ 30 день въ память священномученика Ипполита и папы Римскаго преставися раба Божія Александровой слободы монахиня Досиѳея Михайловна дочь Бронницкая, а житія ея было 70 лѣтъ, а погребено тѣло ея противъ сей подписи.

1727 года іюля въ 26 день преставися раба Божія Окольничаго Петра Васильевича Бутурлина, жена его вдова Ксенія Михайловна, житія ея было семьдесятъ одинъ годъ и 7 мѣсяцевъ, и погребено тѣло ея противъ сей подписи.

Виждь смертный человѣче, здѣ мимоходящій,
Виждь прахъ моего тѣла, прахъ костей лежащій,
Аще похощешь имя и родъ мой познати,
Изволь сію слезную надпись прочитати:
Есмь Гавріилъ Іосифовъ именемъ названный,
Родомъ звахся Окуньковъ сынъ именованный,
Рангъ имѣлъ секретарскій, заслужилъ въ Сенатѣ;
Но нынѣ водворихся въ сей темной палатѣ;
Поживъ семьдесятъ осмь лѣтъ три мѣсяца въ свѣтѣ,
Скончался 30-го мая 1735-мъ лѣтѣ.
Но молю всѣхъ васъ грѣшный мене поминати,
Въ памяти незабвенной всегда содержати.

1764 апрѣля 3 дня преставися рабъ Божій князь Іоаннъ Николаевичь Волконскій, родился 1732 году ноября 7 дня, а тѣло его погребено противъ сей таблицы, а житія его было 32 года. На камняхъ:

1738 году октября 13 дня съ пятницы на субботу послѣ обѣдни въ 10 часу на память св. мученикъ Карпа и Папилы преставися раба Божія стольника Ѳедора Михайловича Глѣбова жена его вдова Анна Михайловна, рожденіе ея 1691 года.

1744 года октября 26 дня на память святыхъ безсребренникъ Козмы и Деміана преставися рабъ Божій гвардіи Измайловскаго полку капралъ Іоанъ Алексѣевичь Есиповъ.... а тезоименитство его февраля 24 дня.

1747 году сентября въ 23 день на память Зачатія Честнаго и Славнаго Пророка Предтеча Крестителя Господня Іоанна въ 8 часу послѣ половины ночи преставися рабъ Божій Петръ Леонтьевичь Глѣбовъ, а отъ рожденія своего поживе 53 года, а тезоименитство его іюня 12 числа, и погребенъ на семъ мѣстѣ того жъ

сентября 25 дня близь гробовъ родителей своихъ, и сотвори ему вѣчную память.

1750 года ноября 15 числа на память святыхъ мученикоъ и исповѣдниковъ Гурія, Самона и Авива, то есть въ четвертокъ въ 5 часу по полудни преставися раба Божія капитана Петра Леонтьевича Глѣбова жена его Евдокія Алексѣевна, а отъ рожденія своего поживе 58 лѣтъ, а тезоименитство ея августа 4 числа и погребена на семъ мѣстѣ того жъ ноября 2 числа близъ гробовъ родителей своихъ, и сотвори ей вѣчную память.

1751 года апрѣля 13 дня по полудни въ 5 часу преставися рабъ Божій князь Николай Алексѣевичь Засѣкинъ, рожденіе его въ 711 году апрѣля 23 дня, а житія его было отъ роду 40 лѣтъ, тезоименитство его мая 9 дня, погребено тѣло его подъ симъ камнемъ.

Полковника Ѳедорова дочь Борисовича Волкова князь Семенова жена Ивановича Щербатова пожите въ супружествѣ 1 годъ 3 мѣсяца, а отъ рожденія поживе 21 годъ 7 мѣсяцевъ и 22 дня тезоименитство ея октября 20 дня (полагать должно около 1752 года).

1759 іюня 24 дня по полунощи 12 часу преставися рабъ Божій надворный совѣтникъ Иванъ.... евичь Глѣбовъ.

1761 году октября 4 дня преставися раба Божія подполковница Пелагея Михайловна Хомутова, тезоименитство ея октября 8 дня, всѣхъ лѣтъ житія ея было 47 лѣтъ и погребена подъ симъ камнемъ.

Сей камень на гробѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдата Александра Петрова сына Ознобишина, который преставися 1763 года февраля 16 дня пополунощи въ 3 часу, а житія его было....

1763 года іюля 4 дня по полудни въ 7 часу въ 2

четверти 25 минутъ преставися раба Божія генералъ-маіора Ивана Михайловича Волынскаго жена его Анна Семеновна дочь Волынская, житія ея было 69 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ, 24 дня и погребена подъ симъ камнемъ.

Подъ сею надписью погребено тѣло благородной дѣвицы Маріи Михайловны Кропотовой, житія ея 13 лѣтъ 3 мѣсяца 18 дней, успе о Господе 1767 октября 4.

1769 генваря 8 дня пополудни въ 3 часу на память преподобнаго Григорія Хозевита и Григорія чудотворца преставися раба Божія лейбъ-гвардіи подпоручика Петра Михайловича сына Ознобишина жена его Евдокія Михайловна дочь.... житія ея было 41 годъ, 10 мѣсяцовъ и 25 дней, рожденіе ея было февраля 14 дня 1727 года, а тезоименитство ея было марта 1 числа, въ супружествѣ она жила 24 года и 5 мѣсяцевъ, и погребена подъ симъ камнемъ.

О прежнемъ бытѣ напоминаютъ намъ не однѣ только оставшіяся св. иконы, утвари и надгробные камни, но и живущія въ преданіяхъ устныхъ и сохранившіяся въ хартіяхъ достопамятныя событія и исключительныя личности, съ которыми связана лѣтопись этой обители благочестія, имѣвшая нѣкогда административное назначеніе въ жизни Москвы. Въ ея стѣнахъ заключалось немало таинственнаго, что нашъ вѣкъ приводитъ въ явленіе.

Въ этомъ монастырѣ хоронились не одни усопшіе, уединялись не одни умершіе міру; но въ безмолвныхъ его стѣнахъ заключаемы были и опальные, жившіе подъ строгимъ надзоромъ, таилось и гнѣздо еретиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Божіихъ людей. Объ нихъ скажемъ впослѣдствіи. Здѣсь неволею была пострижена и

заключена подъ началъ, разлученная съ супругомъ своимъ въ 1610 году царица Марія Петровна Шуйская. [16] Сюда прислана была изъ Владиміра, постриженная также насильно на Бѣлѣ-озерѣ, вторая супруга несчастнаго царевича Іоанна Іоанновича царевна Прасковья Михайловна изъ роду Соловыхъ. Когда она скончалась въ этой обители 1620 года, тѣло ея перенесено въ Вознесенскій монастырь и тамъ погребено въ усыпальницѣ Русскихъ великихъ княгинь и царицъ. [17] Вмѣстѣ съ другою супругой царевича, Евдокіею Богдановною Сабуровой, во иночествѣ Александрою, она жила послѣ смерти его 38 лѣтъ, и скончалась въ одинъ съ нею годъ. Здѣсь была пострижена въ февралѣ 1736 года, по своему прошенію, бывшая постельница, царевны Наталіи Алексіевны Парасковія Никифорова [18].

Сюда, подобно какъ и въ другіе монастыри, присылались подъ видомъ сумасшедшихъ и секретныхъ, женщины изъ Сыскнаго приказа, изъ Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, раскольницы изъ Раскольничьей конторы и замѣшанныя въ политическихъ и уголовныхъ дѣлахъ, въ числѣ ихъ бывали вытерпѣвшія жестокія истязанія въ застѣнкахъ и, какъ говорилось, «очистившіеся кровію.» Ихъ содержали настоятельницы подъ строгимъ надзоромъ, въ особенныхъ кельяхъ, подвалахъ и застѣнкахъ, что давало этой обители благочестія видъ таинственный и мрачный. Здѣсь нашли себѣ могилы два лжеучителя такъ называвшихся людей Божіихъ, лжехристы Иванъ Тимоѳеевъ Сусловъ и Прокопій Лупкинъ, которые многихъ увлекли своимъ лжеученіемъ о таин-

---

[16] *Карамз.* И. Г. Р. XII, 68, и пр. 571, 624.
[17] Лѣтопись о многихъ мятежахъ. Спб. 1771, стр. 349.
[18] Арх. Моск. Дв. Конт., связка 7, дѣло 136.

ственномъ воскресеніи и о таинственной смерти; родныхъ своихъ они жаловали, кого въ образъ Николая чудотворца, кого въ образъ Иліи-пророка и т. д.; но по Сенатскому указу 1739 года, трупы ихъ, выкопанные изъ земли палачами, вывезены въ поле, вѣроятно, потому, что на ихъ могилы сбирались ихъ послѣдователи для чествованія ихъ памяти. Черезъ два года по вступленіи на престолъ императрицы Анны Ивановны, именно въ 1733 году, открытъ разбойникомъ Семеномъ Карауловымъ въ Ивановскомъ монастырѣ притонъ людей Божіихъ у старицы Анастасіи; о томъ донесено имъ въ страшную тогда канцелярію Розыскныхъ тайныхъ дѣлъ. У Настасьи по праздникамъ сбирались въ келіи послѣдователи Суслова, мущины и женщины; тамъ они, по благословенію и подъ предводительствомъ своего начальника, кружились по кельи, подпрыгивая, сколь можно выше, съ увѣренностью, будто Духъ Святый ихъ поднимаетъ, нѣкоторые изъ нихъ били себя палками и цѣпями, другіе, будто движимые Св. Духомъ, нѣчто прорицали, потомъ изъ рукъ предводителя, вмѣсто Св. Причастія, принимали куски хлѣба и пили изъ стакана квасъ, или воду. Такое богомерзкое дѣйствіе у нихъ вмѣнялось въ таинственное крещеніе Духомъ Святымъ. Оно оканчивалось пиршествомъ, или, такъ называемымъ, утѣшеніемъ. По приговору канцеляріи Розыскныхъ дѣлъ, Настасья и съ нею разстрига Агаѳья Карпова, также Высокопетровскаго монастыря іеромонахъ Филаретъ и три разстриги казнены смертію, какъ еретики и богохульники, а прочіе, по наказаніи ихъ кнутомъ, сосланы въ дальніе монастыри въ тяжкую работу вѣчно.[19] Скопище это

[19] См. Указъ 1739 г. іюня 17.

МОНАХИНЯ ДОСИФЕЯ.

не могло быть безъ тайнаго соучастія и сочувствія нѣкоторыхъ другихъ въ монастырѣ.

Сюда прислана была въ 1785 году, по секретному повелѣнію императрицы Екатерины II, одна женщина не старыхъ лѣтъ, по видимому, знатнаго происхожденія. Неизвѣстно, какое было ея въ свѣтѣ званіе, какое имя и фамилія; но здѣсь, въ монашествѣ, она наречена Досиѳеею. Никто ее не видалъ, кромѣ игумении, духовника, причетника, умершаго въ глубокой старости, да Московскаго купца Филиппа Никифоровича Шепелева, торговавшаго чаемъ и сахаромъ на Варваркѣ, отъ котораго мы, за нѣсколько тому лѣтъ, заимствовали нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой таинственной монахинѣ. По ихъ словамъ, она была уже пожилая, средняго роста, худощава тѣломъ и стройна станомъ; не смотря на свои лѣта и долговременное заключеніе, еще сохраняла въ лицѣ нѣкоторыя черты прежней красоты, ея пріемы и обращеніе обнаруживали благородство ея происхожденія и образованность. Старый причетникъ видѣлъ какихъ-то, по его замѣчанію, знатныхъ особъ, допущенныхъ игуменьею на короткое время къ затворницѣ, которая говорила съ ними на иностранномъ языкѣ. Досиѳея жила въ одноэтажныхъ каменныхъ кельяхъ, примыкавшихъ къ восточной части ограды монастыря, близь покоевъ игуменьи. Все ея помѣщеніе составляли двѣ уютныя низменныя комнатки подъ сводами и прихожая для келейницы; ихъ нагрѣвала изращатая печь съ лежанкою. Окна обращены были на монастырь.[20] На содержа-

[20] Мнѣ ихъ показывалъ старый причетникъ, служившій въ монастырѣ полвѣка. Во время пребыванія Досиѳеи въ монастырѣ, я бывалъ тамъ съ отцемъ моимъ и матерью, и видѣлъ ея погребеніе И. С.

ніе ея отпускалась особенная сумма изъ Казначейства; столъ она имѣла хорошій. Иногда на имя ея присылались къ игуменьи отъ неизвѣстныхъ лицъ значительныя суммы денегъ, которыя она употребляла болѣе на украшеніе церкви, на пособіе бѣднымъ и на подаяніе нищимъ. Къ окошкамъ ея, задернутымъ занавѣсками, иногда любопытство и молва, привлекали народъ; но штатный служитель, заступавшій мѣсто караульнаго, отгонялъ любопытныхъ. Въ церковь Досиѳея выходила весьма рѣдко и то въ сопровожденіи приставленной къ ней старицы. Корридоръ и крытая деревянная лѣстница отъ ея келій вели прямо въ надворотную церковь, гдѣ духовникъ ея съ причетникомъ совершалъ богослуженіе для нея одной. Тогда церковныя двери запирались изнутри, чтобы никто не могъ войти. Все время своей затворнической жизни она посвящала молитвѣ, чтенію духовныхъ книгъ и рукодѣлію; вырученныя ею за труды деньги раздавала черезъ свою келейницу нищей братіи. Послѣдніе годы Досиѳея провела въ безмолвіи и въ подвигахъ благочестія. Послѣ 25-лѣтняго пребыванія въ Ивановскомъ монастырѣ, она скончалась 4-го февраля 1810 года, 64 лѣтъ. Какъ она прислана была въ этотъ монастырь по секретному указу 1785 года, то имени ея мы не нашли въ клировыхъ вѣдомостяхъ. Хотя въ продолженіе десяти лѣтъ царствованія Александра I-го и содержали ее нѣсколько свободнѣе, но все еще держались прежняго указа и она оставалась въ забвеніи.

Не смотря на то, что жизнь Досиѳеи въ монастырѣ была сокровенною для свѣта; но ея погребеніе было торжественное и великолѣпное. Отпѣвалъ ее, за болѣзнію митрополита Платона, Викарій его, преосвященный Августинъ съ почетнымъ духовенствомъ. На отпѣваніе съѣхались Глав-

вокомандующій столицы графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, женатый на графинѣ Прасковьѣ Кирилловнѣ Разумовской, и другіе вельможи Екатерининскаго времени. Стеченіе народа въ монастырѣ, было необыкновенное. Тѣло Досиѳеи погребено не въ томъ монастырѣ, гдѣ обыкновенно хоронили инокинь Ивановской обители, но въ Новоспасскомъ монастырѣ, усыпальницѣ Романовыхъ, у восточной ограды, на лѣвой сторонѣ отъ колокольни. Надъ ея могилою, на дикомъ камнѣ надгробія, подъ № 122, читаемъ слѣдующую надпись: «подъ «симъ камнемъ положено тѣло усопшія о Господѣ мо«нахини Досиѳеи, обители Ивановскаго монастыря, под«визавшейся о Христѣ Іисусѣ въ монашествѣ 25 лѣтъ «и скончавшейся февраля 4-го 1810 года. Всего ея жи«тія было 64 года. Боже всели ея въ вѣчныхъ Твоихъ «обителяхъ.»

Въ настоятельскихъ келіяхъ Новоспасскаго монастыря, по сказанію г. Мельникова, хранится портретъ Таракановой, который почитали за изображеніе погребенной тамъ монахини Досиѳеи, въ мірѣ принцессы Доротеи, какъ значилось въ надписи. Это списокъ едѣланный архимандритомъ Аполлосомъ съ подлинника, хранившагося въ селѣ Новоспасскомъ, Деденевѣ тожъ г. Головина. Въ 12 книгѣ Душеполезнаго Чтенія 1876 г. говорится, что таинственная эта затворница была дочь императрицы Елизаветы Петровны отъ тайнаго, но законнаго брака ея съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ; въ іюлѣ мѣсяцѣ 1744 года Елизавета Петровна обвѣнчалась съ своимъ фаворитомъ въ Москвѣ, въ церкви Воскресенія, въ Барашахъ, что на Покровкѣ. Вѣнчаніе императрицы совершено было тайно, но при свидѣтеляхъ и графу Разумовскому вруче-

ны были документы, свидѣтельствовавшіе о бракѣ его; документы эти онъ хранилъ какъ святыню и только преклонныхъ лѣтъ при Екатеринѣ II сжегъ, вѣроятно, изъ благоговѣнія къ имени своей царственной супруги.

Тамъ въ одно время съ Досиѳеею, нѣсколько лѣтъ содержалась подъ крѣпкимъ карауломъ Дарья Николаевна Салтыкова, урожденная Иванова, извѣстная въ народѣ подъ именемъ *Салтычихи* и *людоѣдки;* поэтому только нѣкоторые ошибочно смѣшивали ее съ Досиѳеею [21]. Этотъ извергъ женскаго пола и человѣчества, переименованный въ указѣ императрицы Екатерины II, 1768 г. іюня 12, мущиною, заключенъ былъ тридцать три года, сперва въ склепѣ подъ соборною церковью, потомъ въ застѣнкѣ, при ней бывшемъ. Насущную скудную пищу подавалъ ей солдатъ сперва въ окно, потомъ въ дверь. Конечно, ужасно было ея наказаніе; но ужаснѣе злодѣйство, неслыханное на Руси. Дѣло производилось объ ней въ Сыскномъ приказѣ, гдѣ ее допрашивали и, для склоненія къ сознанію, при ней пытали другихъ преступниковъ, какъ говорилось тогда «на заказъ;» оно уличаетъ Салтыкову въ умерщвленіи разными муками 139 человѣкъ ея крестьянъ и дворовыхъ [22]. Молва народная даже обвиняла ее въ людоѣдствѣ, но въ

---

21 Дарья Николаевна родилась въ мартѣ 1730 года; вышла за мужъ за ротмистра лейбъ-гвардіи коннаго полка Глѣба Алексѣевича Салтыкова и имѣла двухъ сыновей Ѳедора и Николая, Оставшись молодою вдовою, около 1756 года, она жила съ дѣтьми въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Кузнецкой улицѣ, въ приходѣ Введенія Пресвятой Богородицы, а на лѣто уѣзжала чаще въ подмосковное свое село Троицкое.

22 Дѣло о Салтыковой въ экстрактѣ изъ протоколовъ Сыскнаго приказа сообщено намъ г. Горюшкинымъ, бывшимъ въ томъ приказѣ подъячимъ, и потомъ профессоромъ законовѣдѣнія въ Московскомъ Университетѣ.

указѣ 1768 года, декабря 10, не упомянуто о *людоѣдствѣ* Салтыковой, какъ пишетъ г. Мельниковъ, только названа она *мучительницей* и *душегубицей*. Салтыкова умерла въ монастырскомъ заклепѣ за 10 лѣтъ до кончины Досиѳеи и положена въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ погребались ея родственники. Монахиней она никогда не бывала. Съ нею Досиѳея представляетъ совершенную противуположность даже въ образѣ жизни. Послѣдняя никогда не показывалась у своихъ, всегда завѣшенныхъ, оконъ, а первая, когда сберутся любопытные у окошечка за желѣзною рѣшеткою ея застѣнка, ругалась, плевала и совала палкою сквозь открытое въ лѣтнюю пору окошечко, обнаруживая тѣмъ свое закоренѣлое звѣрство, которое не погасило въ ней ни раскаяніе въ злодѣйствахъ, ни истома долговременнаго заключенія въ мрачномъ заклепѣ. Застѣнокъ этотъ вмѣстѣ съ церковію разобранъ; точное изображеніе его осталось въ приложенномъ здѣсь рисункѣ.

Не распространяясь болѣе въ воспоминаніяхъ о прежнемъ бытѣ Ивановскаго монастыря, скажемъ нѣсколько словъ о его возстановленіи, которымъ онъ обязанъ предсмертному желанію Г-жи Макаровой - Зубачевой, завѣщавшей на этотъ предметъ значительную сумму денегъ.

По ходатайству Московскаго митрополита Филарета въ 1859 году, государь императоръ соизволилъ высочайше утвердить возстановленіе этой иноческой обители въ Москвѣ. Въ началѣ 1860 г. началась ломка древнихъ зданій Ивановскаго монастыря, а 3 сентября закладка освящена митрополитомъ, при многочисленномъ стеченіи Московскихъ жителей, которое обнаружило ихъ участіе и радость о возобновленіи древняго дома Іоанна

Крестителя. Приступлено къ очищенію мѣстъ отъ прежнихъ зданій и къ сооруженію новыхъ обширнѣйшихъ, и цѣлесоотвѣтственныхъ по плану Академика М. Д. Быковскаго, украсившаго древнюю столицу уже нѣсколькими произведеніями храмоваго зодчества.

Чрезъ 20 лѣтъ постройка монастыря была совершенно окончена; 4 октября 1879 г. архимандритъ Николо-Угрѣшскаго монастыря Пименъ освятилъ малую больничную церковь во имя преподобныя Елизаветы; 19 октября митрополитъ Макарій освятилъ главный престолъ во имя Усѣкновенія честныя главы Св. пророка и Крестителя Господня Іоанна, а 21 октября освящены были придѣлы: въ честь Казанскія Божія Матери Амвросіемъ епископомъ Дмитровскимъ и святителя Николая епископомъ Можайскимъ.

На страницѣ 12 слѣдуетъ читать вмѣсто Анна Годукова — Анна Годунова.

VI.

ЦАРИЦА

ЕВДОКІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Статья Г. В. Есипова.

Лит. К. Эрнста

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ ѲЕОДОРОВНА.

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Царица Евдокія Ѳеодоровна, первая супруга Петра Великаго и послѣдняя царица изъ Русскихъ боярышенъ, была изъ рода Лопухиныхъ.

Лопухины не считались знатными, но пользовались особеннымъ расположеніемъ царицы Натальи Кирилловны, которая и женила Петра на молодой, прекрасной Авдотьѣ. Отецъ ея Илларіонъ Абрамовичъ Лопухинъ послѣ бракосочетанія царя былъ переименованъ въ Ѳеодора, точно такъ, какъ въ 1684 году отецъ супруги царя Ивана Алексѣевича Александръ Салтыковъ былъ также названъ, Ѳеодоромъ.

28 января 1689 года совершился бракъ скромно, тихо, безъ всякаго особеннаго торжества, даже не въ Благовѣщенскомъ соборѣ, гдѣ обыкновенно вѣнчались цари Русскіе, а въ небольшой придворной церкви Св. Апостолъ Петра и Павла. Священнодѣйствовалъ духовникъ Петра протопопъ Меркурій [1].

Едва миновалъ медовой мѣсяцъ, Петръ оставилъ молодую жену и поскакалъ въ Переславль строить суда съ нѣмецкими корабельными мастерами [2].

---

[1] Древн. Рос. Вавліоѳ. II. 194.

[2] Устр. Ист. Петр. Вил. т. II, стр. 29.

Евдокія любила Петра — ей было грустно оставаться одной, и вотъ письмо ея летитъ къ молодому супругу: «Государю моему радости царю Петру Алексѣевичу. Здравствуй свѣтъ мой, на множество лѣтъ. Просимъ милости, пожалуй государь, буди къ намъ замѣшкавъ. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челомъ бьетъ [3].»

Звала Петра и царица Наталья Кирилловна возвратиться на 27 апрѣля, день, въ который царское семейство по обыкновенію совершало панихиду по царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ Архангельскомъ соборѣ. Петру кораблестроеніе было важнѣе панихиды — ему не хотѣлось возвращаться. «Дрожайшая матушка, писалъ онъ къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, недостойный сынишка твой Петрушка челомъ бьетъ. Къ Москвѣ я быть готовъ, только ей, ей, дѣло есть. Наипокорственнѣ предаюсь въ волю вашу.» Нехотя Петръ возвратился къ панихидѣ, но черезъ мѣсяцъ ускакалъ на озеро Плещеево.

8 іюня 1689 года, опять панихида по царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ—опять вызвали Петра въ Москву. На этотъ разъ онъ не могъ отлучиться изъ Преображенскаго: гроза висѣла надъ царскимъ домомъ.

Властолюбивая царевна Софія Алексѣевна, испуганная развивавшеюся самостоятельностію въ Петрѣ и твердымъ его характеромъ, замыслила быть царицею и возбудила стрѣльцевъ къ возмущенію — жизнь Петра была въ опасности. 7 августа 1689 году, день, назначенный для захвата Петра въ Преображенскомъ, преданные Петру стрѣльцы, узнавъ объ заговорѣ, прискакали въ Преображенское въ полночь, извѣстить его объ опасности. Испуганный Петръ прямо съ постели, босой, въ

[3] Устр. Истор. Петр. Вел. т. II, стр. 402.

одной сорочкѣ, бросился въ конюшню, вскочилъ на коня и скрылся въ ближайшій лѣсъ; сюда принесли ему платье, онъ на скоро одѣлся и, не теряя ни минуты, поскакалъ въ Троицкую лавру. Въ шесть часовъ утра пріѣхалъ онъ въ монастырь: его сняли съ коня, внесли въ хоромы, и положили на постель. Царица Евдокія съ царицею Натальею Кирилловною пріѣхала вслѣдъ за нимъ въ лавру—она уже была беременна [4].

Такимъ грустнымъ событіемъ встрѣтила Евдокія первый годъ своего супружества.

Въ 1690 году, 18 февраля царица разрѣшилась отъ бремени — новорожденный былъ нареченъ именемъ своего знаменитаго дѣда.... Это былъ несчастный царевичъ Алексѣй Петровичъ.

3 октября 1691 года царица подарила Петра еще другимъ сыномъ Александромъ—но онъ жилъ недолго: скончался черезъ семь мѣсяцевъ.

Немногія уцѣлѣвшія письма Евдокіи къ Петру свидѣтельствуютъ, что первые три или четыре года брака прошли въ мирѣ и согласіи [5]. Но Петръ среди заботъ и трудовъ безпрестанно отлучался отъ царицы и замѣтно холодѣлъ къ ней; изъ походовъ онъ не писалъ къ женѣ своей; царица грустила, вызывала его къ себѣ— но онъ уже не думалъ объ ней, а веселился въ Нѣмецкой слободѣ. Скоро онъ пересталъ и любить Евдокію: Анна Монсъ, хорошенькая, своенравная нѣмочка завладѣла сердцемъ царя. Весьма вѣроятно, что царица узнала объ этомъ, начала преслѣдовать Петра ревнивостію— это ему надоѣдало, и послѣ кончины царицы Наталіи Кирилловны, поддерживавшей согласіе между супругами,

---

[4] Устр. Ист. Петр. Вел. т. I, стр. 59.
[5] Устр. Ист. Петр. Вел. т. II, стр. 187.

царь передъ отъѣздомъ за границу съ 1696 году рѣшился разстаться съ Евдокіею и удалить ее въ монастырь. Изъ Лондона онъ писалъ къ боярамъ Льву Кирилловичу Нарышкину и Тихону Никитичу Стрѣшневу, также и духовнику царицы, чтобы они склонили ее добровольно постричься[6].

25 августа 1698 года Петръ возвратился изъ-заграничнаго путешествія; Евдокія ожидала его къ себѣ, но онъ не посѣтилъ ее,—а былъ у Анны Монсъ. Довѣренные отъ Петра продолжали убѣждать идти въ монастырь—она не соглашалась. 31 августа въ домѣ почтмейстера Виніуса Петръ самъ четыре часа бесѣдовалъ съ женою своею на единѣ, уговаривалъ ее постричься—Евдокія упорствовала[7]. Черезъ три недѣли, а именно 23 сентября 1698 года судьба ея была рѣшена. Царевна Наталія Алексѣевна, любимая сестра Петра, взяла сына отъ Евдокіи изъ Кремлевскаго дворца и отвезла въ Преображенское,—а царицу Евдокію, въ самой простой каретѣ, безъ свиты, въ сопровожденіи только карлицы, отвезли въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь.

Но Петру недостаточно было ссылки Евдокіи — онъ рѣшился навсегда покинуть ее.

Въ маѣ 1699 года въ Покровской монастырь пріѣхалъ окольничій Семенъ Языковъ, — жилъ недѣль съ десять въ Подмонастырской слободѣ и ходилъ ежедневно къ царицѣ; пріѣздъ его сопровождался какою-то таинственностію. Слухи прошли въ монастырѣ и въ народѣ, что Языковъ пріѣзжалъ, по приказанію царя, постричь Евдокію.... Эти слухи были справедливы: по требо-

---

6 Устр. Ист. Петр. Вел. т. III, стр. 188 и 189.

7 Тамъ же стр. 189.

ванію Языкова, архимандритъ Спасо-Ефимьева монастыря прислалъ къ нему іеромонаха Иларіона, для тайнаго дѣла. Языковъ привелъ іеромонаха въ келью казначеи Маремьяны, гдѣ жила царица, и объявилъ ему приказаніе царя постричь царицу. Постриженіе произведено за занавѣсомъ такъ тайно, что и казначея не видала ничего.... Царица Евдокія была наречена инокинею Еленою. Православный Русскій народъ никогда не простилъ Петру постриженія царицы безъ церковнаго суда и приговора—и всегда порицалъ за это царя. Это подтверждается, сохранившимися дѣлами Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи...

Въ горѣ и нищетѣ жила царица — инокиня первое время въ монастырѣ Покровскомъ. Петръ забылъ объ ней совершенно, даже не назначилъ ей никакого денежнаго содержанія; родные ея Лопухины помогали ей: кто платьемъ, кто съѣстными припасами. При ссылкѣ не подумали даже о кельи, гдѣ ей жить—она помѣстилась, какъ мы видѣли, у казначеи Маремьяны.

Послѣ отъѣзда Языкова, монастырскія власти отписали въ Москву просьбу о дозволеніи построить для царицы — инокини особыя кельи. Разрѣшили построить на монастырскія деньги. Первоначально соорудили кельи возлѣ теплой церкви и трапезы — потомъ въ 1705 г. выстроили другія при церкви Благовѣщенія, которая надъ святыми воротами. Первыя сгорѣли въ 1710 году.

Тяжелъ переходъ изъ царскихъ чертоговъ въ монастырскую келью, грустно для молодой самолюбивой женщины переодѣться изъ золотыхъ парчей въ черную рясу, и при томъ безъ вины, насильственно... Царица предалась молитвѣ... Но картина прошедшаго величія рисовалась въ ея воображеніи, а несправедливость на-

казанія вызывала надежды не смягчится ли со временемъ царь...

Дошли до царицы слухи, что въ Сновидскомъ монастырѣ игуменъ Досиөей пророчествуетъ... Царица отправилась къ нему...

Игуменъ Сновидскаго монастыря Досифей дѣйствительно пользовался репутаціею богоугоднаго человѣка и предсказателя—говорили въ народѣ, что ему бываютъ видѣнія, гласы отъ образовъ... Въ послѣдствіи времени, когда Досиөей былъ архимандритомъ Спасо-Евөимьева монастыря, самъ Меншиковъ не избѣжалъ всеобщаго заблужденія: когда производилось надъ нимъ слѣдствіе и угрожала потеря благоволенія Петра, онъ писалъ къ Досиөею, просилъ его помолиться за него и спрашивалъ: будетъ ли отъ несчастія и гнѣва царскаго освобожденъ. Досиөей отвѣчалъ ему, что Богъ его освободитъ—и когда оправдалось пророчество и Меншиковъ былъ прощенъ, княгиня Меншикова прислала Досиөею 100 червонцевъ и сто рублей деньгами, чтобъ раздать нищимъ и въ богадельни. По ходатайству княгини Меншиковой, Досиөей былъ возведенъ въ санъ епископа Ростовскаго.

Царица передала игумену Досиөею въ искренней бесѣдѣ о своемъ тяжеломъ горѣ... Игуменъ утѣшалъ ее и въ темныхъ пророческихъ намекахъ показалъ будущее болѣе отраднымъ, предсказывая, что царь возвратитъ ее къ себѣ... Много ли нужно для души вѣрующей? Царица возвратилась въ Покровской монастырь и тотчасъ же сняла монашеское платье... Тайна, съ которою было произведено постриженіе Евдокіи при Языковѣ было извѣстно немногимъ лицамъ, преданнымъ царицѣ... Надѣвая свѣтское платье, царица-инокиня была

увѣрена, что никто не знаетъ о ея постриженіи въ монастырѣ, кромѣ близкихъ ей лицъ...

Преобразившись въ свѣтское лицо, Евдокія создала себѣ образъ жизни далеко не такой, на который вѣроятно обрекалъ ее Петръ.

Новопостроенныя въ 1705 г. кельи были обширны. Царица помѣстила въ нихъ своихъ приближенныхъ монахинь: Каптелину, Мареу, Досиѳею. Изъ Москвы къ ней явился прежній ея карло Иванъ Терентьевъ... Кельи примыкали къ Благовѣщенской церкви надъ св. вратами — изъ сѣней царицыныхъ келій прямо можно было пройти въ церковь, въ которой устроено было для царицы особое закрытое мѣсто съ слюдяными окошками. При кельяхъ царицы ежедневно наряжалось отъ монастыря шесть человѣкъ дневальныхъ, для посылокъ и различныхъ домашнихъ порученій. На поварнѣ было два повара. Кушанье готовилось: въ постные дни рыбное, въ скоромное мясное. Царица рѣдко кушала мясное, потому, что бывала отъ него больна. Провизія покупалась на монастырскія деньги, но въ монастырскихъ расходныхъ книгахъ мясную провизію записывали *рыбою* [8]. Изъ поварни кушанье носили до сѣней кельи дневальные — въ сѣняхъ принимали у нихъ монахини и дѣвицы.

Въ храмовой монастырской праздникъ Покрова Богородицы и въ дни тезоименитства Петра и царевича Алексѣя Петровича въ Покровской монастырь обыкновенно пріѣзжали изъ Суздаля архіерей и свѣтскія власти: воеводы и ландраты. Послѣ обѣдни они являлись къ

[8] Всѣ эти свѣдѣнія и послѣдующій разсказъ извлеченъ изъ слѣдственнаго дѣла 1720 г. о поѣздкахъ царицы по монастырямъ, а также изъ другихъ архивныхъ документовъ и изъ Истор. Петра Великаго г. Устрялова.

царицѣ на поклонъ. Приходили и Суздальскіе земскіе и таможенные бурмистры съ подносомъ рыбы, калачей, меда, яблоковъ.... Архіерея и воеводъ царица принимала къ себѣ въ келію, жаловала изъ собственныхъ рукъ чаркою водки и краснымъ питіемъ. Бурмистровъ къ себѣ не допускала — ихъ угощали виномъ на монастырскомъ погребу и, послѣ угощенія, они приходили предъ крыльцо царицыныхъ келій и кланялись трижды въ землю.

Въ эти праздничные дни царица жаловала архіерея и воеводъ, игуменью и духовника своего Ѳедора Пустыннаго *подачами* съ своего стола. Это были: круглые пироги, на блюдахъ вареная и жареная рыба, тельное; игуменьѣ посылались особенно левашники. Царица носила всегда мірское платье изъ синихъ зеленыхъ и изъ другихъ дикихъ смирныхъ цвѣтовъ кунтуши, шубы Русскія, тѣлогрѣи и душегрѣйки короткія; на головѣ повойники, связки бѣлыя, шапки польскія. Она интересовалась, что дѣлалось въ царскомъ кругу и особенно о своемъ *ненаглядномъ Алешѣ*, о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ; вѣсти объ немъ она получала въ письмахъ брата своего Авраама Лопухина и отъ другихъ, какъ напр. отъ князя Семена Щербатова, отъ княгини Настасьи Троекуровой — переписка производилась черезъ духовника ея Ѳедора Пустыннаго, ключаря Суздальской соборной церкви.

Такъ жила царица въ Покровскомъ монастырѣ, забывала свое горе, поддерживаемая въ надеждахъ возвратиться къ царю пророчествами Досиѳея.

Въ 1710 году духовникъ Ѳедоръ Пустынный предложилъ ей познакомиться съ пріѣхавшимъ въ Суздаль для набора рекрутъ маіоромъ Степаномъ Глѣбовымъ. Какъ бы предчувствуя послѣдствія этого знакомства,

она несколько дней не соглашалась; духовникъ принесъ ей отъ Глѣбова богатые подарки: два мѣха песцовыхъ, пару соболей и сорокъ собольихъ хвостовъ. Глѣбовъ былъ богатъ, молодъ, а духовникъ царицы и ближняя ея монахиня Каптелина корыстолюбивы, онъ подкупилъ ихъ и они уговорили царицу принять его.— Евдокія согласилась и при помощи Каптелины, не устояла противъ обольщеній Глѣбова.... Письма царицы къ Глѣбову, сохранившіяся въ архивныхъ дѣлахъ, свидѣтельствуютъ какъ горячо она его любила, а онъ напротивъ скоро началъ отставать отъ нея. (Письма ея напечатаны въ 6-мъ томѣ Исторіи Петра Великаго, Устрялова). Вотъ нѣсколько выписокъ изъ ея писемъ къ Глѣбову: «Забылъ скоро меня. Не умилостивили тебя здѣсь мы ни чемъ. Мало знать лице твое и руки твои и всѣ члены твои и составы рукъ и ногъ твоихъ мало слезами моими не умѣли угодное сотворить.... свѣтъ мой, батюшка мой, душа моя, радость моя, знать уже злопроклятый часъ приходитъ, что мнѣ съ тобою разставаться. Лучше бы мнѣ душа моя съ тѣломъ разсталась. Охъ свѣтъ мой.... Какъ мнѣ на свѣтѣ быть безъ тебя. Какъ живой быть. И такъ Богъ вѣстъ каково ты мнѣ милъ. Уже мнѣ нѣтъ тебя милѣе, ей Богу, охъ любезный другъ мой. За что ты мнѣ таково милъ. Носи, сердце мое, мой перстень, меня люби, а я такой же себѣ сдѣлала.... я тебя до смерти не покину; никогда ты изъ разума не выдешь. Ты мой другъ меня не забудешь ли, а тебя ни на часъ не забуду.... Послала я къ тебѣ галстухъ, носи душа моя. Ничего ты моего не носишь, что тебѣ не дамъ я. Знать я тебѣ не мила, то-то ты моего и неносишь. То ли твоя любовь ко мнѣ.... Какъ мнѣ будетъ твою любовь забыть, какъ жить мнѣ безъ тебя душа моя.... Что ты

меня покидаешь, кому меня вручаешь, охъ другъ мой, охъ свѣтъ мой»....

Въ первое время страстной любви своей къ Глѣбову, царица не скрывала передъ приближенными своей связи съ нимъ; онъ съ своей стороны также не скромничалъ и не берегъ репутаціи царицы. Одинъ разъ онъ явился на паперть Благовѣщенской церкви во время заутрени, когда никого изъ постороннихъ не пускали, казначея Маремьяна велѣла вывести его за монастырь. Царица разсердилась на Маремьяну: «чортъ тебя спрашиваетъ», говорила царица, «ужъ ты и за мною примѣчать стала. Я знаю Степана: человѣкъ честный и богатый будетъ ли тебя съ его безчестья». По ночамъ Глѣбовъ прихаживалъ къ царицѣ и безъ всякой предосторожности проходилъ мимо спящихъ прислужницъ. Многіе въ монастырѣ знали о связи Евдокіи съ Глѣбовымъ, но боялись болтать. Управитель монастыря Аѳанасій Сурминъ услышалъ отъ протопопа Симеона, что Глѣбовъ ходитъ къ царицѣ по ночамъ, пересказалъ объ этомъ епископу Досиѳею,— Досиѳей, разумѣется, сообщилъ царицѣ. Она призвала Сурмина къ себѣ: «для чего ты воръ такія слова говоришь? знаешь ты, что у меня сынъ живъ, и тебѣ заплатитъ?» По вліянію раздраженной Евдокіи, Сурминъ былъ отставленъ отъ должности, а протопопа Симеона отрѣшили отъ мѣста и еще грозили смертнымъ страхомъ, что заставило его постричься въ монахи. Досиѳей потворствовалъ явно любовной связи царицы съ Глѣбовымъ. Она пріѣзжала къ нему въ Спасо-Евѳиміевскій монастырь вмѣстѣ съ Глѣбовымъ и ужинала у него въ кельѣ. Но счастіе Евдокіи не долго продолжалось: Глѣбовъ черезъ два года покинулъ ее совершенно. Мысли ея опять обратились къ надеждамъ возвратиться

къ Петру на царскій престолъ. Она молилась, но утѣшенія не было. Она приходила въ отчаяніе: «много я молюсь Богу», говорила она Ростовскому епископу Досиѳею, навѣстившему ее, «много я молюсь Богу, а Богъ меня не слушаетъ!» Досиѳей уговаривалъ ее не роптать, не отпадать отъ Бога и чтобъ поддержать въ ней вѣру; каждый годъ утѣшалъ ее пророческими словами: «Будешь царицею!» Годъ проходилъ, царица спрашивала: «что же?» Досиѳей отвѣчалъ: «это за грѣхи отца твоего, который погрязъ въ аду!» Царица посылала къ нему деньги, чтобъ молиться за душу отца. — Къ слѣдующему году Досиѳей сообщилъ ей, что онъ видѣлъ ея отца, уже вышедшаго изъ ада по поясъ. На слѣдующій годъ отецъ Евдокіи, по словамъ Досиѳея, уже выходилъ изъ ада по колѣна.

Царица обратилась къ богомолью по монастырямъ; поѣздки происходили обыкновенно лѣтомъ, сверхъ того, царица часто ѣздила въ Спасо-Евѳиміевскій монастырь, въ Преподобенскій дѣвичій и въ приходскія Суздальскія церкви, преимущественно въ Казанскую и Тихвинскую; въ Суздаль ѣздила всегда ночью въ игуменской каретѣ. О подробностяхъ ея поѣздокъ по монастырямъ сохранившіяся свѣдѣнія относятся къ 1716 и 1717 годамъ.

Въ Боголюбовъ монастырь въ августѣ 1717 года въ каретѣ на двухъ лошадяхъ пріѣхала царица къ самой церкви и прошла въ нее, скрытая подъ балдахиномъ изъ краснаго сукна, который несли надъ нею пріѣхавшія съ нею монахини. Ключи отъ церкви взяты были у пономоря еще до пріѣзда царицы служителями ея. Церковное служеніе совершалъ пріѣхавшій съ царицею попъ и клирошанки, во время службы церковь была заперта. Послѣ вечерни царица вышла изъ церкви

опять подъ красными сукномъ, сѣла въ карету и доѣхала до игуменскихъ келій, гдѣ и ночевала. Всенощную и на другой день литургію совершалъ пріѣхавшій съ нею священникъ, а игуменъ и монахи не смѣли, по отданному приказанію, выходить изъ келій. Послѣ литургіи царица возвратилась опять за красными сукнами въ игуменскія келіи.

Здѣсь явились на крыльцо строитель Покровскаго монастыря (который въ верстѣ отъ Боголюбова) Гедеонъ и игуменъ Боголюбова монастыря Аверкій.

Царица принимала ихъ въ свѣтскомъ платьѣ, въ кунтушѣ и въ польской шапкѣ. Аверкій поднесъ ей хлѣбъ, она приказала отнести его въ трапезу къ братіи, которыхъ въ это время угощали служители царицы рыбою, пивомъ и медомъ; сверхъ того престарѣлый царицынскій слуга раздавалъ монахамъ по гривнѣ каждому. Послѣ трапезы монахи разошлись по келіямъ, а царица уѣхала изъ монастыря. Служители царицы возвратили монахамъ ключи отъ церкви. Игуменъ, съ келейникомъ и шестью монахами, пошелъ осмотрѣть церковь, въ которой такъ таинственно при царицѣ совершено богослуженіе. Они нашли у образа Боголюбской Богородицы привѣшенный мужской крестъ золотой или серебряной залоченый, и еще положены были деньги: два рублевика и четыре полтинника.». Вѣроятно, это было приношеніе царицы.

Въ генварѣ 1718 г. игуменъ отправился съ поклономъ въ Покровскій монастырь и поднесъ царицѣ образъ Богородицы, хлѣбъ и полъ-осмины муки пшеничной; при этомъ онъ просилъ царицу о строеніи ветхой церкви.

— «Слышала я, что та церковь ветха», отвѣчала царица. «Я пришлю каменьщиковъ осмотрѣть, что надо, какихъ припасовъ».

Игуменъ получилъ при этомъ свиданіи отъ царицы два рубля денегъ для раздѣла съ братіею. Каменьщики дѣйствительно приходили въ Боголюбовъ монастырь, осмотрѣли церковь, объявили, что перестройка будетъ стоить 700 р.,—но болѣе не возвращались.

Отправляясь на богомолье въ дер. Кусуново въ церкви Николая чудотворца, поѣздъ царицы всегда объѣзжалъ стороною Владиміръ. У самой дер. Кусуново переправа черезъ р. Клязьму. Здѣсь на перевозѣ являлись обыкновенно Владимірскіе бурмистры и цѣловальники и подносили царицѣ вишни и коврижки; но въ лицо царицу имъ не удавалось видѣть: она всегда оставалась въ каретѣ и была невидима за завѣшанными окнами. Вишни и коврижки принималъ отъ бурмистровъ карло Иванъ Терентьевъ—онъ во время поѣздокъ былъ всегда верхомъ и возлѣ царицыной кареты. Бурмистровъ и цѣловальниковъ отъ имени царицы тутъ же угощали виномъ и пивомъ.

Когда царица отъѣзжала съ перевозу, бурмистры и цѣловальники кланялись позади кареты трижды въ землю.

Въ Кусуновѣ царица останавливалась съ своимъ поѣздомъ на лугу; для нея устроивался особой шатеръ, — прочіе всѣ съ ней пріѣхавшіе помѣщались въ палаткахъ. Служителей было болѣе двадцати человѣкъ, подводъ пятнадцать. Въ деревенской церкви священникъ царицы отправлялъ обыкновенно всенощную и литургію, но церковь на это время запиралась для постороннихъ.

До пріѣзда царицы въ Кусуново всегда пріѣзжали впередъ ея служители, занимали мѣсто на лугу и разбивали шатеръ для царицы и палатки—одну особую для попа, одну для монахинь и нѣсколько палатокъ для

прислуги. Ключи отъ церкви отбирали отъ священника и даже въ колокола звонили служители царицы. Деревенскому священнику, отъ имени царицы, давали когда полтину, когда полуполтину,—а въ церковную кружку рубль. Сверхъ того царица дарила въ церковь разныя вещи: воздухи камчатные, ризы двоеличной камки, оплечья парчевыя, серебряныя.

После обѣдни царица возвращалась въ свой шатеръ, гдѣ собирались ея приближенные: она жаловала ихъ водкою изъ своихъ рукъ, а въ это время попъ Гаврило, пріѣзжавшій всегда съ царицею (онъ былъ сынъ духовника ея Ѳеодора Пустыннаго), заставлялъ деревенскаго попа совсѣмъ церковнымъ его причтомъ класть три земныхъ поклона по направленію къ шатру царицы.

Въ шатрѣ царица обѣдала одна — сзади ея стояла обыкновенно изъ ея приближенныхъ жена подъячаго Жиркина, сестра епископа Ростовскаго Досиѳея; во время стола царица жаловала Жиркину подачками, а мужъ Жиркиной подносилъ царицы бутылку вишневаго морса, а отъ нея получалъ рюмку водки.

Изъ Кусунова царица ѣздила молиться за 20 верстъ къ церкви Николая чудотворца, что на полѣ, на погостѣ. Возвращаясь опять мимо Владиміра одинъ разъ царицѣ захотѣлось квасу; бывшая при ней вдова Лихонина предложила, не угодно ли послать въ городъ къ одной ея знакомой и родственницѣ, къ вдовѣ Мыльниковой. Верховой слуга поскакалъ съ четвертинкою за квасомъ и квасъ очень понравился царицѣ. На слѣдующій годъ, проѣзжая мимо Владиміра, царица велѣла остановиться поѣзду и послала верховаго за вдовою Мыльниковою; она явилась съ малолѣтною своею дочкой и поднесла къ каретѣ царицы пряничную

коврижку; Мыльниковой очень хотѣлось видѣть царицу, но она неудостоилась этой чести: окна кареты были завѣшаны и за окно протянулась къ Мыльниковой ручка царицы, которую она и поцѣловала,—дочери ея выброшена была изъ окна золотая лента и поѣздъ царицы тронулся впередъ...

Въ Өеодоровскомъ монастырѣ царица останавливалась всегда въ келіяхъ, построенныхъ для пріѣзда властей; слушала здѣсь вечерню, утреннюю, литургію и молебенъ св. Өеодору Стратилату. Сюда пріѣзжалъ къ ней на поклонъ архимандритъ Рождественскаго Владимірскаго монастыря Гедеонъ и подносилъ царицѣ на блюдѣ хлѣбъ монастырскій, а на хлѣбѣ «рыбы черная суща два лыка», свѣжіе стерляди и въ кузовкахъ свѣжія вишни, архимандритъ, входя, спрашивалъ царицу о здравіи тѣлесномъ, а она его спрашивала о спасеніи душевномъ; принимая хлѣбъ съ рыбою, царица сама подносила архимандриту ренскаго или церковнаго и жаловала полотенцемъ; онъ кланялся портищемъ камки. При прощаніи царица, принимая благословеніе архимандрита, цѣловала его руку.

Въ Кузминъ монастырь царица пріѣзжала 9 іюля 1717 года; за четверть часа до ея пріѣзда прискакалъ служитель Покровскаго монастыря къ Игумену:

— Ѣдетъ, говорилъ слуга, сюда въ монастырь царица Евдокія Өеодоровна, прикажи, чтобъ монахи оставались въ келіяхъ и на монастырь не выходили и изъ келій въ окна не смотрѣли. Вели отдать имъ ключи отъ церкви. По полудни царица подъѣхала къ соборной церкви въ каретѣ и, пробывши тамъ съ полчаса, прошла *за красными сукнами* въ игуменскія кельи; передъ вечернею слуга царицы Василій Ширинъ пришелъ къ

игумену, который на время прiѣзда царицы перешелъ въ казначейскiя келiи.

— Надобно тебѣ идти къ ней царицѣ на поклонъ съ хлѣбомъ, для того, что и прежнiе игумены къ ней для ее чести хаживали, говорилъ Ширинъ.

Игуменъ призвалъ уставщика, монастырскаго монаха Модеста.

— Что прежнiе игумены, до моей бытности, къ ней бывшей царицѣ на поклонъ съ хлѣбомъ хаживали-ли?

— Прежнiй игуменъ Симеонъ, на поклонъ къ ней съ хлѣбомъ подходилъ — отвѣчалъ уставщикъ.

Игуменъ съ хлѣбомъ и свѣжею рыбою явился на крыльцѣ своей келiи. Царица велѣла допустить къ себѣ—монахини приняли хлѣбъ и рыбу и поднесли рюмку ренскаго. Царица принимала игумена одѣтая въ свѣтскомъ платьѣ: въ зеленомъ кунтушѣ, на головѣ польская шапка.

Всенощную въ церкви служилъ привезенный съ царицею священникъ и крылошанки; никого въ церковь не пускали. На другой день, послѣ обѣдни, служители царицы вызвали монаховъ изъ келiи и угощали ихъ въ трапезѣ отъ имени царицы: круглымъ пирогомъ, рыбою, а потомъ роздали каждому монаху по гривнѣ, игумену пол-полтины.

Изъ трапезной игуменъ съ братiею отправился благодарить царицу; они выстроились противъ оконъ ея келiи и поклонились трижды въ землю. Изъ окна карло царицы, Иванъ Терентьевъ, спросилъ ихъ: довольны ли вы?

— Довольны, отвѣчали монахи и разошлись по келiямъ.

Передъ отъѣздомъ, когда царица сѣла въ карету, окна которой были завѣшаны, служители велѣли игуме-

ну собрать братію и поклониться трижды въ землю передъ каретою.

Карета тронулась; игуменъ съ братіею чинно шли за каретою и проводили за монастырскія вороты—здѣсь опять три поклона въ землю передъ каретою.

Послѣ отъѣзда царицы, игуменъ нашелъ въ церкви на мощахъ св. Козмы Яхринскаго чудотворца, привязанный рублевикъ. Вѣроятно, это былъ даръ царицы. При игуменѣ Симонѣ, по словамъ монаховъ, въ пріѣзды свои клала на гробъ святаго *золотой*. (О пріѣздѣ царицы во время игумена Симона см. Временникъ 1856. 24 кн. Смѣсь, стр. 51—53)

Вообще поѣздки царицы по монастырямъ были довольно торжественны. Впереди ѣхали верхомъ служители монастырскіе, потомъ карета царицы съ опущенными занавѣсами; она ѣздила постоянно съ своимъ другомъ, старицею Каптелиною. Возлѣ кареты карло Иванъ Терентьевъ верхомъ, потомъ опять служители монастырскіе; за ними другая карета съ платьемъ и рухлядью царицы; потомъ коляска съ монахинями и попомъ; за ними тянулись подводы (до 15-ти) со съѣстными припасами и напитками; тутъ же ѣхали и повара.

Весьма замѣчательно, что въ эту эпоху доносовъ, всѣ эти поѣздки царицы остались неизвѣстными Петру до 1720 года.

Царица, живя въ Покровскомъ монастырѣ, никуда не выходила изъ келіи и только одинъ разъ, а именно въ 1715 году посѣтила соборную церковь и то по особенному случаю. 26 октября 1715 г. къ царицѣ привезъ изъ Москвы купецъ Козаковъ радостную вѣсть, что у царевича Алексѣя Петровича родился сынъ, царевичъ Петръ. Козаковъ съ этимъ извѣстіемъ былъ присланъ къ царицѣ отъ ея брата Аврама Лопухина. Ско-

ро узналъ объ этомъ весь монастырь. Приближенные царицы явились къ ней съ поздравленіемъ. Она принимала ихъ одѣтая въ лазоревомъ кунтушѣ и въ польской шапкѣ, жаловала къ рукѣ. Потомъ отправилась въ соборную церковь пѣть молебенъ, но она шла невидимая, *«огражденная красными сукнами»*, въ родѣ сокрытаго со всѣхъ четырехъ сторонъ балдахина, который держали надъ нею келейныя монахини. Въ церкви она стояла *«за красными же сукнами»* и по окончаніи богослуженія высунула руку, которую цѣловали подходившія монахини.

Въ 1716 году царевичъ Алексѣй Петровичъ, на котораго царица возлагала всѣ свои надежды, бѣжалъ за-границу. (См. Устрялова т. VI, Исторія Петра Вел.) Царица узнала объ этомъ отъ юродиваго Михайлы Босаго, который часто прихаживалъ къ ней изъ Москвы съ вѣстями и подарками отъ брата ея Аврама Лопухина, отъ царевенъ Маріи и Екатерины Алексѣевнъ и отъ царицы Прасковьи Өеодоровны. Михайло Босой появился въ монастырѣ съ 1717 г. и былъ въ большемъ почетѣ у царицы; для него при келейной ея церкви устроенъ былъ особый чуланъ. Царица называла его *батюшкою* и сажала съ собою за столъ обѣдать. Босой тоже пророчествовалъ царицѣ, что она будетъ возвращена къ Москвѣ. Почти каждый разъ, когда приходилъ изъ Москвы, онъ приносилъ царицѣ какой нибудь подарокъ отъ царевны Маріи Алексѣевны: то деньги, то шапку круглую соболью, то шапку польскую соболью. Отъ имени царевны онъ передалъ царицѣ, что царевичъ Алексѣй Петровичъ бѣжалъ отъ отца, потому что онъ хочетъ постричь его и что сдѣлалъ хорошо, а тамъ (т. е. за границею) «проживетъ «какъ въ раѣ.» Царица письменно благодарила царевну

за сообщаемыя ей извѣстія и просила, чтобъ и впредь увѣдомляла, что̀ будетъ дѣлаться у отца съ сыномъ.

Въ февралѣ 1718 г. Петръ Андреевичъ Толстой привезъ царевича въ Москву изъ Италіи. 3-го февраля послѣдовало торжественное отреченіе царевича Алексѣя Петровича отъ престолонаслѣдія, въ пользу сына Екатерины царевича Петра Петровича. На другой день начался страшный «*Кикинскій*» розыскъ, окончившійся только въ Петербургѣ въ іюнѣ 1718 г. пытками и смертію несчастнаго царевича Алексѣя.

Царица ничего не знала о московскихъ событіяхъ, не предчувствовала, что надъ нею собирается гроза, и беззаботно въ кругу своихъ приближенныхъ щеголяла въ кунтушахъ и тѣлогрѣйкахъ.... Февраля съ 6-го на 7-е царевна Марія Алексѣевна послала къ ней Михайлу Босаго съ ведромъ лимоновъ и съ извѣстіями, что̀ случилось съ царевичемъ. Босой отправился, но почти у самаго монастыря его обогналъ гвардіи капитанъ поручикъ Скорняковъ-Писаревъ съ военною командою на подводахъ.... Босой смекнулъ, что неладно идти въ монастырь и проѣхалъ въ деревню Степана Лопухина, гдѣ его впослѣдствіи и поймали.... Такимъ образомъ до царицы не дошли ни лимоны, ни извѣстія о царевичѣ....

За чѣмъ же скакалъ Писаревъ въ монастырь съ солдатами?

Вотъ что случилось въ Москвѣ:

8-го февраля царевичъ, въ дополнительномъ объясненіи на заданные ему вопросные пункты, показалъ, что царевна Марья Алексѣевна, при встрѣчѣ съ нимъ въ октябрѣ 1716 г. въ Либау, разсказывала ему про его мать: «было де ей откровеніе самой и инымъ «что отецъ твой возьметъ ее къ себѣ и дѣти будутъ;

«а такимъ образомъ: что отецъ твой будетъ боленъ «и во время болѣзни его будетъ нѣкакое смятеніе, «и придетъ де отецъ въ Троицкій монастырь на Сергіеву память, и тутъ мать твоя будетъ же, и отецъ «исцѣляетъ отъ болѣзни и возметъ ее къ себѣ и смятеніе «утѣшится». (См. Устрялова т. VI, Ист. Петра Вел. стр. 457)

Этого показанія было достаточно, чтобы возбудить въ Петрѣ подозрѣніе, при томъ же вѣроятно сообщили ему наконецъ то, что почти всѣ знали кромѣ его одного, что царица инокиня уже давно скинула монашеское платье и ходитъ въ свѣтскомъ. Въ манифестѣ по Суздальскому розыску сказано: «А по нѣкоторому извѣстію царскому величеству явилось, что она, бывшая царица, монашеское платье съ себя скинула и ходила въ мирскомъ». (См. Ист. Петра В. Устрялова т. VI.) 8-го февраля Скорняковъ — Писаревъ отправленъ былъ въ Суздаль.

10-го февраля, въ полдень, Скорняковъ пріѣхалъ въ монастырь, окружилъ его часовыми, и ни кѣмъ незамѣченный прошелъ прямо въ кельи къ царицѣ. Мгновенно разнеслась по монастырю вѣсть о пріѣздѣ съ солдатами грознаго посланника царскаго и что монастырь запертъ; нѣкоторые отъ страха спасались бѣгствомъ черезъ монастырскія стѣны по веревкамъ. Скорняковъ засталъ царицу въ свѣтскомъ платьѣ, въ тѣлогрѣѣ и повойникѣ. Онъ приступилъ къ осмотру сундуковъ, нигдѣ не нашелъ монашеской одежды, а все тѣлогрѣйки и кунтуши разныхъ цвѣтовъ. Открывая сундуки и ларцы, Скорняковъ нашелъ лоскутокъ бумаги, на которомъ было написано: «Человѣкъ еще ты молодой. Первое искуси себя въ постѣ, въ терпѣніи и послушаніи, воздержаніи брашна и питія. А и здѣсь тебѣ монастырь; а какъ придешь до-

стойныхъ лѣтъ, въ то время исправится твое обѣщаніе». При открытіи этого письма царица обробѣла и хотѣла вырвать его изъ рукъ Скорнякова, объясняя, что это списокъ съ помѣты челобитной мужика, который приходилъ постричься. Записка была писана рукою духовника царицы ключаря Ѳедора Пустыннаго. Другая записка, найденная въ ларцѣ, была слѣдующая: «Доношу вамъ подлинно: государя царевича Алексѣя Петровича въ Москву въ скорыхъ числахъ ожидаютъ; есть подлинныя письма, а при немъ государь будетъ же Петръ Андреевичъ Толстой. Доложите гдѣ знаете, именно ожидаютъ. Приказано, его государя царевича, хоромы устраивать; именно государь будетъ; а какъ его, государя, Богъ принесетъ въ Москву, писать буду именно и немедленно. Пишете ко мнѣ. Матушка Ирина Аѳонасьевна въ добромъ здравіи. 17-го генваря 1718 г.» Это письмо писано было къ Ѳедору Пустынному отъ стряпчаго Михайлы Воронова.

Скорняковъ отправилъ къ Петру копіи съ этихъ писемъ, обличавшихъ связь царицы съ приближенными царевича и ожидая дальнѣйшихъ приказаній, приступилъ 11-го февраля къ допросамъ нѣкоторыхъ лицъ въ монастырѣ. Тутъ же онъ открылъ, что по таблицѣ, находившейся въ монастырѣ церкви на жертвенникѣ, инокиню Елену поминаютъ царицею Евдокіею.

14-го февраля Скорняковъ, забравъ всѣхъ жившихъ въ кельѣ царицы старицъ, крылошанокъ и дѣвокъ, — весь церковный причетъ монастырской, и нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ, отправился вмѣстѣ съ царицею въ Москву.

Съ дороги къ Москвѣ, 15-го февраля, царица-инокиня Елена написала собственноручно слѣдующее письмо къ Петру:

Всемилостивѣйшій Государь!

«Въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которомъ не упомню, «при бытности Семена Языкова, по обѣщанію своему, «пострижена я была въ Суздальскомъ Покровскомъ «монастырѣ въ старицы и наречено мнѣ было имя «Елена. И по постриженіи въ иноческомъ платьѣ хо-«дила съ полгода, и не восхотя быть инокою, оставя «монашество, и скинувъ платье, жила въ томъ мона-«стырѣ скрытно, подъ видомъ иночества, мирянкою. «И то мое скрытіе объявилось чрезъ Григорья Писа-«рева. И нынѣ я надѣюсь на человѣколюбивыя вашего «величества щедроты. Припадая къ ногамъ вашимъ «прошу милосердія, того моего преступленія, о про-«щеніи, чтобъ мнѣ безгодною смертію не умереть. А «я обѣщаюсь по прежнему быть инокою и пребыть въ «иночествѣ до смерти своея и буду Бога молить за «тебя, государя. Вашего величества нижайшая раба,

«бывшая жена ваша Авдотья».

Но эта покорная повинная не смягчила Петра. Начался страшный розыскъ, извѣстный подъ именемъ *Суздальскаго*. Всѣхъ привезенныхъ съ царицею допрашивали, пытали. Ужасныя мученія развязали языки приближенныхъ царицы; они разсказали все, кромѣ прогулокъ ея по монастырямъ [9]; открыты всѣ ея сношенія съ царевною Маріею Алексѣевною, вся ея переписка съ братомъ ея Аврамомъ Лопухинымъ, съ племянникомъ Григорьемъ Собакинымъ, и съ другими. Открылись пророчества До-

[9] О поѣздкахъ царицы по монастырямъ открылось въ 1720 г. При слѣдствіи въ Тайной Канцеляріи, арестовано и посажено было въ тюрьмы во Владимірѣ и Суздалѣ болѣе 150 человѣкъ. Нѣкоторые были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь, между ними былъ Жиркинъ съ женою.

сиеея, не только царицѣ, но и царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ, а брату царицы, Авраму Лопухину Досиѳей предсказывалъ, «что Евдокія и послѣ смерти Петра будетъ царицею и съ сыномъ». (См. Устрял. Ист. Петра В. т. VI, стр. 218) Открылась и связь царицы-инокини съ Степаномъ Глѣбовымъ.

Петръ Первый въ эти дни былъ жестокъ и безъ всякаго состраданія къ прежней женѣ своей. Евдокію привели на Генеральномъ дворѣ на очную ставку съ Глѣбовымъ и здѣсь она написала слѣдующее признаніе: «Февраля 21 дня, я, бывша царица старица Елена, привожена на Генеральный дворъ и съ Степаномъ Глѣбовымъ на очной ставкѣ сказала, что я съ нимъ блудно жила въ то время, какъ онъ былъ у рекрутскаго набора: и въ томъ я виновата. Писала своею рукою, я, Елена».

5-го марта 1718 г., въ Столовой палатѣ «при освященномъ соборѣ, при министрахъ и прочихъ духовнаго и гражданскаго чина людехъ» читанъ манифестъ, въ которомъ изложено все, что по слѣдствію открылось о царицѣ, о Досиѳеѣ, о царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ, о Степанѣ Глѣбовѣ, о Михайлѣ Босомъ и др. Въ манифестѣ не было никакого рѣшенія, а только изложеніе дѣла [10].

Рѣшеніе состоялось 14 и 16 марта, по приговору министровъ на Генеральномъ дворѣ. Приговоръ подписали: князь Рамодановской, Борисъ Шереметьевъ генералъ-фельдмаршалъ, графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, графъ Гаврило Головкинъ, Тихонъ Стрѣшневъ, князь Петръ Прозоровской, баронъ Петръ Шафировъ, Алексѣй Салтыковъ,

---

[10] См. Устрялова, т. VI Исторіи Петра Вел. стр. 477.

Василій Салтыковъ. Какія кому назначены казни и наказанія описано подробно въ Исторіи Петра В. Устрялова. т. VI, стр. 218.

Исполненіе приговоровъ послѣдовало 16-го марта. Мы поименуемъ нѣкоторые.

Степанъ Глѣбовъ посаженъ на колъ.

Ростовскій епископъ Досиѳей, по растриженіи Демидъ, колесованъ.

Ключарю Ѳедору пустынному отрубили голову.

Игуменью Покровскаго монастыря Марѳу и старицу Каптелину, по наказаніи кнутомъ, сослали въ Александровскую слободу, въ тюрьму.

Царевну Марію Алексѣевну отвезли въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Царица-инокиня Елена, 20 марта 1718 г. отправлена въ Ладогу съ подпоручикомъ Преображенскаго полка Ѳедоромъ Новокщеновымъ. Ему приказано: въ дорогѣ хранить царицу-инокиню за крѣпкимъ карауломъ, никого къ ней не допускать, разговоръ съ ней ни кому не дозволять, писемъ или денегъ ей не давать, а приносителей брать подъ арестъ. Съ царицею была отправлена изъ прислуги одна только ея карлица. Судьба этой несчастной была не разлучна съ царицыною, она была сослана съ нею въ Суздальскій монастырь.

19-го апрѣля 1718 г., подпоручикъ Новокщеновъ привезъ Евдокію въ Ладожскій монастырь, и помѣстилъ ее въ кельяхъ игуменьи. Монастырь былъ въ жалкомъ положеніи: ни ограды, ни забора; черезъ монастырь даже проходила проѣзжая дорога. Новокщеновъ не зналъ, какія мѣры принять, чтобы сторожить царицу, и испрашивалъ разрѣшенія; ему приказано дожидаться другаго офицера, который пришлется на смѣну. Дѣйствительно, 2-го мая 1718 г., посланъ

былъ капитанъ Семенъ Масловъ принять отъ Новокщенова царицу; ему дана была слѣдующая инструкція:

«Господину капитану Маслову, будучи въ Старой Ладогѣ, чинить по сему:

1. «Пріѣхавъ въ Ладогу, пребывающую въ состоящемъ дѣвичьемъ монастырѣ, бывшую царицу у присланнаго при ней изъ Москвы, отъ гвардіи офицера принять и во всемъ ея содержаніи поступать не оплошно.

2. «Ради караулу при ней, и около всего монастыря, употреблять данныхъ шлютельбургскаго гарнизона капрала, и преображенскихъ солдатъ, которые оттуда дадутся, а именно двѣнадцать человѣкъ.

3. «Потребные ей припасы, безъ которыхъ пробыть невозможно, безъ излишества, брать отъ ладожскаго ландрата Подчерткова, о чемъ къ нему указъ посланъ.

4. «Въ монастырь не токмо мужеска, ни женска пола, никакого состоянія и чина людей, також изъ монастыря, какъ ее бывшую царицу, такъ и прочихъ пребывающихъ въ томъ монастырѣ монахинь, и опредѣленныхъ для отправленія Божіей службы священниковъ, отнюдь не впускать.

5. «Имѣть доброе око, чтобы какимъ потаеннымъ образомъ ей царицѣ и сущимъ въ монастырѣ монахинямъ, также и она къ монахинямъ никакихъ, ни къ кому, ни о чемъ писемъ отнюдь не имѣли, чего опасаясь подъ потеряніемъ живота, смотрѣть неусыпно и для лучшей въ томъ осторожности велѣть днемъ и ночью вкругъ всего монастыря солдатамъ, сколькимъ человѣкамъ возможно, ходить непрестанно, и того, чтобы кто тайно не учинилъ, смотрѣть накрѣпко.

«Во всемъ вышеизложенномъ ея бывшей царицы содержанія поступать не оплошно, и дабы отъ несмотрѣнія чего непотребнаго не учинилось. Данъ въ С.-Петер-

бургѣ мая 20, 1718 года». Подписалъ Александръ Меншиковъ.

Инструкція замѣчательная! Ничего положительнаго о содержаніи матеріальномъ, а только боялись переписки царицы и монахинь, и для этого солдаты должны были безпрестанно днемъ и ночью бѣгать около монастыря, который не имѣлъ ни ограды, ни забора.

При отправленіи Маслова, изъ Санктъ-Петербургской Походной Канцеляріи, которою управлялъ Меншиковъ, забыли объ одномъ: сообщить ладожскому ландрату, что Маслову велѣно требовать отъ него всѣ припасы, нужные для царицы и монастыря. Черновую бумагу написали, но она осталась при дѣлахъ не подписанною. Въ проектѣ предписанія ландрату велѣно было для покупки всякихъ съѣстныхъ припасовъ опредѣлить нарочнаго добраго и того дѣла достойнаго дворянина, и на покупку оныхъ припасовъ деньги давать изъ наличныхъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ. Монаху, священникамъ, дьяконамъ, дьячкамъ, понаморямъ, монастырской наставницѣ и монахинямъ денежное жалованье и прочіе всякіе съѣстные припасы въ годъ велѣно давать по особому росписанію.

Масловъ прибывши въ монастырь, не получая ничего изъ Ладоги, расходовалъ свои деньги, и наконецъ, въ іюлѣ 1718 года, принужденъ былъ обратиться съ офиціальнымъ требованіемъ къ ландрату, прося его прислать: «для совершенія Божіей службы свѣчь, ладану, вина церковнаго, на просфиры муки пшеничной; для нужды и записокъ бумаги, да для ея особы крупъ гречневыхъ, уксусу, соли, икры зернистой или паюсной, луку, стола простаго на поварню, бочекъ, квасныхъ кадокъ, ушатовъ, ведръ, чашъ хлѣбнихъ, блюдъ деревянныхъ, ставцовъ, сидовъ деревянныхъ, горшковъ боль-

шихъ и малыхъ и иныхъ хлѣбныхъ и всякихъ столовыхъ припасовъ, а для зимняго времени дровъ» и пр.

Ландратъ Подчертковъ, не имѣя предписанія, не могъ исполнить требованія Маслова, и 27 іюля послалъ рапортъ на высочайщее имя въ Санктъ-Петербургъ, испрашивая «указу».

Въ Санктъ-Петербургской Походной Канцеляріи навели справку и нашли дѣйствительно, что ландрату предписанія не было послано. Прошелъ іюль, половина августа — канцелярія не заботилась отвѣчать Подчерткову: такъ личность Евдокіи была тогда ничтожна въ глазахъ даже подъячихъ; каково же было положеніе всего монастыря, лишеннаго даже средствъ совершать богослуженіе! 25 августа ландратъ повторилъ свое представленіе. Опять принялись за канцелярскія справки и наконецъ отыскали въ дѣлахъ бывшаго подъячаго Ѳеодора Зеленаго заготовленный къ подписанію князя Меншикова указъ ландрату.

Изъ имѣющихся у насъ документовъ не видно, чѣмъ кончилось это обстоятельство.

Въ генварѣ 1719 г. Масловъ спрашивалъ кн. Меншикова: «Для топленія церкви и для ея особы и іеромонаху и протчимъ старицамъ и для карауленъ дрова и уголья отъ кого требовать? Бывшая царица монахиня Елена», писалъ Масловъ: «поставлена въ кельяхъ того монастыря наставницы и тѣ кельи непокойны, высоки и студены, отъ чего имѣетъ въ ногахъ болѣзнь, проситъ милосердія, дабы повелѣно было построить келію низкую»... Служба церковная производится очень рѣдко сообщалъ Масловъ потому, что іеромонахъ и попъ, оба очень стары и къ тому попъ безпрестанно отлучался изъ монастыря. (Изъ бумагъ кн. Меншикова, хранящ. въ Москов. арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.)

Въ зимнее время, въ монастырѣ нуждались въ водѣ, потому что единственный ручей, который проходилъ внутри монастыря, въ зимнее время и въ межевую пору дѣлался безводнымъ; а Масловъ не смѣлъ никого выпускать за монастырь. Онъ просилъ, чтобы ему, прислали людей затопить ручей или нанять для этого рабочихъ солдатъ, которыхъ было у него 12; имъ небыло времени, они все караулили монастырь. (Донесенія Маслова отъ 25 марта 1719 г. Повторялъ въ іюлѣ и въ августѣ)

20-го декабря 1720 г. Масловъ доносилъ кн. Меншикову, что царица проситъ о постройкѣ для нея келіи— «потому что въ сіе зимнее время отъ стужи и отъ угару зѣло изнуревается и одержима сильною болѣзнію».

Меншиковъ очень мало заботился тогда о бывшей царицѣ, и она построила келью на собственныя деньги.

8-го декабря 1722 года Масловъ доносилъ, что оба монастырскіе іеромонахи умерли. Служить не кому — также, что лѣтомъ отъ великихъ вѣтровъ на церкви обвалилась кровля и во время дождевое надъ святымъ престоломъ и жертвенникомъ бываетъ великая течь и святыя службы отправлять не возможно. Просилъ объ опредѣленіи іеромонаха.

Въ 1723 году въ февралѣ, по распоряженію Сvнода, послали къ царицѣ для священнослуженія и духовности іеромонаха Клеоника; ему было приказано: «по званію своему поступать воздержно и трезвенно со всякимъ благоговѣніемъ и подобающимъ искусствомъ». (См. Письма Русскихъ Гос. Москва, выпускъ III. 1862 г. стр. 125)

Въ царствованіе Екатерины о царицѣ заботились болѣе чѣмъ прежде: назначены были постоянные денежные и хлѣбные оклады іеромонаху, дьячку, келейнымъ тремъ старицамъ: велѣно «извѣстную персону (такъ

называли царицу въ оффиціальныхъ бумагахъ) пищею довольствовать, чего когда пожелаетъ, и для того всякихъ припасовъ покупать и пивъ и полпивъ и медовъ готовить съ довольствомъ, чтобъ ни въ чемъ ни малой нужды не имѣла, а денегъ держать въ годъ по 365 р., т. е. порублю въ день, да сверхъ того, на одежду и на обувь давать оной—персонѣ въ годъ по сту рублевъ».

Въ мартѣ 1725 г. царица переведена изъ монастыря въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Въ 1726 г. предписано Маслову на пищу «содержащейся извѣстной персоны» покупать крупичатую добрую муку и держать папошники и пирожки и прочее кушанье ежедневно хорошее. Спрашивали изъ Петербурга Маслова, «имѣется ли при ней хорошій поваръ?»

Въ іюнѣ 1726, императрица, по требованію царицы-инокини, разрѣшила для священнослуженія освятить престолъ. (Письма русскихъ Гос. выпускъ III, стр. 136)

7-го ноября 1726 Масловъ донесъ, что въ хоромахъ, гдѣ живетъ «извѣстная персона, зѣло умножено оконъ и дверей, отчего въ зимнее время отъ великой стужи будетъ безпокойность». Велѣно окны и двери, которыя надлежитъ, задѣлать, а въ прочія окна поставить вставки и обить войлоками и законопатить....» Все велѣно исправить въ немедленномъ времени. (Тамъ же стр. 138) На содержаніе царицы съ іеромонахомъ и келейницами предположено было 700 р. Велѣно отпускать 1000 р. (Тамъ же стр. 141—143)

Въ генварѣ 1727 г., царица черезъ капитана Маслова благодарила императрицу за оказанныя ей милости и просила, чтобъ назначенное ей денежное содержаніе отдавали ей въ руки. (Тамъ же стр. 144)

Наконецъ 6 мая 1727 года на престолъ вступилъ Петръ II, сынъ несчастнаго царевича Алексѣя Петро-

вича; пророчество Досиеея, пострадавшаго за Евдокію въ 1718 году, могло сбыться: «ты будешь царицею, говорилъ онъ ей, или при жизни, или послѣ смерти Петра». Съ какимъ трепетомъ должна была ожидать Евдокія вѣсточки отъ своего внука. Но время летѣло и никто не вспоминалъ о ней! Нетерпѣніе вырваться послѣ двадцатисемилѣтней неволи заставило царицу обратиться къ врагу сына своего, къ своему личному врагу князю Меншикову, 19 іюля 1727 года она писала къ нему:

«Генералиссимусъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ!

«Нынѣ содержусь я въ Шлютельбургѣ, а имѣю желаніе, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; того ради прошу предложить въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, дабы меня повелѣно было въ оной монастырь опредѣлить и опредѣлено бы было мнѣ нескудное содержаніе въ пищѣ и въ прочемъ и снабдить бы меня надлежащимъ числомъ служителей, и какъ мнѣ, такъ и опредѣленнымъ ко мнѣ служителямъ опредѣлено бы было жалованье, и чтобъ оный монастырь ради меня не запертъ былъ, и желающимъ бы ко мнѣ свойственникамъ моимъ и свойственницамъ входъ былъ не возбранный.

«Вашей высококняжей свѣтлости богомолица
монахиня Елена».

«Іюля 19 дня 1727 года».

Письмо царицы застало Меншикова больнымъ. Звѣзда его уже меркла. Остерманъ и Долгорукіе дружно вооружали противъ него молодаго императора. Въ 1718 году Меншиковъ не заботился о ежедневномъ пропитаніи царицы и, уѣзжая изъ Петербурга, забывалъ под-

писать указъ ландрату Подчерткову. Теперь обстоятельства перемѣнились, онъ самъ былъ подъ обвиненіемъ въ преслѣдованіи и смерти царевича Алексѣя Петровича; теперь онъ не дожидался канцелярской справки, и спѣшилъ отвѣчать царицѣ:

«Государыня моя святая монахиня!

Получилъ я отъ вашей милости изъ Шлютельбурга письмо, по которому за болѣзнію своею не могъ въ верховный совѣтъ придтить, и для того просилъ господъ министровъ, чтобы пожаловали ко мнѣ, и потому они изволили всѣ пожаловать ко мнѣ [11]; тогда предложилъ я имъ присланное ко мнѣ отъ вашей милости письмо и просилъ всѣхъ, чтобы вашу милость по желанію вашему опредѣлить къ Москвѣ въ Новодѣвичій монастырь, на что изволили всѣ склониться, что отправить въ Новодѣвичій монастырь и тамо опредѣлить вамъ въ удовольствіе денегъ по 4,500 руб., и людей вамъ по желанію, какъ хлѣбниковъ и поваровъ, такъ и прочихъ служительницъ; для пребыванія вашего кельи дать, кои вамъ понравятся, и приказали вамъ проводить до Москвы бригадиру и коменданту Буженинову; чего ради приказали ему быть сюда для пріему указу въ Москву къ генералъ-губернатору и о дачѣ подводъ и подорожной и на проѣздъ денегъ 1000 р., о семъ объявя вашу милость поздравляю, и отъ всего моего сердца желаю дабы вамъ съ помощію Божіею въ добромъ здравіи прибыть въ Москву и тамъ бы ваше монашество видѣть и свой должный отдать вамъ поклонъ.

---

11 Это было 21 іюля, записано въ журналѣ Верховнаго тайнаго совѣта.

«P. S. Жена моя и дѣти и обрученная государыня невѣста и своячиница наша Варвара Михайловна [12] вашей милости кланяются».

Письмо отправлено было 25 іюля съ ординарцемъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка бомбандиромъ Владиміромъ Грушецкимъ, а 31 іюля данъ указъ изъ Верховнаго тайнаго совѣта Камеръ-коллегіи отпустить «на нѣкоторую дачу» Шлюссельбургскому коменданту Буженинову 1000 руб. Того жь числа, за подписаніемъ Меншикова, Апраксина, Головкина, князя Голицына и Остермана, посланъ указъ Московскому губернатору о переѣздѣ царицы въ Новодѣвичій монастырь. При этомъ приказано отвести ей приличныя кельи, опредѣлить къ ней въ услуженіе четырехъ персонъ мужскаго пола, а именно двухъ поваровъ, двухъ хлѣбниковъ, и четырехъ женскаго пола; на иждивеніе выдавать ей «монахинѣ» по полпяти тысячъ рублей въ годъ, а изъ Новодѣвичьяго монастыря довольствовать съѣстными припасами и служителями безъ всякой нужды: при монастырѣ быть караулу по распоряженію губернатора и впускать въ монастырь всякаго званія людей невозбранно, также, по желанію ея, бывшей царицы, свойственниковъ впускать къ ней невозбранно. 1 августа Меншиковъ вручилъ лично подписанную имъ слѣдующую инструкцію коменданту Буженинову:

1. «Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ опредѣлили: бывшую царицу Евдокію Ѳедоровну, которая нынѣ въ монахиняхъ Елена, по требованію и желанію ея отправить въ Москву и быть ей тамо въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и послать для препровожденія ея васъ бригадира.

---

[12] Арсеньева, сестра княгини Меншиковой.

2. «И господину бригадиру Буженинову, по посланному указу, въ Камеръ-коллегіи взять тысячу рублей на уборъ и дорожной проѣздъ, и убрався колясками и телѣгами, ѣхать съ нею, бывшею царицею, въ Москву.

3. «А въ Москву прибывъ, данные ему указы къ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Мусину-Пушкину и дѣйствительному тайному совѣтнику Ромодановскому отдавъ, — въ которыхъ съ нимъ о содержаніи ея письмо,—возвратиться паки въ С.-Петербургъ, по пріѣздѣ своемъ въ Москву репортоваться».

Тотъ же Меншиковъ подписалъ инструкцію Маслову въ 1718 году. Тяжело было для него это воспоминаніе.

2 сентября 1727 года царица пріѣхала въ Москву и остановилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ палатахъ, гдѣ жила царевна Екатерина Алексѣевна, близь Святыхъ воротъ, надъ которыми церковь Спаса Преображенія.

5 сентября Бужениновъ, сопровождавшій царицу, доносилъ князю Меншикову о прибытіи ея въ Москву. Это извѣстіе не дошло до него. Сентября 8 Меншиковъ уже былъ арестованъ, лишенъ чиновъ, орденовъ и княжескаго достоинства.

Извѣстіе о ссылкѣ Меншикова дошло и до царицы-инокини. Хитрая старушка тотчасъ же написала къ своему внуку о дозволеніи ей пріѣхать въ Петербургъ къ императору для свиданія, и при томъ обвиняла кн. Меншикова, что онъ не допустилъ ее къ императору и послалъ «за карауломъ» въ Москву. Петръ II отвѣчалъ ей почтительными письмами 27 сентября и 30-го: — въ послѣднемъ онъ увѣдомлялъ, что и самъ желаетъ ее видѣть и надѣется, «что съ Божьею помо-

щію еще нынѣшней зимы то учиниться можетъ». (Письма Рус. Гос. III. стр. 71—73).

Въ октябрѣ 1727 г. императоръ подарилъ ей десять тысячъ рублей и послалъ ей свой портретъ. (Письма Рус. Гос. стр. 78 и 86) Царица отблагодарила присылкою звѣзды и лазоревой ленты. «Носи, мой свѣтъ», писала царица, «на здоровье — каковы есть! не покручинься, мой батюшка, а я грѣшная низала своими руками. Будь надъ тобою милость Божія и мое благословеніе». (Тамъ же стр. 90). Великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ царица послала тоже звѣзду своей работы и ленту красную. (Тамъ же стр. 91). Великая княжна послала ей въ «презентъ» книжку — молитвенникъ Кіевскій. (Тамъ же стр. 96) Царица черезъ посланнаго капитана Лаврова сообщила Остерману о томъ, что она претерпѣла во время ссылки въ Шлюссельбургъ.— Остерманъ увѣдомилъ ее, «что объ ужасномъ и неслыханномъ терпительномъ прежнемъ содержаніи ея въ Шлюсельбуркѣ» онъ докладывалъ императору и великой княжнѣ «оные купно со всѣми добрыми людьми отъ всего своего сердца сожалѣютъ и будутъ стараться (писалъ Остерманъ), дабы ваше величество всѣми возможными образы паки обрадовать, якоже и правосудный Богъ тѣхъ, которые тому причиною были, судить не оставитъ. (Тамъ же стр. 97).

9-го генваря 1728 г. императоръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву для коронаціи и прибылъ 4 февраля. Съ царицею бабушкою своею онъ свидѣлся еще до выѣзда въ столицу въ загородномъ домѣ Грузинской царицы.

Сбылось пророчество Досиѳея: будешь царицею и послѣ смерти Петра и съ сыномъ!

9 февраля 1728 года въ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта въ Москвѣ записано:

«Его величество на мѣстѣ своемъ садиться не изволилъ, а изволилъ стоять и объявилъ, что его величество, по имѣющейся своей любви и почтенію къ ея величеству государынѣ бабушкѣ своей, желаетъ, чтобъ ея величество по своему великому достоинству во всякомъ удовольствіи содержена была, того бы ради учинили о томъ опредѣленіе и его величеству донесли и, объявя сіе, изволилъ выдтить, а вице-канцлеръ, Баронъ Остерманъ, оставаясь, объявилъ, что его величество желаетъ, чтобы то опредѣленіе нынѣ же сдѣлано было.

«И по общему согласію опредѣленіе о томъ учинено».

И съ тѣмъ опредѣленіемъ къ его величеству ходилъ вице-канцлеръ, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, и, пришедъ, объявилъ, что его величество все то опробовать соизволилъ и повелѣлъ съ точнымъ объявленіемъ къ ея величеству отъ верховнаго тайнаго совѣта ѣхать двумъ персонамъ, а именно: князю Василью Лукичу Долгорукову и князю Дмитрію Михайловичу Голицыну сего же дня, притомъ его величеству донесть, что ежели еще и сверхъ того изволитъ чего требовать, то его величество се особливой своей любви и почтенія учинить изволитъ».

При царицѣ составленъ былъ особый штатъ: генералъ-маіоръ Измайловъ назначенъ гофмейстеромъ, — на содержаніе царицы и ея двора отпускалось 60,000 р.

Жизнь, проведенная въ такихъ страшныхъ бѣдствіяхъ, утомила царицу. Евдокія — или инокиня-царица Елена, довольствуясь возвращенными ей почестями, не вмѣшивалась въ придворныя дѣла, почти вовсе не являлась ко двору и жила спокойно въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Разъ только присутствовала при обрученіи своего внука съ княжною Долгоруковою. (Арсеньевъ. Исторія

Петра II, стр. 90—93) Царицѣ суждено было пережить тѣхъ, которые дороги были ей въ этомъ мірѣ. 29-го генваря 1730 г. молодой императоръ скончался отъ простуженной оспы, а сестра его великая княжна Наталья Алексѣевна умерла еще прежде: 22 ноября 1728 года.

Царица Евдокія присутствовала при коронаціи императрицы Анны Ивановны. Вотъ что пишетъ объ этомъ очевидица Леди-Рондо: «Она (царица) сидѣла въ особо устроенномъ мѣстѣ, откуда, какъ и желала, посторонніе не могли ее видѣть. По окончаніи церемоніи, императрица подошла къ ней, обняла, поцѣловала и просила ея дружества. Обѣ плакали на взрыдъ. По отъѣздѣ императрицы, толпа придворныхъ кинулась къ Евдокіи съ поздравленіями. Она ихъ ласково выслушала. Много говорила со мною, много насказала любезнаго и звала къ себѣ ко двору. Вообще, какъ видно, царица не забыла ни аристократической вѣжливости, ни пріемовъ придворной жизни. Она толста, но не смотря на лѣта, на ея лицѣ остались слѣды прежней красоты. Евдокія держитъ себя важно, величественно, но всегда вѣжливо и ласково. Ея живые глаза какъ бы проникаютъ въ сердце того, съ кѣмъ она говоритъ. (См. Семевскій, статья его Авдотья Өедоровна). Жизнь царицы въ царствованіе Анны Ивановны не оставила никакихъ замѣчательныхъ слѣдовъ. Она молилась, помогала много бѣднымъ и не вмѣшивалась въ придворныя дѣла. 27 августа 1731 г. царица-инокиня Елена скончалась и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

VII.

ПОКРОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ

ЧТО НА УБОГИХЪ ДОМѢХЪ

ВЪ МОСКВѢ.

Статья И. М. Снегирева.

Лит. Х. Эргота

ПОКРОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА.

ПОКРОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ, ЧТО НА УБОГИХЪ ДОМѢХЪ.

Самое названіе Покровскаго монастыря Божедомскимъ вызываетъ насъ предварить историческое его описаніе краткимъ обозрѣніемъ *Убогихъ домовъ*, на мѣстѣ которыхъ онъ поставленъ въ Москвѣ, и замѣчаніями о самомъ *праздникѣ Покрова Божіей Матери*, которому онъ посвященъ, тѣмъ болѣе, что и то и другое находится въ связи съ исторіей монастыря и Москвы, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи.

До сооруженія здѣсь монастыря, среди рощъ и садовъ на пустомъ полѣ, нѣкогда занятомъ подхожими станами и острожкомъ для отраженія Татаръ и Литовцевъ, извѣстенъ былъ, въ самомъ началѣ XVII-го вѣка, Убогій домъ за Таганскими или Болванскими воротами. Сюда свозились трупы, поднятые въ окрестностяхъ. Въ маѣ 1606 года конные стрѣльцы и толпа черни слѣдовали сюда за навозною телѣгой, которую тащила кляча; въ телѣгѣ лежалъ обнаженный и обезображенный трупъ молодаго еще человѣка, который толпа провожала не молитвами и благословеніями, но ругательствами и проклятіями, потому что и сама Церковь предала его анаѳемѣ. Этого опальнаго везли изъ царскаго дворца, съ царскаго престола въ смрадный ямникъ Убогаго дома. Въ то самое время, какъ туда тянулся этотъ

поѣздъ бушевала такая же буря, какая встрѣтила въѣздъ Димитрія Самозванца въ Кремль.

Телѣга съ трупомъ не прошла въ ворота Убогаго дома, такъ что мертвеца стащили съ телѣги и бросили въ ямникъ [1]. Кто не узнаетъ здѣсь Лжедимитрія, которому судьба не дала покоя и въ опальной могилѣ? Будто въ оправданіе древняго суевѣрія, въ теченіи семи дней, какъ трупъ Лжедмитрія лежалъ въ Убогомъ домѣ, послѣ бури, наступили жестокіе морозы, гибельные для садовъ и полей; выпалъ снѣгъ. Тамъ чудились какія-то ужасныя явленія, слышались клики и завыванія. Тѣло Самозванца то переносилось невидимою силою съ одного мѣста на другое, то два голубя садились на трупъ и слетали, когда кто подходилъ къ нему, и опять прилетали. Бояре велѣли зарыть мертвеца въ землю; но онъ очутился на другомъ кладбищѣ.

Произошла большая тревога въ народѣ. «Одни», говоритъ современникъ событій, «почитали Отрепьева необыкновеннымъ человѣкомъ, другіе дьяволомъ, по крайней мѣрѣ, колдуномъ, наученнымъ адскому искусству Лапландскими волшебниками, которые, велятъ убивать себя и послѣ оживаютъ» [2]. Суевѣріе того времени всѣ такія явленія приписывало волшебству ненавистнаго разстриги, клеврета іезуитовъ. Мая 28 присудили трупъ его перевести въ подмосковное селеніе Котлы, тамъ сожгли, и его пепломъ выстрѣлили изъ пушки въ ту сторону, откуда пришелъ Лжедимитрій. Спустя шесть дней, какъ развѣянъ былъ проклятый прахъ Лжедимитрія, въ Москву принесены были изъ Углича мощи св. мученика Дмитрія Царевича, за котораго Отрепьевъ выдавалъ себя.

---

[1] Берова Московская лѣтопись въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ, ч. 1. стр. 100 и 101. Дополненія къ Дѣяніямъ Петра великаго, ч. 1, стр. 294.

[2] См. ниже стр. 4.

Вотъ какими событіями ознаменовано это урочище, гдѣ въ послѣдствіи устроена св. обитель въ память Покрова Божіей Матери! Воспоминаніе объ немъ побуждаетъ здѣсь коснуться быта и значенія Убогихъ домовъ въ древней столицѣ, а равно и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ Москвѣ, какъ и въ другихъ Русскихъ городахъ, издревле устроивались Убогіе домы, или Скудельницы, по примѣру села (поля) скудельнича въ Іерусалимѣ, для погребенія странныхъ, т. е. Іудеевъ, приходившихъ изъ отдаленныхъ странъ на поклоненіе Богу въ храмѣ Іерусалимскомъ и, на случай внезапной смерти, неимѣвшихъ тамъ особеннаго кладбища [3].

Въ Россіи такія мѣста назывались *скудельницами*, *убогими домами*, *жальниками*, *буйвищами* и *гноищами*; въ поставленные тамъ сараи съ ямниками свозили и клали тѣла убогихъ, странниxъ, застигнутыхъ внезапною и насильственною смертію, между тѣмъ какъ прочихъ, напутствованныхъ предъ кончиною св. Тайнами, хоронили при церквахъ. Кромѣ постоянныхъ скудельницъ въ городахъ, бывали и временныя, устроенныя по особымъ случаямъ. Если вѣрить сказанію Авраамія Палицына, то въ царствованіе Бориса Годунова, во время страшнаго неурожая, погибшихъ отъ голода схоронено на трехъ скудельницахъ 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ у приходскихъ церквей [4]. Тѣла лежали въ Убогихъ домахъ безъ погребенія до седьмаго четверга по Пасхѣ, или до Покрова Божіей Матери, вслѣдствіе повѣрья, по сказанію Максима Грека, что «погребенія ради утопленнаго и убитаго, бываютъ плодотлительныя стужи земныхъ прозябеній» [5].

[3] См. о скудельницахъ въ 4 вып. Русскихъ простонародныхъ праздникахъ И. Снегирева.

[4] Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря, стр. 11.

[5] Слово и главизна, писан. на бумагѣ полууставомъ, 1587 г. въ 4 д. въ библіотекѣ г. Ундольскаго, № 487.

Но иностранцы, не вникавшіе въ духъ и повѣрья Русскаго народа, полагали причину тому въ суровости климата. Флетчеръ, видѣвшій въ Москвѣ, въ XVI вѣкѣ, скудельницы, говоритъ, что зимою въ Россіи земля отъ холода такъ отвердѣетъ, что нельзя рыть могилы, поэтому всѣ трупы свозятъ на общественное мѣсто, называемое *Божіимъ домомъ* гдѣ они замерзаютъ отъ стужи. При наступленіи весны и по растаяніи льда, предаютъ ихъ землѣ, прикрывъ ихъ наготу одеждою: причемъ совершаются молитвы объ усопшихъ» [6]. «Богатыхъ людей», по словамъ Принца Буххавскаго въ XVI же вѣкѣ, «Москвичи хоронятъ въ подцерковьяхъ, а для погребенія черни и убогихъ вырываютъ большую яму, въ которую умершаго кладутъ, не покрывъ землею, безъ всякихъ обрядовъ. Черезъ три или четыре мѣсяца тамъ строютъ домикъ (domunculum) и придаютъ тѣла надлежащему погребенію, при великомъ стеченіи ближнихъ и сосѣдей, которые сопровождаютъ ихъ съ плачемъ и рыданіемъ [7]. Такіе обряды совершаются трижды въ годъ.» Софійскій временникъ подъ 1474 годомъ дополняетъ сказаніе иностранныхъ путешественниковъ слѣдующимъ описаніемъ этого торжественно умилительнаго обряда: «Человѣкъ нѣкій во градѣ Москвѣ ходилъ по обычаю къ селу скудельничу, иже имѣютъ гражане на погребеніе страннымъ; обычай же имѣяху въ четвергъ седьмыя недѣли (по Пасхѣ) ходити тамо, и купяху туто канонъ и свѣща и молбу творяху о умершихъ и загребаху старую яму, иже полну мертвыхъ накладену, и новую ископаху, туже вси и копаютъ и засыпаютъ землю Бога ради, но вси гражане мужи и жены» [8]. Не означая опредѣленнаго мѣста

---

[6] Of the russian commun wealth. Lond. 1592. in 8.

[7] Moscoviae ortus et progressus, auth. Daniele Printz a Buechan. Gubenae, 1679, in 16.

[8] Софійскій временникъ, изд. П. Строевымъ. М. 1820. II, 141.

такой скудельницы въ Москвѣ, подобно Принцу Буххавскому и Флетчеру, Софійскій временникъ опредѣляетъ только время и обычай погребенія тамъ убогихъ. Максимъ же Грекъ говоритъ не объ однихъ *странникъ*, полагавшихся въ Убогомъ дому, но и объ утопленникахъ и убитыхъ, которыхъ, по сказанію Принца Буххавскаго погребали въ скудельницахъ, въ году трижды.

Придворный врачъ царя Алексія Михайловича, Самуилъ Колленсъ, какъ очевидѣцъ, такъ описываетъ намъ Убогій домъ въ Москвѣ: «тѣла убитыхъ и замерзшихъ привозятся въ Земскій Приказъ, гдѣ выставляются на три или четыре дня. Если не найдется родственниковъ и знакомыхъ, то отвозятся въ большое подземелье со сводами, называемое *Божіимъ домомъ*. Тамъ складываютъ по сту и по двѣсти труповъ, которыхъ священники весною отпѣваютъ, засыпавъ землею» [9]. Опять Колленсъ не означаетъ этого мѣста въ Москвѣ, хотя тамъ находились при часовняхъ, церквахъ, монастыряхъ и на всполья хъ не одна такая скудельница, но многія. Донынѣ употребительныя въ Московскомъ мірѣ прозвища самыхъ урочищъ напоминаютъ намъ опальныя кладбища умершихъ безъ христіанскаго напутствія. Таковы церкви: на *Старыхъ Убогихъ домахъ*, или *на Божедомкѣ* св. Іоанна воина, что прежній Крестовоздвиженскій монастырь, св. Трифона чудотворца, свят. Николая *божедомскаго,* что нынѣ въ *Звонаряхъ,* на Рождественкѣ, св. Пятницы *божедомскія,* или на Божедомкѣ въ Пречистенской части, на *Могильцахъ,* или *Могилицахъ,* Успенія Божіей Матери близъ Пречистенки, *на Убогихъ домахъ* Покровскій монастырь и пр.

---

[9] Нынѣшнее состояніе Россіи, соч. Сам. Колленса, перев. П. Киреевскаго. М. 1846, въ 8.

Кромѣ того, божедомскими были монастыри: Андрониковскій, Андреевскій и Варсонофьевскій.

Время отъ времени православная Церковь издавала особыя правила, кого именно класть на Убогихъ домахъ, которымъ даваемо было различное назначеніе. Патріархъ Филаретъ 1619 года установилъ тамъ хоронить безъ отпѣванія тѣхъ, «которые вина обопьются, или зарѣжутся, или съ качелей убьются, или, купаючись, утонутъ, или сами себя отравятъ, или иное какое дурно сами надъ собою учинятъ». Напротивъ того, послѣдній патріархъ Адріанъ предписываетъ въ наказѣ поповскимъ старостамъ: «самоубійцъ и убитыхъ на разбоѣ и воровствѣ не класть на кладбищахъ и убогихъ домахъ, но зарывать въ лѣсу, или въ полѣ безъ поминовенія въ Семикъ. Если же воръ и разбойникъ при смерти будутъ исповѣданъ и причащенъ св. Таинъ, то ихъ положить безъ отпѣванія въ городѣ въ убогомъ дому, гдѣ такіе воры и разбойники кладутся» [10]. Туда же отвозились труппы казненныхъ [11], опальныхъ, а съ царствованія Петра I, анатомированныхъ въ госпиталѣ. Сторожами такихъ усыпальницъ бывали *божедомы*, *божатые*, *богорадные*. Скудельницы также заступали мѣсто воспитательныхъ домовъ. Туда подкидывали незаконно-рожденныхъ младенцевъ, которыхъ воспитывалъ милостынею божедомъ и откуда иногда брали ихъ себѣ бездѣтные супруги, вмѣсто дѣтей, подъ именемъ *Богдановъ*.

Православная Церковь, какъ сердобольная мать, не забывающая и несчастныхъ дѣтищь своихъ, не лишала своего поминовенія лишенныхъ установленнаго ею погребенія и отлученныхъ отъ кладбищъ. Въ мертвенной молитвѣ на вечерни Троицына дня она ходатайствуетъ

10 Исторія Росс. Іерархіи, III, 269.

11 Древняя Росс. Вивліоѳика, XV, 386.

объ убогихъ Божіихъ, постигнутыхъ напрасною и насильственною смертію, попаленныхъ молніею, замерзшихъ отъ холода, утопшихъ, убитыхъ на брани, или разбойниками, отравленныхъ и т. д. Соборомъ 1548 года постановлено «совершать общее поминовеніе по всѣхъ скончавшихся внезапною смертію»[12]. Въ сvнодики вносились для поминовенія и положенные въ скудельницахъ. Такъ въ одномъ сvнодикѣ, составленномъ, по благословенію Іова патріарха, читаемъ: «Помяни, Господи, души, иже въ скудельницахъ лежащихъ, отецъ и братію нашу, мужеска полу и женскаго». Кормчая даже допускаетъ совершать моленіе надъ самоубійцею, «аще онъ будетъ во истину умъ погубилъ», т. е. въ сумашествіи[13]. Въ другомъ сvнодикѣ, писанномъ 1685 года: «Помяни, Господи, души сирыхъ и убогихъ, нищихъ и младенцевъ некрещенныхъ, небреженіемъ отца и матери умершихъ, и въ скудельницахъ лежащихъ братій нашихъ».

Въ Семикъ и въ праздникъ Покрова на Убогіе домы бывалъ крестный ходъ изъ соборовъ и монастырей, для отправленія общей панихиды. Патріархъ «посылалъ туда властей, да съ ними архимандритовъ и игуменовъ отпѣвать надъ умершими: Андроньевскій архимандритъ, Даниловскій игуменъ, протопопъ Черниговскій съ соборомъ, да Рожественскій протопопъ изъ-подъ Колоколъ съ соборомъ за Яузу, за Срѣтенскія вороты архимандритъ Петровскій, игуменъ Срѣтенскій, протопопъ Покровскій со Рву, протопопъ Александровскій съ соборомъ»[14]. Кромѣ Семика, въ день Покрова Божіей

---

12 Исторія Русской Церкви, соч. преосв. Филаретомъ Гумилевскимъ, періодъ 11. М. 1848, стр. 203.

13 Рукопись уставная, на бумагѣ, конца XVI вѣка, въ 8, въ библіотекѣ г. Ундольскаго, № 156.

14 Русскіе простонародные праздники, И. Снегирева. вып. IV, о скудельницахъ.

Матери, по указу патріаршему, на Убогій домъ (вѣроятно, въ Покровскій монастырь) архимандритъ и власти ходили съ крестами и образами на соборную панихиду.

Слѣдуя исконному обычаю и церковной заповѣди, сопровождали крестный ходъ толпы народа и нищіе на эту юдоль смерти, куда призывало христіанъ и поученіе благовѣрнаго Владиміра Мономаха: «надъ мертвеца идете, яко вси мертвини есмы». Многіе привозили на Убогіе домы гробы и приносили саваны и рубахи, покупали тамъ кануны и свѣчи. «Они не умѣли назвать поминаемыхъ», говоритъ исторіографъ, «но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ Нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно христіанскія молитвы» [15]. При разборѣ тѣлъ въ сараяхъ и ямникахъ, отыскивали родныхъ и знакомыхъ; набожные ревновали примѣру *труждающихся*, т. е. гробокопателей въ первенствующей Церкви, о которыхъ на литургіи возносится молитва: они голыми руками *опрятывали* смердящіе трупы собратій и съ мыслію объ общей тлѣнности, не гнушаясь отвратительнаго вида и зловонія, презирая опасность заразиться, надѣвали на нихъ рубахи и саваны, клали въ гробы, потомъ засыпали землею, которую носили въ приполъ изъ одной ямы къ другую. Послѣ панихиды, нищимъ раздавалась милостыня на поминъ погребенныхъ. Участники въ этомъ дѣлѣ благочестія и человѣколюбія мыли себѣ руки въ ближнемъ прудѣ, или рѣкѣ. При Убогихъ домахъ бывали часовни, или молитвенные хоромы для пристанища крестному ходу, также прощи, или фартины, гдѣ, послѣ погребенія убогихъ,

---

[15] *Карамз*. И. Г. Р. VII, 219.

плошка пѣннаго вина замѣняла *чашу утѣшенія* надъ мертвыми, о которой говоритъ Іеремія, XVI, 7.

Такой умилительный обычай прекратился съ Московскою чумою, послѣ которой учреждены особыя кладбища и воспрещено хоронить при церквахъ приходскихъ, кромѣ Андрониковскаго и Покровскаго монастырей; въ первомъ, по распоряженію начальства, погребаемы были болѣе дворяне, а въ другомъ купцы и мѣщане. Не далѣе какъ въ началѣ текущаго столѣтія, срыты могильные холмы при церкви св. Іоанна воина на Божедомкѣ и при Покровскомъ монастырѣ на убогихъ домахъ. Слѣды ихъ открылись при копаніи земли на Семеновской улицѣ противъ самаго монастыря, гдѣ найдено множество человѣческихъ костей.

Помѣщаемъ здѣсь свѣдѣнія о Убогихъ домахъ и въ другимъ мѣстностяхъ Россіи.

При городѣ Арзамасѣ въ ю-в. сторонѣ, на полугорѣ, близь большой Саратовской дороги, находится каменное зданіе съ кровлею на два ската, на которой посрединѣ водруженъ небольшой осмиконечный желѣзный крестъ. Зданіе это весьма ветхо. Стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ треснули, а западная стѣна близка даже къ скорому паденію. Полъ, насланный въ 1809 г. квартировавшимъ въ городѣ Уфимскимъ полкомъ, истерся; многія доски подгнили и обрушились. Еще годная крыша спасаетъ зданіе, однакоже и она со стороны города покрылась мхомъ. Зданіе, слабо освѣщаемое черезъ небольшое пустое отверстіе окна, устроеннаго въ южной стѣнѣ, имѣетъ въ длину 8 ар., въ ширину около 6, въ вышину $3^1/_2$ ар., снаружи высота боковыхъ стѣнъ $1^1/_2$ ар. Дугообразные своды зданія соединены двумя желѣзными перемычками, изъ коихъ на одной повѣшена передъ алебастровымъ распятіемъ стеклянная лампада. Образъ этотъ

поставленъ въ нишѣ восточной стѣны, а по сторонамъ его вдоль всей стѣны на широкихъ лавкахъ разставлены образа старинные, изъ которыхъ многіе даже не имѣютъ ликовъ. Къ этому зданію причисляются еще три гораздо меньшія, тоже каменныя; онѣ имѣютъ совершенное сходство съ памятниками на кладбищахъ. Всѣ эти зданія вмѣстѣ составляютъ скудный остатокъ дѣлъ христіанской любви старинныхъ Арзамасцевъ, и называются обыкновенно Убогими домами.

Убогіе домы построены были на этомъ мѣстѣ за нѣсколько лѣтъ до 1748 года, а до того времени они были поставлены близъ села Ивановскаго на городской землѣ, по скату берега рѣки Теми, верстахъ въ 3-хъ отъ стараго Арзамаса. Но какъ у городовъ и селеній Убогіе домы были не что иное, какъ пространныя могилы, которыя по наполненіи мертвыми тѣлами, ежегодно были зарываемы и вмѣсто ихъ открываемы были новыя, то «въ Арзамасѣ чрезъ много прошедшее лѣто Убогіе домы нынѣ въ самой близости города имѣются и построены въ немногихъ годѣхъ» [16].

Въ старину Убогіе домы иначе назывались Божьи домы, божедомки, усыпальницы, скудельницы. Въ нихъ погребались тѣла всѣхъ преставившихся, которые по насильственной, или внезапной кончинѣ, не могли въ свое время воспользоваться молитвами и Таинствами святой Церкви, наказанные смертною казнію, утонувшіе, сгорѣвшіе, замерзшіе, погибшіе отъ убійцъ, также тѣла странниковъ, нищихъ и вообще не принадлежавшихъ ни къ какому приходу и не имѣвшихъ чѣмъ заплатить за мѣсто на кладбищѣ и за погребеніе.

---

[16] см. дѣло по присланной промеморіи изъ Арзамазскаго магистрата въ Арз. уѣздный судъ городской землѣ. . . . . 1748 г. писана на 34 листахъ.

Хотя Убогіе домы, существовавшіе при нѣкоторыхъ городахъ до царствованія Екатерины II, въ 1767 году были уничтожены, однакоже въ Арзамасѣ они сохранились до сихъ поръ и Арзамасцы ежегодно собираются во множествѣ изъ города въ четвертокъ седьмой недѣли по Пасхѣ служить надъ похороненными тамъ панниxиды, какъ это бываетъ въ уѣздномъ городѣ Александровѣ Владимірской губерніи, въ Дѣвичьемъ монастырѣ и въ Кіевѣ. [17] Въ этотъ день въ 7 ч. утра находятся въ Убогихъ домахъ священно-и-церковнослужители 7 приходскихъ церквей нижней половины города [18]. Замѣчательно, что священнослужители въ такомъ только случаѣ поминаютъ умершихъ по именамъ, когда поминающіе подаютъ имъ записки, если же не подаютъ имъ именныхъ записокъ, то они поминаютъ такъ: «Помяни, Господи, убіенныхъ рабовъ своихъ [19]

---

[17] Труды Об. Ис. и Древн. Рос. 7. III, стр. отъ 235 до 261, 1826 года.

[18] Жители села Выѣздной слободы совершаютъ поминовеніе по усопшимъ въ Убогихъ домахъ наканунѣ этого дня въ среды со своими священно-и-церковнослужителями.

[19] Подъ именемъ убіенныхъ, по преданію, подтверждаемому актами, поминаются погибшіе отъ разбойниковъ села Выѣздной слободы, которые, убивая запоздалыхъ путниковъ, приносили тѣла ихъ къ Убогимъ домамъ, также Московскіе стрѣльцы полка Ивана Чернова, которые безъ указа царя Петра Алексѣевича пошли изъ Великихъ Лукъ въ Москву самовольствомъ и, будучи въ Московскомъ уѣздѣ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, упорно стояли противъ боярина и воеводы большаго полка Алексѣя Семеновича Шеина и его ратныхъ людей, стрѣляли изъ пушекъ и хотѣли грудью открыть себѣ путь въ столицу. 82 человѣка изъ числа бунтовщиковъ въ іюлѣ 1698 г. подъ надзоромъ капитана Чаплина и прапорщика Кочунова были приведены въ Арзамасъ и посажены въ тюрьму. Въ слѣдующемъ году 35 человѣкъ грамотою изъ Иноземнаго приказу были вытребованы въ Москву, остальные, кромѣ 164 человѣкъ, не достигшихъ совершеннолѣтія, казнены нарочно присланнымъ для этого изъ Москвы стольникомъ Михаиломъ Арсеньевымъ

и отъ неизвѣстной смерти умершихъ, ихъ же имена, Ты Самъ, Господи, вѣси иже здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ христіанъ и пр.» Такъ молились и предки нынѣшнихъ Арзамасцевъ. Обычай трогательный, сохранившійся со всею силою старинныхъ впечатлѣній,—поминать тѣхъ, которыхъ имена и отечество неизвѣстны, и вѣровать, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого отъ сердца возсылаются къ Нему молитвы истинно христіанскія! Еще въ XVI вѣкѣ объ этомъ обычаѣ съ уваженіемъ отзываются даже иновѣрные иностранцы [20].

И теперь, въ вечеру, какъ бывало и во времена стародавнія, неподалеку отъ Убогихъ домовъ, собираются толпы народа для празднованія Семика. Впрочемъ Семикъ теперь празднуется скромнѣе, нежели праздновался прежде, когда при Убогихъ домахъ бывали торжки, временныя выставки пива и вина и меда, [21] въ которыхъ отдавалась дань «веселію Руси», но все-таки и теперь не перестаютъ водить хороводы, пѣть пѣсни, играть въ мячь.

Служеніе панихидъ въ Убогихъ домахъ продолжается до глубокаго вечера. П. П.

Нижегородскія губ. вѣдом., часть неофиціальная марта 15, 1850 года № 13.

Скудельницы или Убогіе домы въ старину учреждены были во многихъ русскихъ городахъ и посадахъ, по примѣру бывшаго близъ Іерусалима села

и подъячимъ Яковомъ Новиковымъ, которымъ на Посадѣ были отведены квартиры и даны Арзамаскіе подъячіе, стрѣльцы пушкари, разсыльщики, заплечный мастеръ,—словомъ все, что къ тому дѣлу было надобно. Дѣло о Стрѣльцахъ, писанное столбцомъ.

[20] Истор. Рус. Церкви пер. III. М. 1847 г.

[21] см. стат. *Званіе кабацкихъ мѣстъ* въ книгѣ кабацкихъ доходовъ 1712 г., принадлеж. архиву городской думы.

Скудельнича. На погребеніе странныхъ, приходившихъ въ Іерусалимъ назначались особыя мѣста; потому что жители Іерусалима не дозволяли погребать чужестранцевъ на своихъ кладбищахъ. Въ городѣ Шуѣ, на такихъ установленныхъ скудельницахъ погребались тѣла, находимыя въ окрестностяхъ города. Это можно видѣть изъ одной челобитной, поданной на имя царя Петра Алексѣевича Шуйскимъ земскимъ старостою Иваномъ Осташковымъ и всѣми Шуянами. Здѣсь писано: «въ нынѣшнемъ, государь, 1702 году марта въ 11 день, въ Шуѣ въ Земской избѣ Шуйскіе губные цѣловальники Ѳедоръ Ѳоминъ и Иванъ Трофимовъ извѣщали на рѣкѣ де на Тезѣ на льду по Московской дорогѣ, объявилось мертвое тѣло. Мудрый и великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичь всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, пожалуй насъ сиротъ своихъ, вели, государь, въ Шуѣ съ-ѣзжева двора послать и то тѣло мертвое осмотрѣть и записать, а записавъ, буде свойственникъ тому мертвому тѣлу не явится, вели, государь, отвезть въ убогій домъ». Впрочемъ извѣстно и то, что въ 1654 и 1771 годахъ, бѣдныхъ и убогихъ умершихъ отъ мороваго повѣтрія, бывшаго тогда въ Россіи, отвозили для погребенія въ Убогій домъ, [22] а богатыхъ и значительныхъ людей погребали при церквахъ и монастыряхъ. Убогіе домы состояли изъ ямниковъ съ надпогребицею, при нихъ

[22] Во время холеры, свирѣпствовавшей въ 1831 году, въ г. Шуѣ отведено также мѣсто, почти за чертой городской земли, въ урочищѣ Рыковѣ; нынѣ оно обведено землянымъ валомъ, среди коего поставлены изъ бѣлаго камня памятники съ мѣдною доскою, на коей написано: „Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ“; ниже: „На семъ мѣстѣ погребены жители города Шуи, отъ губительной болѣзни холеры въ 1831 г. скончавшіеся. Да упокоитъ ихъ Господь съ миромъ“.

бывала часовня, или даже иногда и церковь. Въ Шуѣ такой домъ находился тамъ, гдѣ нынѣ старая Ковровская застава и каменныя инвалидныя казармы. Въ старину онъ обсаженъ былъ березками, коихъ нынѣ уже нѣтъ. Что Убогій домъ дѣйствительно находился на этомъ самомъ мѣстѣ видно изъ описи Шуйскихъ пахатныхъ полей и полосъ, составленной въ 1690 году Шуйскимъ земскимъ старостою Борисомъ Селиверстовымъ. Тогда мѣсто это находилось среди поля, а нынѣ оно почти на срединѣ города. Въ Убогіе домы ежегодно въ седьмую седмицу по Пасхѣ четвертокъ, на Троицкой недѣлѣ, когда Церковь наша поминаетъ всѣхъ прежде погибшихъ отцевъ и братій, и когда приносятъ Богу очистительныя молитвы и жертву объ душахъ, бывали крестные ходы изъ Шуйскаго собора и другихъ церквей, а нѣкоторые изъ жителей собирались съ гробами и саванами для мертвыхъ; болѣе же благочестивые изъ усердія сами рыли ямы, разбирали голыми руками тѣла, по христіанскому милосердію, не гнушаясь трупами, изъ коихъ многіе лежали уже по полугоду въ ямникѣ Убогаго дома, вынимали изъ него, клали въ гробы, спускали въ приготовленныя ямы и зарывали. Иные при семъ случаѣ находили своихъ родныхъ, или знакомыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ. Случалось не рѣдко, что обмершіе, положенные тамъ между трупами, спустя нѣсколько дней, приходили въ чувство, что подтверждается судебными дѣлами. Надъ погребенными, помянутымъ образомъ, духовенство совершало общую панихиду, послѣ которой раздавалась доброхотными дателями милостыня собравшимся тутъ нищимъ и, помянувъ такимъ образомъ покойниковъ на Убогомъ домѣ, народъ обращался къ увеселеніямъ *Семика*, который, какъ извѣстно, получилъ названіе отъ того, что бываетъ на седьмой седмицѣ по Пасхѣ. Въ наказѣ пос-

лѣдняго патріарха Адріана поповскимъ старостамъ именно означается кого хоронить при Убогихъ домахъ, въ немъ такъ говорится: «которые въ городѣхъ воры и разбойники мужеска и женска пола по указу великаго государя осуждены будутъ къ смертной казни, и тѣ воры и разбойники при смерти просить будутъ отцовъ духовныхъ, чтобы предъ ними исповѣдываться, и тѣхъ воровъ и разбойниковъ велѣть попамъ исповѣдывать и по разсужденію отцевъ духовныхъ запасными дары причастить и, послѣ казни, велѣть ихъ класть въ убогомъ дому» [23]. А въ 1619 году грамотою святѣйшаго патріарха Филарета Никитича о похоронныхъ пошлинахъ заповѣдывается: «похороняти имъ (попамъ) тѣхъ людей, надъ которыми учинится скорая смерть; кусомъ подавится, или кто кого ножомъ зарѣжетъ, или съ дерева убьется, или утонетъ искупаючися, или отравною смертію умретъ, а не самъ себя отравитъ, — и тѣхъ у церкви Божіей похоронити. А который человѣкъ вина опьется, или удавится, или зарѣжется, или съ качели убьется, или купаючись утонетъ, или самъ себя отравитъ, или какое дурно надъ собою учинитъ,—и тѣхъ при церкви Божіей не хоронити и надъ ними не отпѣвати, а велѣти ихъ класти въ убогихъ домахъ» [24]. Изъ смысла сего наказа видно, что надъ доказанными убійцами

---

[23] По этой причинѣ въ Троицкій четвертокъ, при погребеніи людей, казненныхъ за преступленія, всегда бывалъ на Убогомъ домѣ палачь, вѣроятно, для присмотра за опальными трупами, которыхъ при церквахъ класть не позволялось. Преступниковъ вѣшали около сосенъ по Ковровскому тракту, которыя еще и до нынѣ стоятъ въ цѣлости.

[24] По разсказу самовидца—столѣтняго старца, жителя г. Шуи, Николая Лисина, въ Убогій домъ, особенно въ длинныя зимнія ночи, тайкомъ привозили мертвецовъ даже изъ окрестностей Шуи, отламывали замокъ и тамъ оставляли ихъ. Лисинъ говоритъ, что эти продѣлки повторялись каждую зиму и все съ рукъ, не какъ нынѣ, счастливо сходило.

ничего церковнаго не совершали, хотя клали ихъ въ Убогихъ домахъ. Убогіе домы были также опальными кладбищами, гдѣ хоронили умершихъ въ опалѣ государевой. Домы сіи начали уничтожать послѣ изданія указа императрицы Елисаветы Петровны въ 1753 году по прекращеніи смертной казни, а въ 1771 году марта 25 велѣно подобныя заведенія замѣнить обыкновенными кладбищами, тѣла же сомнительныя подвергать правиламъ и изслѣдованію судебной медицины. Въ 1846 году предположено было во всѣхъ значительныхъ городахъ возстановить нѣчто подобное Убогимъ домамъ устройствомъ *упокойныхъ домовъ*, при входѣ на кладбища, для предупрежденія погребенія мнимо-умершихъ. Подобныя заведенія для этой же цѣли уже существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири прямо подъ именемъ Убогихъ домовъ [25].

Въ городѣ Вязникахъ, до XVIII ст. бывшимъ слободою при городѣ Ярополчѣ, въ половинѣ XVII вѣка (1643) основанъ былъ при этой слободѣ монастырь Благовѣщенскій, *на землѣ, принадлежащей Ярополческому убогому дому*. У Вязниковцевъ, какъ и вездѣ, Убогимъ домомъ называется мѣстность, занимаемая кладбищемъ для погребенія скоропостижно-умершихъ: «за то дескать *по нихъ и понахида бываетъ однажды въ году въ семикъ, что умирали то дни или отъ веселья, или за веселье*».

Въ полугорѣ отъ въѣзда изъ Вязниковъ къ Гороховцу по шоссе, каждый изъ проѣзжающихъ можетъ замѣтить небольшую деревянную часовню, около могильныхъ бугорковъ. Эта-то часовня, въ которой каждогодно въ семикъ поются панихиды и доселѣ носитъ на-

---

[25] См. журналъ Мин. Внут. Дѣлъ. № 3, 1846 года.

званіе Убогаго дома [26]. На такой же землѣ построенъ Благовѣщенскій монастырь при г. Ярополчѣ.

За городомъ Суздалемъ, за рѣкою Каменкою, въ половинѣ XVIII столѣтія поселены были плѣнные Турки, гдѣ былъ прежде такъ называемый Убогій домъ. На Убогомъ дому хоронились всѣ умершіе скоропостижно и самоубійцы. По нихъ въ Семикъ предъ Троицкою родительскою субботою служили панниxиду въ особо устроенномъ сараѣ, гдѣ были помѣщены Турки. Сарай этотъ въ концѣ XVIII вѣка сломанъ за ветхостію. Въ Семикъ и доннынѣ на Убогомъ домѣ служитъ панниxиду священникъ ближайшей Тихвинской церкви и бываетъ изъ нея крестный ходъ [27].

Возлѣ Марьиной рощи подъ Москвою на Убогихъ домахъ былъ амбаръ, въ который складывались тѣла, найденныя по городу и неизвѣстно чьи; они тутъ сохранялись по возможности; отъ гніенія запахъ относился далеко по Троицкой дорогѣ; по случаю ветхости велѣно было амбаръ перестроить, но этого не было исполнено даже въ 1753 году [28].

II.

Отъ прежде бывшихъ *Убогихъ домовъ*, замѣщенныхъ Покровскимъ монастыремъ, перейдемъ и къ самому празднику въ память чудеснаго явленія Богоматери св. Андрею, Христа ради юродивому и ученику его св. Епифанію въ Константинопольскомъ Влахернскомъ храмѣ

---

26 Въ народѣ называется эта мѣстность „Божедомье", здѣсь бывало и народное гулянье.

27 Сообщено К. Н. Тихонравовымъ.

28 Дѣла Моск. Губ. Канц. 1745 г., вязка 1682, д. № 11, въ Арх. Мин. Юст.

911 года [29]. Не чуждымъ цѣли описанія Покровской обители считаемъ сказать нѣсколько словъ о самомъ изображеніи божественнаго видѣнія, бывшаго св. Андрею, Христа ради юродивому, происхожденіемъ Славянину, объ установленіи праздника Покрова въ Россіи и о древнихъ церквахъ, сооруженныхъ въ память сего чуда.

Явленіе это, по изустному преданію, олицетворено на иконахъ; Греческихъ его образовъ намъ неизвѣстно; замѣтимъ только мѣстныя ихъ разности въ Русскихъ. Такъ на иконѣ Новгородскаго письма XIV вѣка, трехъ пядей, хранящейся въ мѵроварной палатѣ Сѵнодальнаго дома въ Москвѣ, изображена Божія Матерь съ воздѣтыми въ моленіи руками къ благословляющему Ее Спасителю; Она стоитъ на облакѣ надъ царскими дверями; надъ Нею два ангела держатъ распростертый покровъ или омофоръ. За правымъ столпомъ храма три Святителя въ кресчатыхъ облаченіяхъ у престола, за лѣвымъ два ангела. Въ исподнемъ ряду иконы съ одной стороны ликъ Святыхъ въ предстояніи Іоанна Предтечи, съ другой также ликъ Святыхъ съ св. Андреемъ, Христа ради юродивымъ, который указуетъ свое видѣніе св. Епифанію; среди ихъ діаконъ съ книгою въ рукѣ. На кровлѣ храма св. Димитрій Солунскій, св. Косма и Даміанъ. Подобное изображеніе встрѣчается и между Новгородскими иконами XVI вѣка [30]. Но позднѣе писанныя въ Москвѣ иконы, между прочимъ и храмовая въ Покровскомъ монастырѣ, различествуютъ отъ древ-

---

[29] О великихъ Господскихъ и Бородичныхъ праздникахъ (М. Евгенія), Кіевъ, 1835 г., въ 8.

[30] Въ собраніи древнихъ иконъ у любителя и знатока ихъ А. Е. Сорокина.

нѣйшей Новгородской своимъ содержаніемъ. Богоматерь, окруженная ликомъ Святыхъ, Сама осѣняетъ Своимъ Покровомъ предстоящихъ въ храмѣ, гдѣ присутствуетъ царь Левъ мудрый и царица Зоя, священнодѣйствуетъ патріархъ Тарасій, а на амвонѣ стоитъ діаконъ Романъ сладкопѣвецъ, держащій въ рукѣ хартію съ кондакомъ: «Дѣва днесь предстоитъ въ церкви» и пр., который напоминаетъ пѣснь, нѣкогда воспѣтую имъ въ праздникъ Рождества Христова. Повидимому, сладкопѣвецъ, воспоминаемый Русскою Церковію въ день Покрова, принадлежитъ къ лику небожителей, потому что жилъ за пять вѣковъ предъ этимъ видѣніемъ. Кромѣ Святыхъ, изображаются міряне, слушавшіе всенощное бдѣніе во Влахернскомъ храмѣ, гдѣ въ этомъ видѣ явилась Богоматерь. На вопросъ въ Стоглавѣ: «слѣдуетъ ли писать на иконѣ Покрова Божіей Матери въ исподнемъ ряду царей, князей, Святителей и народъ?» послѣдовалъ отвѣтъ, что, «по свидѣтельству пресловущихъ живописцевъ Греческихъ и Русскихъ, на иконахъ Покрова Божіей Матери, молящейся за весь міръ, писано безчисленное множество народа». Но на древней Новгородской иконѣ, какъ мы замѣтили, изображены одни только Святые, одно только явленіе, какъ вѣроятно первоначально писали, а въ позднѣйшихъ иконахъ соединено явленіе съ событіемъ. Такъ различно изображеніе чудеснаго явленія Богоматери въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ.

Чтожъ касается до самаго праздника, то, хотя начало его и должно предполагать въ Царьградѣ, но тамъ онъ во время смутъ Греческой имперіи не получилъ полнаго церковнаго богослужебнаго вида и поэтому не вошелъ въ греческій мѣсяцесловъ и службы ему въ праздничной Минеи нѣтъ, какъ видно изъ Греческаго конда-

каря XIII вѣка [31], и новѣйшихъ мѣсяцеслововъ [32]. Утраченное Константинопольскою Церковію восполнено нашею отечественною, которая, усвоивъ себѣ этотъ праздникъ въ память покровительства Божіей Матери, причислила его къ полуелейнымъ всероссійскимъ. Слова въ праздничномъ канонѣ (на 1 стихъ 8 пѣсни) приводятъ къ вѣроятному заключенію, что митрополиты изъ Грековъ возобновили въ Россіи этотъ праздникъ, по своему происхожденію, Греко-славянскій. „За ны помолися», говорятъ они, «Твоего Покрова праздникъ, въ Россійстѣй земли прославльшіе». Прологъ также относитъ къ одному изъ древнихъ нашихъ митрополитовъ учрежденіе его въ Россіи: «Се убо егда слышахъ о явленіи Богоматери во Влахернскомъ храмѣ св. Андрею съ св. Епифаніемъ, помышляхъ, како страшное и милосердное видѣніе и паче надѣянія и заступленія нашего, бысть безъ празднества, восхотѣхъ, да не безъ праздника останется Св. Покровъ Твой, Преблагая». На этомъ основаніи и полагаютъ, что такой праздникъ возобновленъ и установленъ въ Русской Церкви. Онъ положенъ 1-го октября въ Обиходѣ XIII вѣка [33], въ Милютинской минеѣ названъ новымъ [34].

Съ установленіемъ этого духовнаго торжества въ Кіевѣ стали сооружаться и въ другихъ Русскихъ городахъ церкви въ память Покрова Божіей Матери.

---

[31] Харатейная рукопись въ 4, въ Московской Патріаршей библіотекѣ.

[32] Συναξαρίςτης τῶν δώδεκα μηνῶν, συγγραθεῖς υπο 'Μαρίκθου διακόνο τῆς μεγάγης 'Εκκγμοίας. Ενετ. 1819, II, in 4.

[33] См. Описаніе Румянцевскаго музея, стр. 404.

[34] Слово похвальное Честному Покрову Пречистыя Владычицы Богородицы, откуда и какою виною установлены бысть въ Константинѣ градѣ божественный сей праздновати праздникъ. См. Минея іерея Милютина. Октябрь, № 798 въ 8, Моск. Патріарш. библіотека.

Между тѣмъ какъ на Москвѣ до XV-го вѣка еще неизвѣстны были храмы въ честь этого праздника, Владиміръ въ XII [35], Суздаль въ XIII, Новгородъ, Псковъ и Тверь въ XIV вѣкѣ уже молились въ церквахъ, посвященныхъ сему чудесному явленію Богоматери. Въ лѣтописяхъ подъ 1479 годомъ является на Москвѣ Великокняжескій Покровскій монастырь близь государева двора у Николы Подкопая, въ старыхъ Садѣхъ, куда Іоаннъ III переставилъ церковь изъ Златоустова монастыря. Первый въ Москвѣ Покровскій монастырь, истребленный пожаромъ, не оставилъ по себѣ слѣдовъ ни въ мѣстности, ни въ исторіи [36]. Завоеваніе Казани царемъ Іоанномъ Васильевичемъ 1552 г. въ праздникъ Покрова Божіей Матери ознаменовано сооруженіемъ Покровскаго собора въ Китай-городѣ, а отраженіе отъ Москвы Владислава въ 1618 году — построеніемъ соименнаго первому собору въ подмосковномъ селѣ Рубцовѣ, переименованномъ, по храму, Покровскимъ. Отъ церквей, воздвигнутыхъ на Москвѣ въ славу Покрова Божіей Матери, дано нѣкоторымъ улицамъ прозваніе Покровскихъ. Такъ улица въ Китай-городѣ, нынѣшняя Варварская, въ XVII вѣкѣ именовавшаяся *Большою Покровскою* [37], по церкви Покрова Божіей Матери, также по придѣлу, св. великомученика Георгія, что на Псковской горѣ, простиралась до Покровскаго собора; въ Бѣломъ городѣ Покровская, включительно съ Малоросейкою, наименована отъ церкви того же имени, стоявшей во главѣ улицы: престолъ ея перенесенъ въ ближайшую церковь Спаса, что на Глиницахъ.

---

[35] Древній Боголюбовъ городъ и монастырь съ его окрестностями, соч. *В. Доброхотова*, М. 1852 г., стр. 70.

[36] *Карамз. И. Г. Р.* 6, пр. 629.

[37] Акты юридическіе, № 329, стр. 351.

III.

Когда въ Москвѣ умножились церкви въ честь сего Богородичнаго праздника — основанъ, вмѣсто древняго великокняжескаго монастыря въ Садѣхъ Бѣлаго города, царскій Покровскій на Убогихъ домѣхъ за Землянымъ валомъ, у Семеновской заставы, а по рапорту лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка прапорщика Павлова 1763 года, въ учрежденную о церковныхъ имѣніяхъ коммиссію — близъ Коломенской, что нынѣ Покровской, или Семеновской заставы, въ пяти верстахъ отъ города.

Первоначальнымъ основателемъ Божедомскаго Покровскаго монастыря былъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ. Въ 1635 году онъ пожаловалъ на построеніе его землю, лежащую впустѣ за Землянымъ валомъ. По обыску воеводы Максима Лихарева и головы Елизара Бесѣднаго, всей этой земли оказалось 17 четвертей; на нее дана владѣемая грамота [38]. Намъ неизвѣстно, при царѣ Михаилѣ ли Ѳедоровичѣ началось построеніе этого монастыря; только достовѣрно, что не прежде, какъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ того; по указу царя Алексія Михайловича, онъ построенъ на комнатную его сумму и снабженъ церковными утварями и другими потребностями, причисленъ къ Московской епархіи. Въ 1655 году, по просьбѣ Благовѣщенскаго протопопа Стефана, царь пожаловалъ Покровскому монастырю 6 десятинъ сѣнныхъ покосовъ подъ Симоновымъ монастыремъ въ межѣ Крутицкаго митрополита, да луговъ Симонова монастыря, «въ вѣчное воспоминаніе по всѣмъ православнымъ христіанамъ во вѣки неподвижно». Не могло же быть безъ особеннаго побужденія основаніе этого

---

[38] Точный съ той и другой списокъ хранится въ ризницѣ монастыря.

новаго монастыря въ честь Покрова Божіей Матери. Первымъ, вѣроятно, было существованіе тамъ издревле Божія, или Убогаго дома, на который въ праздникъ Покрова и въ Семикъ совершалось крестное хожденіе изъ соборовъ и монастырей для отправленія соборной панихиды надъ умершими насильственною или внезапною смертію; другимъ къ тому побужденіемъ была память преставленія родителя царя Михаила Θеодоровича и дѣда царя Алексія Михайловича, патріарха Филарета Никитича, скончавшагося въ самый праздникъ Покрова Божіей Матери. Съ тѣмъ вмѣстѣ основаніемъ новаго Покровскаго монастыря, какъ бы возстановлялся древній, бывшій въ Москвѣ при Іоаннѣ III. Съ 1680 по 1731 годъ св. обитель эта была приписана къ Заиконоспасскому монастырю [39].

Сначала состояла она въ Московской епархіи, а съ 1744 года, по именному указу, причислена къ бывшей тогда Крутицкой епархіи. Переведенная изъ Вяземскаго Предтечевскаго монастыря семинарія, сперва въ Архіерейскій Крутицкій домъ, потомъ въ 1751 году въ Покровскій монастырь [40], дала этому *Божедомскому монастырю* характеръ *училищнаго*. Когда Покровскій монастырь снова приписанъ былъ къ Московской епархіи, семинарія 1776 г. уничтожена, а семинаристы разосланы по тѣмъ епархіямъ, къ которымъ они принадлежали. Нынѣ онъ заштатный, т. е. не положенный въ Духовныхъ штатахъ 1764 года, и довольствовавшійся только милостинною дачею по 300 р. ас. въ годъ. Первымъ, извѣстнымъ намъ игуменомъ Покровскаго монастыря былъ Сергій, седьмымъ Стефанъ, прежде протоіерей

[39] Выходы государей, царей изд. П. Строева. М. 1834 г. въ 4., см. Указатель.

[40] Исторія Росс. Іерархіи, IV, 444.

Благовѣщенскаго собора, упомянутый въ надписи напрестольнаго креста 7189 (1681) года и въ вышеприведенной грамотѣ царя Алексія Михайловича.

Пользуясь описями въ 1763 году лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка поручика Петра Свиньина и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка прапорщика Ѳедора Павлова [41], посмотримъ, въ какомъ видѣ и положеніи, за сто двадцать лѣтъ, находился этотъ монастырь, и какія въ немъ были зданія.

1) Соборная каменная, пятиглавая церковь во имя Всѣхъ Святыхъ, объ одномъ престолѣ, съ папертью и двумя палатками. Кровля ея покрыта была тесомъ, а главы—крашеною жестью. Въ четырехпоясномъ ея алтарномъ иконостасѣ образа украшены были серебряными вѣнцами и ризами, нѣкоторые жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями.

2) Церковь каменная Покрова Божіей Матери, одноглавая, съ придѣломъ св. Іоанна Дамаскина.

Колокольня каменная, шатровая, съ осмью колоколами и съ нѣмецкими боевыми часами.

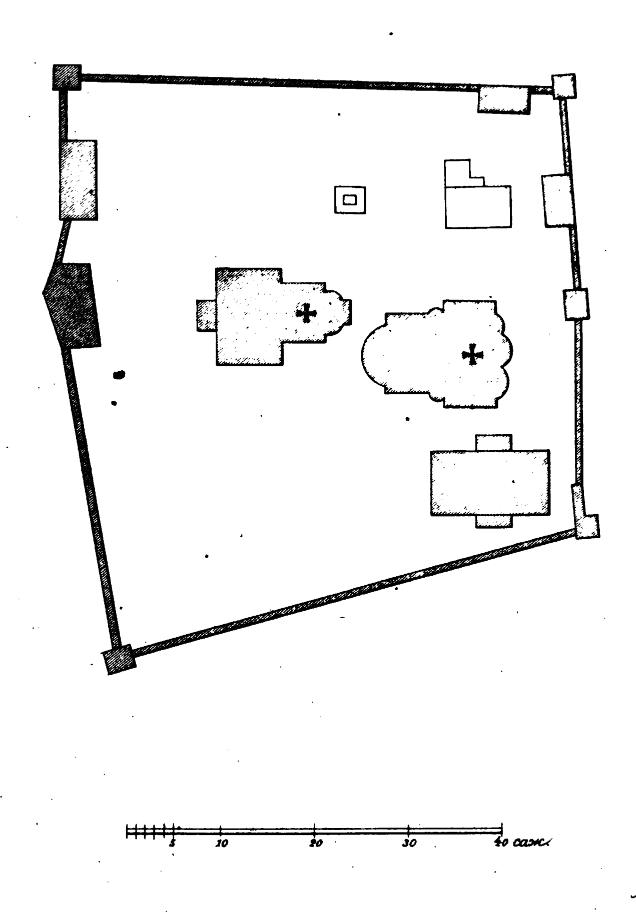
По описи 1763 г., въ ризницѣ при церквахъ было однѣхъ ризъ, или фелоней 45, въ числѣ ихъ парчевыя, изорбатныя, бархатныя, гвоздишныя, золотныя, пукетовыя, китайской парчи, объяринныя и штофныя, камчатныя, барбейрековыя, атласныя, грезетовыя. Къ нимъ были подризники, епитрахили, набедренники, поручи, стихари, воздухи и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ утварей—царскій вкладъ.

Тогда на правой сторонѣ, противъ церкви Покрова Божіей Матери, стояли деревянныя, одноэтажныя на-

---

41 Опись Покровскаго монастыря, что на Убогихъ домѣхъ, № 1683 и № 4278, въ Архивѣ министерства юстиціи.

ПЛАНЪ ПОКРОВСКАГО БОЖЕДОМСКАГО МОНАСТЫРЯ 1835 Г.



Лит. К. Эрготъ.

стоятельскія кельи, на 6 саженяхъ длиною и на 3 саженяхъ шириною, крытыя тесомъ, при нихъ келья холодная и кухня.

Братскія кельи противъ св. воротъ были каменныя, одноэтажныя, длиною на 20, шириною на 4 саженяхъ, крытыя драныо: кромѣ того, двѣ братскія кельи ветхія и еще деревянныя кельи съ сѣнями на 8$^{1}/_{2}$ саженяхъ въ длину и на 5$^{1}/_{2}$ с. въ ширину. При нихъ были разныя принадлежности.

Семинарія помѣщалась въ двухъ-ярусномъ каменномъ строеніи съ кухнею и погребомъ. Зданіе это, сооруженное по указу императрицы Елисаветы Петровны, длиною было 11 саженъ съ аршиномъ, шириною 6 саженъ и 2 аршина. Мѣсто семинаріи занято трапезою, монашествующими и другими службами.

Монастырь обнесенъ былъ каменною оградою, крытою тесомъ, съ деревянными перекладами, мѣрою въ окружности 224 сажени; по угламъ ограды 5 четвероугольныхъ башенъ.

Въ такомъ видѣ представляется онъ на приложенномъ здѣсь рисункѣ начала XVIII вѣка.

При учрежденіи Духовныхъ штатовъ, монастыремъ управлялъ игуменъ Сильвестръ Буявинскій, бывшій здѣсь съ 1759 по 1768 годъ. Тогда находились тамъ три іеромонаха и три іеродіакона; а теперь всѣхъ монаховъ и послушниковъ 50 человѣкъ.

Въ книгѣ царскаго жалованья Московскимъ церквамъ и монастырямъ съ 1625 по 1677 г. (Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, № 71, отд. VI) читаемъ: въ монастырь Покрова Пречистыя Богородицы, что у Убогихъ домовъ великаго государя жалованья: 2 чернымъ попомъ по 3 рубли человѣку, просвирнику да пономарю по 30 ал-

тынъ человѣку, 6 человѣкомъ старцомъ рубль 20 алтынъ 4 деньги.

Въ 1670 г. марта въ 5 день по указу великаго государя, его государева жалованья для поминовенія государыни царицы и великія княгини Маріи Ильичны въ годовой поминокъ въ Покровской монастырь, что у Убогихъ домовъ пятдесятъ рублевъ; отвезъ тѣ деньги стольникъ князь Петръ княжъ Ивановъ сынъ Прозоровской [42].

Въ 1761 г. давалось Покровскому монастырю, что за Яузой рѣкою на Убогихъ домехъ игумену Сильвестру съ братіею по штату 1731 года въ годъ хлѣбнаго жалованья и на просвиры 27 рублей $63^{3}/_{4}$ копѣйки [43].

На содержаніе этого монастыря и монашествующихъ въ 1763 году отпускалось жалованья 109 р. 42 коп., а хлѣба, ржи и овса по 44 четверти и 6 четвериковъ, съ учрежденіемъ штатовъ только 27 р. 77 копѣекъ въ годъ. Помѣщенные здѣсь два отставные солдата пользовались монашескою трапезой; за исправленіе должности сторожей имъ выдавалось жалованья по 336 копѣекъ въ годъ. Теперь, какъ заштатный, этотъ монастырь на своемъ пропитаніи.

Къ этому монастырю принадлежали четыре часовни: 1) подмонастырская съ каменною палаткою, 2) въ Китай-городѣ у Москворѣцкихъ воротъ, съ каменнымъ строеніемъ, 3) въ Таганкѣ деревянная, разстояніемъ отъ монастыря одна верста. Отъ доброхотныхъ дателей сіи часовни приносили въ 1763 году доходу въ монастырь до 50 руб. асс. въ годъ; 4) въ первой Мѣщанской

---

[42] Расх. книга Приказа тайныхъ дѣлъ 178 года, въ Арх. Моск. Оруж. палаты, № 227.

[43] Арх. Дворц. Конт. реэстръ 11, дѣло № 487, годъ 1761.

улицѣ, у Креста, на лѣвой сторонѣ. Одна изъ трехъ часовенъ, между урочищами Серединкою и Крестовской заставой; она каменная, въ новомъ стилѣ, съ кельею для часовника; съ давнихъ временъ принадлежа Покровскому монастырю, она именуется Покровскою. Въ ней семь старинныхъ мѣстныхъ иконъ съ надписаніемъ тропарей; Распятіе съ предстоящими, Спаситель и Божія Матерь; Покровъ Ея, святители Николай и Филиппъ, Коронованіе Богоматери, Святая Троица.

Усердные Богомольцы, на пути своемъ въ Троицкую Лавру, помолясь тамъ въ часовняхъ Предтечевской и Крестной, или Филипповской, останавливаются у Покровской призвать себѣ на помощь Божію Матерь, осѣняющую вѣрующихъ Своимъ Покровомъ.

По указу Петра I, декабря 13, 1720 г., дана во владѣніе этой обители подмонастырская земля, мѣрою въ первомъ мѣстѣ длиннику 420, поперечнику 550 саж., въ другомъ $19^1/_2$ десятинъ и полполтрети десятины. Земля эта тогда отдавалась въ наемъ по 80 р. въ годъ.

При такихъ ограниченныхъ средствахъ, обитель эта оскудѣла, зданія ея обветшали и требовали починки: только поддерживали ее кладбище и благочестивые вкладчики, которые способствовали къ обновленію и украшенію этого заштатнаго монастыря.

Ограда во многихъ мѣстахъ разсѣлась. Въ 1783 г. она была разобрана и не прежде, какъ черезъ 16 лѣтъ, возобновлена Московскимъ купцомъ Мѣщаниновымъ, который въ 1799 году устроилъ въ сѣверо-западномъ углу монастыря каменную богадельню на 12 человѣкъ мужескаго пола, а 1810 года г-жа Хлѣбникова на Семеновской улицѣ—каменную богадельню для женскаго пола. Такимъ образомъ, гдѣ было послѣднее пристани-

ще для убогихъ мертвыхъ, тамъ устроенъ пріютъ для убогихъ живыхъ.

Обветшавшія церкви Всѣхъ Святыхъ и Покрова Божіей Матери были разобраны, одна въ 1792 году, другая 1806 года. Посреди монастыря одноглавая каменная церковь въ честь Всѣхъ Святыхъ, сооруженная иждивеніемъ Московскаго купца Діомида Мѣщанинова, освящена Московскимъ митрополитомъ Платономъ, а придѣлы ея: въ память обновленія храма Воскресенія Христова и Тихвинскія Божіей Матери освящены были еще въ 1772 году. Двухъэтажная каменная, крестообразная одноглавая церковь Покрова Божіей Матери, заложенная 1806, совершена въ 1810 году иждивеніемъ доброходныхъ дателей и стараніемъ строителя Іоны. Въ верхнемъ ярусѣ по сторонамъ Покровскаго храма престолъ во имя св. Апостолъ Петра и Павла, устроенный Московскимъ купцомъ Алексѣевымъ, а по лѣвую,— въ честь святителя Николая; въ нижнемъ: святителя Іоны митрополита, св. Иларіона великаго и преподобнаго Нила Столобенскаго. Незадолго предъ 1812 годомъ вступилъ въ управленіе монастыремъ строитель Іона, старецъ добрый, благочестивый и ревнительный къ благолѣпію дома Божія; его простодушная ласковость привлекала благочестивыхъ вкладчиковъ, и едва только сталъ онъ устроивать и украшать св. обитель, какъ наступила тяжкая година испытанія для Москвы и Покровскаго монастыря—1812 годъ.

По возвращеніи своемъ въ Москву изъ Вологды (куда онъ отправился въ 1812 году), 23 ноября того же года, Іона нашелъ Св. обитель опустошенною и въ ней девять братій. У настоятеля потребовалось отъ начальства примѣрной смѣты, сколько нужно суммы на возобновленіе сожженныхъ зданій и на вспоможеніе братіи. Предста-

Лит. У. Эрготъ

ПОКРОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1863 ГОДУ.

влена была смѣта въ 13,700 рублей. Девять же оставшихся и ограбленныхъ братій объявили, что «они вспоможенія не требуютъ». Неусыпными попеченіями Іоны вскорѣ возобновленъ былъ полуразрушенный монастырь; въ 1814 и 1815 годахъ освящены архіепископомъ Августиномъ возстановленные храмы въ память Всѣхъ Святыхъ, что нынѣ Словущаго Воскресенія и Тихвинскія Божіей Матери. Въ верхней Покровской церкви возобновленной и украшенной Іоною престолъ освященъ былъ въ 1825 году Московскимъ архіепископомъ Филаретомъ.

Вскорѣ послѣ 1812 года началось въ этомъ монастырѣ богослуженіе; явились благочестивые вкладчики, которые содѣйствовали трудамъ настоятеля своими пожертвованіями для благолѣпія дома Пресвятой Богородицы. Вылитъ былъ на ихъ иждивеніе большой колоколъ, который въ 1833 году возвѣстилъ монастырю о кончинѣ добраго его пастыря Іоны.

Рвеніе къ устроенію и благолѣпію Св. обители наслѣдовалъ преемникъ о. Іоны Амвросій. Онъ заботился не только о внѣшнемъ благоустройствѣ, но и о приведеніи въ лучшій порядокъ церковнаго богослуженія, по чиноположенію общежительныхъ монастырей, которое и донынѣ здѣсь поддерживается. Онъ не мало оставилъ въ немъ памятниковъ своей дѣятельности. Его стараніемъ, вмѣсто старой ограды монастырской, простиравшейся на 220 саженъ, сооружена новая, гораздо выше прежней, съ осмью башнями и переходами, на 302 сажени; кромѣ того выстроены: настоятельскій двухъэтажный и такой же братскій корпусы; къ трапезному пристроены 14 келій; у восточныхъ воротъ конный, рабочій дворъ съ конюшнею, сараями и кладовыми, съ помѣщеніемъ для рабочихъ и пять келій братскихъ. При немъ начато распространеніе Воскресенской церкви,

которую доканчивалъ уже преемникъ его Іоанаеанъ. Въ теченіи шести лѣтъ его управленія довольно времени отнимала у него болѣзнь.

Между тѣмъ соборная церковь оказалась тѣсною; тогда искуснымъ архитекторомъ М. Д. Быковскимъ сооружена обширнѣйшая о пяти куполахъ, вмѣстившая въ себѣ часть старой, въ послѣдствіи разобранной: въ срединѣ ея, подъ куполомъ остались прежніе четыре столба, или пилоны, соединенные арками, также и восточная стѣна главнаго алтаря. Къ среднему большому куполу присоединены четыре осмигранные боковые съ главами, покрытые бѣлою жестью и увѣнчанные вызолоченными крестами. Кругомъ средняго трибуна подъ сводами храма помѣщена ризница, освѣщаемая окнами изъ боковыхъ куполовъ.

Стройное и величественное это зданіе въ Романскомъ стилѣ, подходящемъ къ Греческому, орнаменты внѣшнихъ его стѣнъ, оконъ, дверей и куполовъ во вкусѣ того же стиля. Внутренность собора соотвѣтствуетъ самой внѣшности. Отъ главнаго храма, или такъ называемаго корабля, подъ куполомъ трибуна отдѣляются легкими арками на столбахъ два придѣльные престола. Въ средней части престолъ въ честь Воскресенія Христова, сѣверный,—во имя Тихвинскія Божіей Матери, южный,—въ память св. мученицы Александры, празднуемой 6 ноября. Три части храма, три его отдѣленія, три престола и три входа выражаютъ символическую его тройственность. Съ просторомъ въ храмѣ соединено полное его освѣщеніе изъ стѣнныхъ оконъ и трибуна, съ разнообразіемъ частей гармоническое единство цѣлаго, проявляющее идею храма. Поставленные на трехступенной солеѣ алтарные иконостасы главнаго и придѣльныхъ престоловъ украшены искусною рѣзьбою съ богатою позолотой, одни образа

въ нихъ старинные Греческаго стиля изъ прежняго иконостаса, другіе вновь написаны въ Фряжскомъ пошибѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательна богато украшенная древняя и досточтимая икона Тихвинскія Божіей Матери. Главный алтарь, хотя и не обширный, отличается своимъ великолѣпіемъ, его иконостасъ въ пять ярусовъ. Сводъ надъ престоломъ въ видѣ сѣни покоится на шести столбахъ, подъ мраморъ, которыми съ той и другой стороны отдѣляется южное и сѣверное предалтарія. На стѣнахъ и сводахъ алтаря, храма и трапезы олицетворены дѣянія изъ земной жизни Спасителя и лики Святыхъ опытною кистью Артарн, Мягкова и Өивейскаго. Въ приличныхъ мѣстахъ соотвѣтственныя изреченія Св. Писанія начертаны церковно-славянскимъ каллиграфомъ Леонтіемъ Лепешкинымъ. Къ пространной и свѣтлой трапезѣ примыкаетъ помѣстительный притворъ храма.

Другая церковь на востокъ, позади первой, двухъярусная, одноглавая съ тремя полукруглыми выступами на востокъ, она стоитъ на мѣстѣ прежней Покровской, строенной на царское иждивеніе; начата сооруженіемъ въ 1806 году и окончена въ 1814 году. Здѣсь престолы: вверху Покрова Божіей Матери, на правой сторонѣ Св. Апостоловъ Петра и Павла, на лѣвой святителя Николая, внизу святителя Іоны, по сторонамъ придѣлы: во имя преподобныхъ Илларіона великаго и Нила Столобенскаго. Такимъ образомъ церкви этой обители вмѣщаютъ въ себѣ, по чину девяти чиновъ ангельскихъ, девять престоловъ.

Трехъярусная колокольня на востокъ построена 1799 года, въ Нѣмецкомъ стилѣ, вышиною со шпилемъ и крестомъ 15 саженъ. Въ ней замѣчательны старые колокола, литые славнымъ въ свое время мастеромъ

Слизовымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ надписей, на полиелейномъ: «1750 году марта 28 день вылилъ се колоколъ во обитель Покрова Престыя Бцы, что при Москвѣ на убогихъ домѣхъ, при державѣ благочестивѣйшия и самодержавнѣйшия великия гдрни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссиской и при наследнике ея внука Петра перваго благовѣрном гдре и великом князе Петре Ѳеодоровиче и супруге его благовѣрной гдрне и великой кнгне Екатеріне Алексѣевне, вкладом бывшаго того мнтря строителя іеромонаха Силы впред для поминовения; весу внем 130 пуд, лил мастеръ Константинъ Михайловъ снъ Слизовъ». На будничномъ: «1747 году апреля 12 дня вылит сей колокол во обитель Покрова Пресвятые Бцы, что на убогом дому, стараніем строителя іеромонаха Силы; вкладчика Данилы Яковлева сна Земсково і протчих Христолюбивых дателей, вѣсу 66 пуд. 27 ф., лил мастер Констаитин Михайловъ снъ Сливовъ».

По правую сторону отъ входа въ монастырь двухъэтажные каменные покои настоятельскіе, а по лѣвую братскія келіи. Въ первыхъ бываютъ заупокойныя трапезы объ усопшихъ, положенныхъ на монастырскомъ кладбищѣ; зала нижняго этажа украшена собраніемъ гравированныхъ и литографированныхъ видовъ русскихъ монастырей, между которыми есть довольно рѣдкіе; а въ верхнемъ этажѣ собраніе гравированныхъ и литографированныхъ портретовъ Россійскихъ архіереевъ.

Церкви и колокольня, сооруженная въ одномъ стилѣ, представляютъ намъ этотъ старинный монастырь совершенно новымъ и красивымъ.

IV.

Церкви съ западной стороны окружены кладбищемъ, содержимымъ въ надлежащемъ порядкѣ. Могилы усопшихъ здѣсь на Божіей нивѣ, подъ покровомъ Божіей Матери и подъ сѣнію Креста.

Значительныя лица, погребенныя въ этомъ монастырѣ:

А. Подъ Покровскою церковію, въ придѣлѣ святителя Іоны митрополита:

1. Грузинскій митрополитъ Іона, сконч. 1821 года.

2. Грузинскій архіепископъ Пафнутій, ск. 1823 года. Грузинскаго царя Георгія XIII дѣти царевичи:

3. Илія, сконч. 1854 года.

4. Окропиръ, сконч. 1857 года.

5. Ираклій, сконч. 1859 года.

6. Имеретинскаго царя Соломона дщерь, Грузинскаго князя Конхосро - Абашидзе супруга царевна Дарія, сконч. въ 1827 году.

7. Коллежскаго совѣтника, дворянина и кавалера Алексѣя Ивановича Лобкова благочестивая супруга Александра Ивановна, а почтенный родитель его Иванъ Прокофьевичъ погребенъ на монастырскомъ кладбищѣ.

Подъ Воскресенскою церковію:

8. Неофитъ, митрополитъ Иліопольскій и Ливанскій, сконч. 1853 г.

9. Николай Петровичъ Хлѣбниковъ, сконч. 1806 г., и мать его генералъ-аудиторъ-лейтенантша Ирина Яковлевна Хлѣбникова, сконч. 1812 г. Надъ ними памятникъ изящной заграничной работы изъ бѣлаго мрамора, представляющій ангеловъ, въ ростъ человѣка, облокотившихся на урну.

10. Дѣвица Анна Дмитріевна Полторацкая, дочь г-жи Хлѣбниковой, скон. 1820 г. Ею, по завѣщанію ея ма-

тери, устроена при монастырѣ женская богадельня на 12 человѣкъ съ обезпеченіемъ капитала 7,114 руб. сер., нынѣ въ этой богадельнѣ подъ попеченіемъ монастыря находится 20 человѣкъ.

11. Варвара Дмитріевна Гурко, урожденная Полторацкая, ск. 1838 г.

12. Коллежскій ассесоръ Павелъ Степановичъ Лупандинъ, скон. 1850 г. Имъ пожертвованъ капиталъ 25,722 руб. сер. въ 1839 году на устройство богадельни: въ послѣдствіи, когда на этотъ капиталъ возрасло процентной суммы болѣе 20,000 руб., то и приступлено было къ постройкѣ другой богадельни, состоящей изъ двухъ-этажнаго каменнаго корпуса на 12 саженяхъ длины, гдѣ и помѣстится до 40 человѣкъ и болѣе.

На кладбищѣ:

13. Архимандритъ Можайскаго Лужецкаго монастыря Мефодій.

14. Архимандритъ Митрофанъ, Московскаго Богоявленскаго монастыря.

15. Николай, строитель Бѣлопесотскаго монастыря.

16. Геннадій }
17. Арсеній } бывшіе строители Давидовой пустыни.

18. Аѳанасій, бывшій строитель Давидовой пустыни.

19. Игуменіи: Аѳанасія Вознесенскаго монастыря.

20. Паисія }
21. Тавиѳа } Страстнаго монастыря.

Изъ дворянскихъ фамилій погребены: Яковлевъ, Серебряковъ, Ермоловы, Давыдовъ, Пичугинъ, Ивановъ, Фонъ-Визинъ, Булгаковъ, Акинфовы, Северинъ, Нечаевъ, Писаревъ, Леманъ, Ушакова, Коробанова, Шепипины, Гинглятъ, Пафнутьевы и т. д.

Московскаго купечества главная усыпальница здѣсь. Между ними много заслуживающихъ воспоминанія благочестіемъ, службою для общества и добродѣтелью. Близь входа въ Воскресенскую церковь покоится почетный гражданинъ Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ, скончавшійся въ 1849 году. Его пожертвованіемъ почти во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Московской губеніи процентами съ капитала ежегодно награждаются многія семейства бѣдныхъ мѣщанъ, особенно бѣдныхъ дѣвицъ при выходѣ въ замужество.

Въ мартѣ 1882 г., здѣсь погребенъ любитель и собиратель древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ статскій совѣтникъ Алексѣй Ивановичъ Хлудовъ.

Здѣсь также много покоится священниковъ приходскихъ церквей; монашествующіе мужескихъ и женскихъ монастырей, находящихся внутри города, большею частію, погребаются здѣсь.

На всемъ монастырскомъ кладбищѣ памятниковъ до трехъ тысячъ.

V.

Наконецъ приведемъ здѣсь извѣстныя намъ имена настоятелей Покровскаго монастыря:

Строитель Сергій, въ январѣ 1656 г.

Строитель Кириллъ, въ мартѣ 1662 г.

Строитель Ефремъ, въ сентябрѣ 1662 г.

Архимандритъ Спиридонъ Потемкинъ, скончался 2 ноября 1665 г.

Архимандритъ Прохоръ, 1665 и 66 г.

Архимандритъ Пахомій, прежде 1674 г.

Строитель Стефанъ, 1679 и 91 г.

Строитель Паисій, съ 1692 г.

Строитель Іаковъ, 1703.

Строитель Антоній Болотниковъ, 1704 и 5 г.

Строитель Іона, 1725 г.

Строитель Тимоѳей, 1726 г.

Строитель Онуфрій, 1728 г.

Строитель Ѳеоктистъ, въ 1731 г. уволенъ.

Игуменъ Діонисій, опредѣленъ 17 іюля 1731; упоминается 1738 г.

Игуменъ Ѳеофилъ, 1740 и 44 г.

Строитель Сила, 1747 г.

Игуменъ Арсеній, 1749 и 50 г.

Игуменъ Маркъ, 1754 и 56 г.

Игуменъ Іустинъ, 1758 г., а 28 іюня 1859 г. переведенъ въ Бѣлевскій Спасскій монастырь.

Игуменъ Сильвестръ Буявинскій, съ 1759 г. 9 апрѣля, 1768 г. переведенъ въ Лихвинскій Добрый монастырь.

Архимандритъ Транквиллинъ, 1768 и 70 г.; 22 октября переведенъ въ Новгородскій Антоніевъ монастырь.

Игуменъ Михаилъ, съ 1770 г.

Игуменъ Иринархъ Базилевичъ, послѣ въ Козелецкомъ Георгіевскомъ монастырѣ.

Строитель Аввакумъ, 1778 и 82 г.

Игуменъ Аѳанасій Ивановъ, въ 1782 и 86 г. переведенъ въ Заиконоспасскій монастырь.

Строитель Никонъ, въ 1786 и 88 г.

Игуменъ Ефремъ, въ 1793 г. исправлялъ должность намѣстника въ Троицкой Сергіевой лаврѣ.

Строитель Аверкій, 30 сентября 1769 г. изъ казначеевъ Троицкой лавры; въ январѣ 1805 г. возвратился и тамъ скончался.

Строитель Дороѳей въ 1805 и 6 г.

Строитель Іона изъ мѣщанъ, съ 1806 г. октября 20, въ игумены произведенъ 1825 года, и въ 1831 году за долговременную службу, не въ примѣръ своимъ предмѣстникамъ, возведенъ на степень архиманд-

рита, скончался 1833 года января 25, погребенъ за алтаремъ Покровской церкви. Противъ надгробнаго его памятника на мѣдной доскѣ начертано: «Противъ сего мѣста погребено тѣло Московскаго Покровскаго монастыря отца архимандрита Іоны, въ Бозѣ почившаго 25 генваря 1833 года, въ глубокой старости, на 78 году отъ рожденія своего. Сей ревностный мужъ отъ всѣхъ, кто только зналъ его, пріобрѣлъ любовь и почтеніе, обратилъ на себя вниманіе государя императора Александра I, который, при посѣщеніи мирныя обители сея, въ 1818 году, удостоилъ своего высочайшаго посѣщенія въ смиренной его келіи. Господи, пріими духъ его съ міромъ! Въ управленіи монастыремъ находился болѣе 26 лѣтъ.»

Архимандритъ Амвросій, изъ духовнаго званія, кончившій курсъ наукъ во Владимірской семинаріи и принявшій монашество въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Въ 1833 году марта 23 опредѣленъ строителемъ Покровскаго монастыря, въ игумены произведенъ 1836 года октября 4, за внѣшнее и внутреннее его устройство возведенъ 21 ноября 1840 г. въ санъ архимандрита съ присвоеніемъ ему лично степени третьеклассмаго монастыря, черезъ 13 лѣтъ скончался мая 11 на 61 г. отъ рожденія, и погребенъ подлѣ архимандрита Іоны.

Архимандритъ Іоанаѳанъ изъ духовнаго званія. По окончаніи курса наукъ во Владимірской семинаріи, поступилъ во священники 1821 года, а по овдовѣніи, принялъ монашество въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Изъ Московскаго Срѣтенскаго монастыря 1853 года мая 24 перемѣщенъ въ Покровскій. Черезъ шесть лѣтъ, по болѣзни, уволенъ, за болѣзнію, отъ должности и пребывалъ тамъ на покоѣ:

Архимандритъ Паисій Соколовъ. Онъ изъ дворянъ Тульской губерніи, воспитанникъ Московскаго Универ-

ситета. Въ сентябрѣ 1826 года, на 21 году отъ рожденія, принялъ монашество въ Краснослободскомъ монастырѣ Пензенской губерніи; исправлялъ разныя должности въ монастыряхъ, какъ-то: казначея и въ санѣ игумена благочиннаго десяти уѣздныхъ монастырей, въ санѣ архимандрита былъ намѣстникомъ каѳедральнаго Чудова монастыря, наконецъ опредѣленъ 1859 года августа 17, со степенью Лужецкаго второклассного монастыря, настоятелемъ Покровскаго, скончался 11 апрѣля 1866 г.

Игуменъ Венедиктъ въ 1866 г. переведенъ съ Перервы, скончался 31 іюля 1867 г.

Архимандритъ Ѳеодосій, синодальный ризничій, поступилъ 2 ноября 1867 г.; въ сентябрѣ 1871 г. переведенъ въ Соловки.

Архимандритъ Веніаминъ, въ маѣ 1872 г. переведенъ изъ Московскаго Срѣтенскаго монастыря.

VI.

Исторія сего монастыря не обильна событіями; изъ нихъ какъ мы видѣли, особенно важны въ ней: 1) обращеніе Убогаго дома въ царскій комнатный монастырь; 2) Причисленіе его, то къ Крутицкой, то къ Московской епархіи и 3) назначеніе его изъ божедомскаго въ училищный. Подобно какъ на другіе, такъ и на него имѣли значительное вліяніе учрежденіе Духовныхъ штатовъ и нашествіе Наполеона I въ 1812 году; не менѣе того достопамятны въ лѣтописи Покровскаго монастыря слѣдующія счастливыя и несчастныя событія, связанныя съ исторіею Москвы: царь Алексій Михайловичъ и сынъ его Ѳеодоръ посѣщали этотъ монастырь во время празд-

нованія Пасхи [44] и, по обычаю того вѣка, надѣляли строителя и старцевъ жалованьемъ своимъ, христосовались съ ними красными яицами. Такое посѣщеніе царей было торжествомъ для убогой обители.

Когда съ 1770 по 1772 годъ чума, или моровая язва сотнями и тысячами похищала жителей Москвы, тогда домы, улицы и площади наполнялись ея жертвами; въ казенныхъ зданіяхъ и даже въ монастыряхъ устроивались карантины и больницы, между прочимъ и въ Покровской обители, куда свозили очумѣвшихъ и сумнительныхъ; выздоровѣвшіе переводимы были оттуда въ архіерейскій домъ у Салтыкова моста [45]. Когда страхъ смерти овладѣлъ всѣми: въ стѣнахъ монастырскихъ курился можжевельникъ и навозъ. Монахи, сами готовясь къ смерти, зараженныхъ напутствовали исповѣдію и причащеніемъ Св. Таинъ. По прекращеніи чумы, очищенъ былъ монастырь, которому въ эту бѣдственную годину возвратилось первоначальное его значеніе Убогаго дома.

Въ 1812 году другую напасть испыталъ Покровскій монастырь. Предъ самымъ вступленіемъ непріятеля въ Москву, строитель Іона съ лучшимъ церковнымъ имуществомъ отправился въ Вологду, и тамъ въ Прилуцкомъ монастырѣ пребывалъ до изгнанія Наполеоновыхъ войскъ изъ древней нашей столицы; нѣкоторыя утвари и драгоцѣнности закладены были наглухо въ церковной палаткѣ. Въ беззащитномъ монастырѣ осталось нѣсколько монаховъ и служителей. 3 сентября непрія-

---

[44] Выходы государей, царей, изд. П. Строева. М. 1844, стр. 430 и 656.

[45] Описаніе моровой язвы въ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ. М. 1775, въ 4, стр. 53 и 105.

тели ворвались туда, разграбили церкви и кельи, у монаховъ допытывались, гдѣ скрыты церковныя сокровища и деньги; но не могли добиться ни угрозами, ни побоями. Въ этотъ же день вечеромъ сгорѣли монастырскіе сараи и мелкія строенія; 5 сентября непріятели, взявъ изъ монастыря пятерыхъ монаховъ, ими раздѣтыхъ и разутыхъ, выгнали ихъ за заставу и тамъ побоями истязывали ихъ, нѣтъ ли у нихъ денегъ. Отыскавъ у одного нѣсколько денегъ, зашитыхъ въ камилавкѣ, смертельно били его за то, что не объявилъ добровольно. Въ это время поселившійся въ монастырѣ непріятельскій генералъ со многими чиновниками и солдатами, поставили лошадей въ церквахъ. Одни непріятельскіе разноплеменные отряды смѣнялись другими, и не находя что здѣсь, какъ и въ другихъ церквахъ, ограбить, ругались надъ святынею; кололи и жгли св. иконы, вбивали гвозди въ лики Святыхъ, жертвенники и престолы употребляли вмѣсто столовъ, а потомъ изрубили и жгли. Искавши вездѣ въ монастырѣ скрытыхъ сокровищъ, 30 сентября затопили церковную печь и, какъ труба была закрыта вверху, то доискались входа наверхъ и тамъ нашли палатку, гдѣ спрятаны были оставшіяся церковныя утвари и ризы; все разграбили, золотой и серебряной газъ и позументъ споровъ съ ризъ, и самыя ризы употребляли на выжигу. Монаховъ непріятели гоняли на разныя работы, заставляли тоскать ноши; изнуренные и избитые разбѣжались не прежде первыхъ чиселъ октября [46]. Большую часть такого поруганія, кощунства и мучительства приписываютъ Полякамъ. Хотя

---

[46] Дѣло въ Архивѣ Моск. дух. консисторіи, 1817 г. октября 31, № 876.

всѣ принадлежности въ монастырѣ сгорѣли, но церкви и ограда уцѣлѣли отъ огня [47].

Для этой св. обители незабвенно внезапное ея посѣщеніе императоромъ Александромъ I. Онъ засталъ въ кельи строителя Іону въ одной власяницѣ, стоявшаго на молитвѣ. «Государь», сказалъ ему старецъ, съ простодушною смѣлостію; «въ чемъ засталъ, въ томъ и суди»!—«Я желалъ бы заставать въ такомъ занятіи и всѣхъ монаховъ», отвѣчалъ ему Александръ и, побесѣдовавъ съ нимъ нѣсколько времени, государь съ любопытствомъ обозрѣлъ монтстырь.

Прежде въ день празднованія Срѣтенію чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери, 21 мая, за Яузою сбирались отъ всѣхъ приходскихъ тамъ церквей съ крестами, иконами и хоругвями къ Покровскому монастырю, гдѣ начинался молебенъ, и расходились на два отдѣленія: одно шло къ Новоспасскому монастырю, и по совершеніи литіи, слѣдовало къ Яузскому мосту, а другое къ Спасоандроникову монастырю, и послѣ литіи всѣ соединялись у Яузскаго моста, при церкви св. Архидіакона Стефана и послѣ общаго молебна расходились къ своимъ приходскимъ церквамъ [48]. Въ первую холеру, свирѣпствовавшую въ Москвѣ, сдѣлались жертвою губительной болѣзни въ этомъ монастырѣ только 4 монаха.

Въ 1844 году іюля 12 случилось въ Покровскомъ монастырѣ необыкновенное событіе, которое можно признать чудеснымъ. Въ полдень нашла туча; молнія чрезъ верхнее окно Воскресенской церкви, пролетѣвъ въ ея внутренность, сдѣлала нѣсколько правильныхъ

---

[47] Въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс. Описаніе происшествій въ Московскихъ монастыряхъ 1812 г. М. 1859 г., кн. V.

[48] Крестные ходы въ Москвѣ. Ст. *И. Снегирева*. М. 1861 г., стр. 21.

круговъ. отпечатлѣвшихся на иконостасѣ; описавъ кругъ около образа Знаменія Божіей Матери и только оставивъ знаки на стеклѣ кіоты, изчезла. Съ того времени, каждую середу послѣ утрени, поютъ предъ этою св. иконою молебенъ съ акаѳистомъ.

Послѣ двухъ сотъ тридцати шести лѣтъ своего существованія въ Московскомъ мірѣ, ознаменованныхъ счастливыми и несчастными событіями, св. обитель сія, подъ покровомъ Божіей Матери находится въ цвѣтущемъ состояніи.

VIII.

ВОСКРЕСЕНСКІЯ ВОРОТА

ВЪ МОСКВѢ.

Статья И. М. Снегирева.

Лит. К Эрготъ. въ Москвѣ

ВОСКРЕСЕНСКІЯ ВОРОТА.

(ВЪ МОСКВѢ.)

ВОСКРЕСЕНСКІЯ ВОРОТА.

Въ сѣверной стѣнѣ, окружающей Московскій Китай-городъ, главныя ворота сіи составляютъ главный проѣздъ съ Тверской улицы въ такъ называемый *городъ*— это средоточіе торговли и промышленности. Отъ рѣки Неглинной, отъ Львинаго звѣринца и отъ Курятнаго ряду онѣ назывались то *Неглиненскими* или *Неглинными*, то *Львиными*[1], то *Курятными*; будучи расположены ввиду *Воскресенскаго монастыря, что на высокомъ*, (нынѣ Саввинское подворье) до нынѣ именуются *Воскресенскими*, а отъ чудотворной иконы Иверскія Божіей Матери въ часовнѣ—*Иверскими* и *Святыми*. Торжествованіе блистательныхъ побѣдъ Петра I и Екатерины II давали имъ значеніе, подобіе и названіе *Тріумфальныхъ*.

Какъ часть городскаго укрѣпленія, оно самою постройкою обнаруживаетъ свое первоначальное назначеніе, не смотря на позднѣйшія передѣлки. Ворота сіи складены изъ крѣпостнаго тяжеловѣснаго кирпича съ желѣзными связями и закрѣпами; въ толстыхъ стѣнахъ у обоихъ проѣздовъ еще остались желѣзные пробои

---

[1] На чертежѣ Москвы царевича Ѳеодора Годунова, отмѣчено Porta Naglinæ, quæ et porta leonum nominatur. см. Памятники Московской древности, изд. *И. Снегиревымъ*.

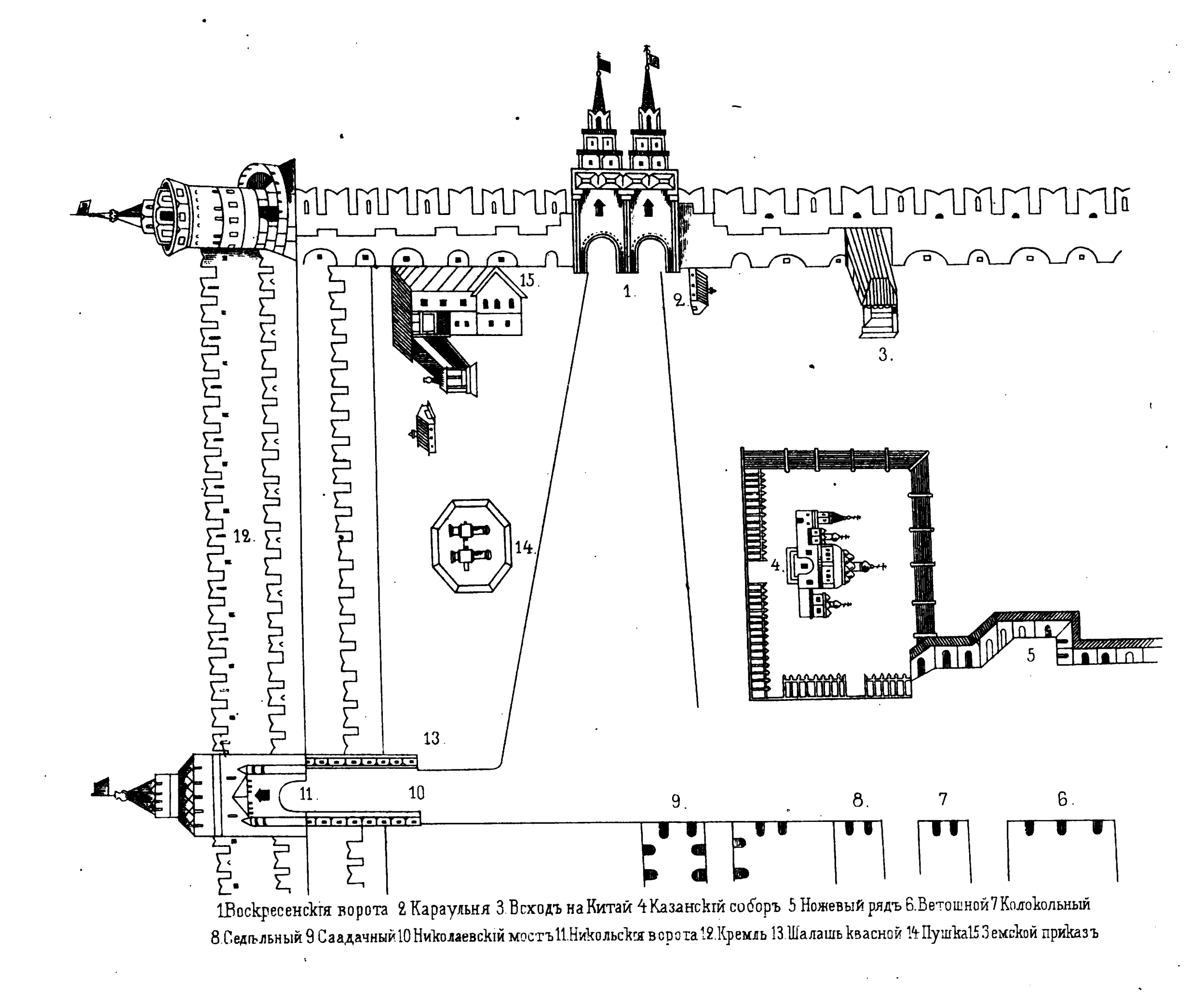
отъ двойныхъ воротъ, а въ аркахъ прорѣзы для опускныхъ рѣшетокъ, коими запирались сіи проѣзды. Подъ зубцами воротныхъ стѣнъ еще уцѣлѣли осадные стоки, черезъ кои осажденные лили на непріятелей кипятокъ и растопленную смолу, сѣру и свинецъ. Въ двухъ-ярусныхъ палатахъ и въ двухъ надъ ними осмигранныхъ башняхъ прежде помѣщались огнестрѣльныя орудія, или такъ называемый *огненный бой*, стояли пушкари и стрѣльцы въ случаѣ нападенія враговъ и осады; амбразуры, или пушечные и мушкетные бои обращены потомъ въ окна.

Объ основаніи новаго города Китая въ Москвѣ читаемъ въ Сѵнодальной лѣтописи, что въ 1534 году, повелѣніемъ великаго князя Ивана Васильевича и матери его Елены, и по благословенію митрополита всероссійскаго Даніила, начали строить, вмѣсто деревянной ограды, около «ближняго посада, каменную на «большее пространство богоспасаемаго и преименитаго «града Москвы и на большее его утвержденіе[1].»

Починный пунктъ этого города былъ на мѣстѣ нынѣшнихъ Воскресенскихъ воротъ; Сѵнодальная лѣтопись подъ 1534 годомъ удостовѣряетъ, что начали строить «по Неглинѣ въ верхъ къ Троицѣ, гдѣ ся поля били,» т. е. къ церкви Св. Троицы въ Старыхъ поляхъ, гдѣ бывали судебные поединки. Закладку этихъ первыхъ воротъ Китая торжественно, по чиноположенію, освятилъ митрополитъ, конечно, въ присутствіи великаго князя и княгини. Ворота сіи, на высокомъ берегу Неглинной, какъ обозначено на Годуновскомъ чертежѣ Москвы, были о двухъ проѣздахъ, безъ башенъ надъ ними.

---

[1] Софійскій временникъ, II, 379 и 380.



1Воскресенскiя ворота 2 Караульня 3 Всходъ на Китай 4 Казанскiй соборъ 5 Ножевый рядъ 6 Ветошной 7 Колокольный 8 Седѣльный 9 Саадачный 10 Николаевскiй мостъ 11 Никольскiя ворота 12 Кремль 13 Шалашъ квасной 14 Пушка 15 Земской приказъ

Въ нашествіе Поляковъ, подобно другимъ укрѣпленіямъ Китай-города, онѣ испытали разныя поврежденія. Изъ описи 1629 года видимъ, что углы и зубцы Неглиненскихъ воротъ разсѣлись и обломались, деревянныя ихъ кровли были снесены бурею. Въ описи 1646 года исчислены всѣ *порухи* этихъ воротъ Китай-города, требовавшія починки. Въ росписи Ѳедора Аладьина и на чертежѣ въ дѣлахъ Пушкарскаго приказа [3] (см. рисунокъ) обозначены, примыкавшія къ Неглиненскимъ воротамъ зданія; съ одной стороны ихъ пушечный ядерный навѣсъ, а въ кружалѣ его караульная пушкарская изба, далѣе Земскій приказъ, съ другой — Государевъ Сытный отдаточный примочный дворъ, пригороженный къ стѣнѣ, и дворъ Неглиненскихъ воротниковъ. У Неглиненскихъ воротъ близъ городовой стѣны, въ описи 1629 года приводятся лавки, скамьи и харчевни со всякимъ товаромъ, а по лѣвую сторону отъ въѣзда *Львиный дворъ*, огороженный надолбами, на томъ мѣстѣ, гдѣ была Яма, такъ называемая Временная тюрьма; ибо въ росписи Ѳ. Аладьина 1629 года означено, что «возлѣ стѣны къ городу въ рову *Дворъ Львиный* пригороженъ къ стѣнѣ.» [4] Въ немъ содержались львы, коихъ присылали въ даръ государямъ Россійскимъ сперва изъ Англіи въ 1556 году, [5] а потомъ изъ Персіи. Предъ самыми воротами протекала Неглинная тамъ, гдѣ теперь мостовая, Кремлевскій садъ и проѣзжая площадь; черезъ рѣку былъ деревянный мостъ на каменныхъ клѣткахъ, обставленный по обѣ стороны мелоч-

---

[3] Этотъ чертежъ въ листъ, сдѣланъ въ XVII вѣкѣ, по птичьему полету, чертежщикомъ Аѳанасіемъ Ѳоминымъ.

[4] Акты историч. III, № 157.

[5] Степенная книга. II, 283.

ными лавочками. Мостъ этотъ слылъ *Куратнымъ* и *Воскресенскимъ*; при немъ стояла мельница.

Въ царствованіе Θеодора Алексѣевича порухи и ветхости описываемыхъ нами воротъ увеличились до того, что онъ нашелъ необходимымъ разобрать сіи проѣзды и вновь построить; что̀ исполнено въ 1680 году. Вотъ что написано на страницѣ 452 въ книгѣ Пушкарскаго приказа 1680 года, принадлежавшей И. Н. Царскому, а нынѣ графу А. С. Уварову: Въ нынѣшнемъ во 188 году по указу великаго государя царя и великаго князя Θеодора Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, по Китаю городу неглиненскіе двои проѣзжіе ворота разобраны и дѣлаютъ тѣ ворота вновь, а на тѣхъ проѣзжихъ неглиненскихъ воротехъ написаны были на каменной стѣнѣ по левкасу, на первыхъ воротехъ, что отъ земскаго приказа, съ загородную сторону образъ Воскресенія Христова, а изнутри города образъ преподобнаго Сергія радонежскаго чудотворца, а на другихъ воротехъ, что отъ стрѣлецкой караульни, съ загородную сторону образъ св. великомученика Георгія, изнутри города образъ Петра митрополита московскаго и всея Россіи чудотворца. И нынѣ на тѣхъ неглиненскихъ воротехъ противъ прежняголь тѣ образы на каменной стѣнѣ по левкасу писать или тѣ образы поставить, написавъ на деревянныхъ дскахъ, и впредь тѣ ворота по прежнему ли неглиненскими или инымъ какимъ прозваніемъ писать. Великій государь царь и великій князь Θеодоръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ о томъ что укажетъ, а по Китаюжъ проѣзжіе ворота пишутся прозваніемъ тѣмъ, на которыхъ, воротехъ котораго святаго образъ написанъ: Николаевскіе, Ильинскіе, Варварскіе, Спасскіе двои что отъ Москвы рѣки. 188 года іюля въ 10

дей великій государь царь и великій князь Феодоръ Алексѣевичь, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, сей выписки слушавъ указалъ: по Китаю городу проѣзжіе двои ворота, которые дѣлають вновь, что напередъ сего писаны прозваніемъ неглиненскіе, писать впредь воскресенскими вороты, а неглиненскими не писать для того, что на тѣхъ воротехъ на стѣнѣ на левкасѣ написанъ былъ *настоящей* образъ Воскресенія Христова, и нынѣ тотъ образъ Воскресеніе Христово и достальные образы тѣхъ же святыхъ, которые на тѣхъ воротехъ написаны были, написать на декахъ самымъ добрымъ письмомъ и поставить въ кіотѣ. Докладную выписку и великаго государя указъ закрѣпилъ дьякъ Никита Полунинъ.[6]

Кромѣ св. иконы Воскресенія Христова, на загородной сторонѣ отъ Земскаго приказа, по указу царя, надъ ними изображены были добрымъ письмомъ въ кіотахъ: преподобный Сергій, великомученикъ Георгій, св. Ѳеодоръ Стратилатъ, Московскіе святители Петръ и Алексій; а въ срединѣ въѣздовъ, у башенной стѣны, какъ увидимъ далѣе, поставлена въ часовнѣ чудотворная икона Святой Вратарницы Аѳонской, Иверскія Божіей Матери. Поручая входы и исходы города охраненію Святыхъ, обыкновенно осѣняли верхи ихъ св. иконами. По сказанію Софійскаго лѣтописца, новый городъ Китай порученъ былъ охраненію «Пресвятыя Богородицы и великихъ чудотвор«цевъ Петра и Алексія.»[7] Еще видны были надъ во-

---

[6] См. Иверская Святая и чудотворная икона Богоматери на Аѳонѣ и списки Ея въ Россіи Д. Б. архимандрита Сергія. Москва, 1879 г. стр. 93.

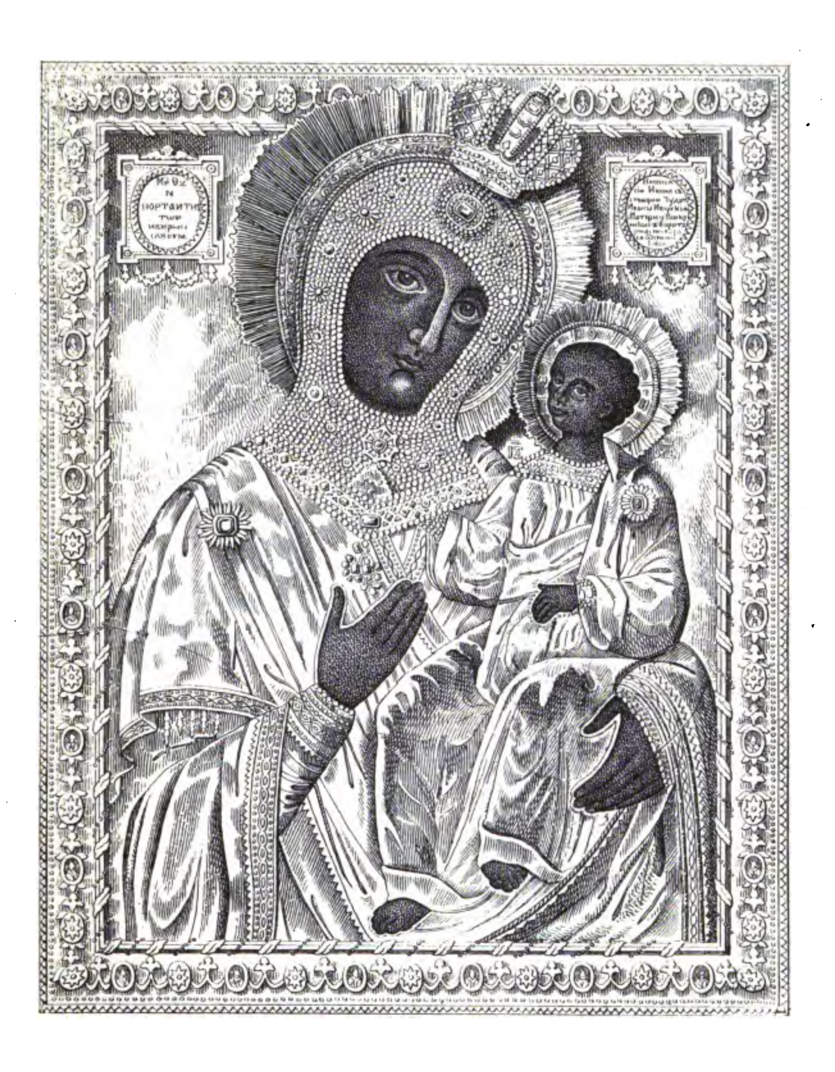
[7] Софійскій временникъ. II, 360.

ротами палаты съ наличниками для кіотовъ; но уже не было образовъ, какіе тамъ стояли. Въ 1727 году Сенатскій оберъ-секретарь И. Кириловъ такъ описываетъ намъ сіи ворота: «Первыя городовыя ворота Воскресенскія на «Тверскую улицу, съ двумя проѣздами; надъ ними палаты «съ двумя башнями: длиною 11 саженъ, шириною 4, вы«сотою 12 саженъ.» Въ Троицкій пожаръ 1737 года, обхвативш ій почти всю Москву, сдѣлались жертвою пламени не только это зданіе, но и смежныя съ нимъ приворотная палата, Казанская Австерія, палата Главной Московской Аптеки, Монетный дворъ и самый Воскресенскій мостъ съ мелочными лавками.[8] При возобновленіи Воскресенскихъ воротъ архитекторомъ И. Мичуринымъ и другими, хотя и сдѣланы въ ихъ фасадѣ нѣкоторыя измѣненія, но сохраненъ главный ихъ окладъ, данный имъ при постройкѣ ихъ вновь въ царствованіе Ѳеодора Алексіевича.

Крѣпостные сіи ворота, на ночь, или на случай осады, запирались двойными затворами изъ толстыхъ досокъ и брусьевъ, обитыхъ желѣзомъ, сверхъ того, какъ мы уже замѣтили, опускною желѣзною рѣшеткой, или герсами. При нихъ была караульня, изъ коей, какъ видно изъ указа 1728 г. 11 іюля, давались солдаты для выемокъ въ Москвѣ корчемнаго вина. Прежде при нихъ стояла главная гауптвахта, переведенная потомъ, при императорѣ Павлѣ I, въ Кремль къ Ивановской колокольнѣ. Въ старину Неглиненскіе воротники на ночь запирали сіи ворота, а къ утрени отпирали. Такъ бывало и въ 1545 году. Въ то время, какъ отперли Неглиненскіе ворота къ заутрени, князь Турунтай-Пронскій, покушавшійся бѣжать въ Литву, хотѣлъ было

---

[8] Дѣла о Троицкомъ пожарѣ въ Сенат. архивѣ.



выйти изъ города вмѣстѣ съ попами; но его тутъ поймали [9].

Въ 1652 году апрѣля 5 и іюля 3, по словамъ царя Алексія Михайловича, въ Москвѣ «многолюдно таково «было, что не вмѣстилися отъ Тверскихъ воротъ по «Неглиненскіе ворота, и по кровлямъ и по переулкамъ «яблоку негдѣ было упасть: нельзя ни пройти, ни про«ѣхать [10].» Такое стеченіе случилось при торжественномъ перенесеніи изъ Старицы въ Москву чрезъ Неглиненскіе ворота мощей перваго патріарха Іова и святителя Филиппа II, митрополита всероссійскаго изъ Соловковъ. Здѣсь встрѣчалъ гробы сихъ страстотерпцевъ благочестивый царь съ духовенствомъ и дворомъ.

Главнѣйшею достопамятностью и безцѣннымъ украшеніемъ Воскресенскихъ воротъ составляетъ Божественный ликъ Святѣйшей Вратарницы, т. е. Иверской Божіей Матери. Какъ на Аѳонѣ, такъ и въ Москвѣ Она осѣняетъ и освящаетъ врата, напутствуя благословеніемъ входы и исходы вѣрующихъ. По особенному усердію Никона, бывшаго тогда еще Новоспасскимъ архимандритомъ, икона сія, изображенная благочестивымъ старцемъ Ямвлихомъ Романовымъ, прислана въ Москву 1648 года октября 13, отъ Цареградскаго патріарха Парѳенія. У Воскресенскихъ воротъ вышли во срѣтеніе Аѳонской Святынѣ царь Алексій Михайловичъ со всѣмъ семействомъ, патріархъ Московскій Іосифъ съ духовенствомъ, сунклитъ, бояре и несчетное множество народа. Этотъ снимокъ съ Иверской иконы сперва поставленъ былъ въ монастырѣ Николы Стараго, что у Крестнаго цѣлованья, на Николь-

[9] *Карамз.* И. Г. Р. VIII, пр. 191.

[10] Акты Археограф. экспедиціи, III, № 57.

ской улицѣ. Тогда же сняты съ него точные списки для царя, царевенъ, патріарха и нѣкоторыхъ бояръ.[11] На поляхъ списка Аѳонскаго образа, стоящаго въ соборной церкви Новодѣвичьяго монастыря, Греческая надпись означаетъ, что онъ писанъ 1648 г. отцемъ Ямвлихомъ Романовымъ. Изъ Дворцовыхъ записокъ видимъ, что въ 1654 году икона Иверскія Божіей Матери находилась въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, откуда мая 15 того же года благочестивый царь Алексій Михайловичъ далъ Св. Путеводительницу въ напутствіе своему воинству, ополченному противъ Польскаго короля [12]. Потомъ вѣнценосный ревнитель вѣры и благочестія повелѣлъ перенести чудотворный образъ къ главнымъ воротамъ Китай-города, въ воспоминаніе мѣста, избраннаго самою Богоматерью въ Аѳонской обители. Въ 1669 году здѣсь устроена была часовня, куда 19 мая и поставлена чудотворная икона. При перестройкѣ Неглиненскихъ воротъ въ 1680 году, для часовни сдѣлано было на внѣшней ихъ сторонѣ кружало, или печура въ стѣнѣ между двухъ проѣздовъ, къ ней пристроена деревянная храмина съ чуланомъ. Эту часовню приписали къ Николо - Перервинскому монастырю, гдѣ духовное уѣздное училище содержится на доходы, получаемые отъ Иверской иконы.

Хотя Сѵнодальнымъ указомъ 1722 года и уничтожены были многія часовни въ Москвѣ; но Воскресенская оставалась, по особенному благоговѣнію народа къ чудотворной иконѣ. Въ дѣлахъ Коллегіи Экономіи 1742 года она такъ описывается: «при Курятныхъ воротахъ часовня въ стѣнѣ, убранная столяр-

[11] Сказаніе о чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери, сочин. графа М. Толстова. 1843, въ 12.

[12] Повседневныя дворцовыя записки, II, 240.

ною работой; при ней деревянный чуланъ.» Въ царствованіе Екатерины II она перестроена, а при Александрѣ I благолѣпно украшена. Здѣсь чудотворный образъ постоянно пребывалъ 143 года, только, по набожному усердію и вѣрѣ, носили его на рукахъ и возили въ каретѣ въ домы жителей Московскихъ. Предъ самымъ вступленіемъ непріятелей въ Москву, Святыня эта, около полуночи, взята была изъ часовни и вмѣстѣ съ чудотворною иконою Владимірскія Божіей Матери, вывезена викаріемъ Московской митрополіи Августиномъ сперва во Владиміръ, потомъ въ Муромъ, оттуда, вскорѣ по выходѣ непріятелей изъ Москвы, возвращена была древней столицѣ и, 10 ноября того же года, ее перенесли съ крестнымъ ходомъ на прежнее мѣсто. [13] Здѣсь Москвичи, пережившіе роковую четыредесятницу, встрѣтили Аѳонскую Святыню со слезами радости и умиленія.

Святая икона сія, какъ мы замѣтили, точное подобіе Иверской въ Аѳонѣ, своей величиной, рисункомъ и пошибомъ письма. На правой Ея ланитѣ изображена язва, нанесенная Святому лику однимъ варваромъ: Она источила кровь. Пораженный этимъ варваръ сдѣлался строгимъ подвижникомъ, всю жизнь оплакивалъ свой грѣхъ, и по кончинѣ наименованъ святымъ. На поляхъ образа начертано: ἡ Πορταΐτισσα τῶν Ἰβήρων, ἐλεοῦσα, т. е. Вратарница Иверская, милостивая. Вмѣсто прежняго золотаго оклада, въ 1790 году, по содѣйствію и благословенію Московскаго митрополита Платона, устроена г. Твердышевымъ богатѣйшая золотая риза съ вѣнцами, вѣс. 27 ф. $59^1/_2$ золотниковъ. Кромѣ того, чудотвор-

---

[13] Очерки жизни Москов. архіепископа Августина, писан. *И. Снегиревымъ*. М. 1848, въ 8.

ній этотъ образъ украшенъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, кои съ каждымъ годомъ умножаются отъ приношенія усердствующихъ. Предъ нимъ теплится множество серебряныхъ лампадъ. Чудеса, коими онъ прославленъ, внесены въ рукописную книгу, хранящуюся въ часовнѣ.

По примѣру Иверскаго Аѳонскаго монастыря, въ память явленія этой Св. иконы совершается празднество во вторникъ Святой недѣли, сверхъ того, 12 февраля. Почти безпрерывно служатъ Богоматери молебны и каждый день вечеромъ поютъ общій молебенъ, а на Свѣтлое Воскресеніе — утреню. Часовня отъ ранняго утра до поздняго вечера полна молящихся; рѣдко кто изъ православныхъ, входя въ городъ, или выходя изъ него, не зайдетъ въ нее для поклоненія Заступницѣ рода христіанскаго: отправляется ли кто въ дорогу, пріѣзжаетъ ли въ Москву, приступаетъ ли къ какому важному дѣлу — является сюда просить благословенія у Божіей Матери; въ скорби и бѣдѣ молить Ее о заступленіи, а за полученныя благодѣянія принести Ей жертву хвалы и благодаренія. За отсутствіемъ чудотворнаго образа изъ часовни, на мѣстѣ его ставится точный съ него списокъ, потому что благоговѣйные чтители Святыни, болящіе, удрученные старостью, или терпящіе какую напасть призываютъ Святыню сію въ домы свои для молитвословія, для утѣшенія въ горестяхъ, для уврачеванія недуговъ и для освященія жилищъ своихъ. На обѣтныя молебствія въ торговыхъ рядахъ, въ улицахъ и на площадяхъ, вмѣстѣ съ другими, особенно чтимыми, иконами, поднимаютъ и чудотворный образъ Иверскія Божіей Матери.

Боговѣнчанные, благочестивые цари наши и августѣйшіе члены императорскаго дома, при всякомъ

въѣздѣ въ древнюю столицу, останавливаются у Воскресенскихъ воротъ и въ часовнѣ возносятъ молитвы свои Царицѣ Небесной. Здѣсь обыкновенно ожидаютъ царственныхъ посѣтителей толпы москвичей и привѣтствуютъ ихъ громкими восклицаніями. Крестный ходъ, совершаемый въ октябрѣ на память изгнанія непріятелей изъ Москвы въ 1812 году, шествуетъ изъ Кремля къ Иверской часовнѣ и оттуда беретъ Св. образъ, который обносятъ вокругъ стѣнъ Кремлевскихъ.

Такимъ образомъ мѣсто это, освященное и прославленное присутствіемъ Святыни, сдѣлалось отраднымъ перепутьемъ для вѣрующихъ, воспріемникомъ обѣтовъ, свидѣтелемъ моленій, прощеній, чудесъ и благодареній.

При этомъ возобновляются въ памяти замѣчательныя событія, коими ознаменованы сіи главные ворота Китай-города. Когда Москва въ первый разъ узрѣла невиданныя дотолѣ тріумфальныя шествія, въ подражаніе Римскимъ тріумфамъ: тогда воротамъ симъ дано и названіе тріумфальныхъ, по просторѣчію, *трухвальныхъ*. 1704 года декабря 19 при тріумфальной встрѣчѣ, по взятіи Нарвы у Шведовъ и другихъ городовъ, Петръ I встрѣченъ былъ при Воскресенскихъ воротахъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ въ Преображенскомъ мундирѣ и митрополитомъ Рязанскимъ Стеѳаномъ Яворскимъ съ духовенствомъ. Митрополитъ привѣтствовалъ побѣдителя ученою рѣчью, на воротахъ играла музыка, при чемъ дѣвицы пѣли разныя аріи[14].

При цѣломѣсячномъ празднованіи Нейштадскаго міра со Швеціей въ 1721 году, они испещрены были аллегорическими картинами, статуями и надписями.

---

[14] См. „Китай“ въ портфеляхъ А. Ѳ. Малиновскаго въ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

Отъ Петербургскаго въѣзда чрезъ нихъ проходила въ тріумфальномъ шествіи цѣлая флотилія, особо устроенная на подобіе настоящей, съ распущенными парусами, при звонѣ колоколовъ по всей Москвѣ, при громѣ пушекъ, при звукѣ музыки и барабановъ, съ коими сливались радостныя восклицанія народа. При Синодальныхъ вратахъ встрѣтили вѣнценосснаго побѣдителя и миротворца все знатное духовенство въ богатыхъ облаченіяхъ, герцогъ Голштинскій, Правительствующій Сенатъ и генералитетъ. Школьники въ бѣлой одеждѣ пѣли, при гласѣ трубномъ и мусикійскомъ, пѣсни, сочиненныя на разныхъ языкахъ къ этому торжеству. Царь остановился ихъ выслушать. Отъ имени Святѣйшаго Сѵнода вице-президентъ его, архіепископъ Новгородскій и Великолуцкій Ѳеодосій привѣтствовалъ торжествующаго императора слѣдующимъ словомъ:

«Дѣлателю благій! понеже благодатію, свыше Тебѣ «данною, имѣешь отъ всевеликоименитыхъ дѣлъ Твоихъ похвалу, превосходящую всякія риторскія силы: «того ради мы, нижайшіе богомольцы Твои, не смѣемъ оныя здѣ словомъ умножать, да некогда что отъ «неискуства умалимъ, токмо отъ доброхотнаго и «раболѣпнаго сердца нашего привѣтствуемъ Тебѣ: снѣдай во здравіи многолѣтномъ неиждиваемые плоды «трудовъ Твоихъ, и насыщай тѣми чада Твоя, Отче «отечества! да насытятся оныхъ и благополучнѣйшіе «наслѣдники Твои, отъ чреслъ Твоихъ происходящіе, «въ роды родовъ, всесмиренно желаемъ [15].»

Въ этихъ же воротахъ, убранныхъ на подобіе тріумфальныхъ, срѣтало знатнѣйшее духовенство и Правительствующій Сенатъ императора Петра II, императ-

---

[15] Дѣянія Петра Великаго, т. VIII, стр. 62 и 63.

рицъ: Анну, Елисавету и Екатерину II, прибывшихъ изъ новой столицы въ древнюю для воспріятія Св. мyропомазанія на царство; чрезъ нихъ и донынѣ государи Россійскіе шествуютъ въ Москву на коронованіе. Для вшествія императрицы Елисаветы Петровны въ Москву въ 1742 году Воскресенскіе ворота, какъ изнутри, такъ и снаружи около каменныхъ стѣнъ убраны были, подъ присмотромъ Коллегіи Экономіи, на что изъ Штатсъ-Конторы выдано было 507 руб., да архитектору Бланку за смѣту и присмотръ въ награжденіе 50 р. А такъ какъ въ тѣхъ воротахъ находилась въ каменныхъ стѣнахъ часовня и въ ней придѣланъ былъ деревянный чуланъ, то онъ былъ на нѣкоторое время отнесенъ прочь, и въ ту часовню оставленъ свободный людямъ входъ, какъ было прежде, и образъ, написанный на стѣнѣ выше часовни, оставленъ былъ по прежнему. Между другими работами, по обѣимъ сторонамъ воротъ сдѣланы были 10 пилястръ Дорическаго ордена съ капителями, базами и пьедесталами, сверхъ воротъ вырѣзаны были 4 замочка, или шлюстика, и къ нимъ подцѣплены съ обѣихъ сторонъ фестоны изъ ельника, малеванныя точеныя груши, яблоки, сливы и прочее на подобіе фруктовъ. Около стоячаго при тѣхъ воротахъ образа фестоны рѣзные. Ворота выкрашены были чернядью свѣтлою, а карнизы, пилястры и прочее бѣлою краскою съ разметанными сѣрыми жилами, на подобіе мрамора. Независимо отъ того ворота были украшены 32 знаменами, взятыми изъ Главнаго Коммисаріата; внутри стѣны воротъ были убраны сорока коврами; въ окнахъ были помѣщены 38 прозрачныхъ картинъ, писанныхъ на холстѣ живописцемъ Иваномъ Васильевымъ, которому заплочено было за нихъ 170 руб., да въ осмерикѣ подъ шпицомъ 12 же прозрачныхъ картинъ;

иллюминованы ворота были 500 плошками; за 12 картинъ ему же Васильеву заплачено было 30 р., а за плошки 20 р.[16] Въ 1775 году прибыла въ Москву торжествующая Екатерина II праздновать славный миръ съ Оттоманскою Портой, пріобрѣтенный славными побѣдами. Тогда и *Всероссійское дворянство* и *Московское купечество* воздвигли въ честь побѣдительницы и миротворицы двое тріумфальныхъ воротъ. Къ торжественному шествію императрицы въ древнюю столицу Воскресенскія ворота украшены были символическими изображеніями въ духѣ и вкусѣ того времени; въ этихъ картинахъ олицетворялись великія и знаменитыя событія. Съ пріѣзда, на правой сторонѣ воротъ представленъ былъ крылатый Сатурнъ съ косою на плечахъ и съ песочными часами въ рукѣ; позади его стояла Исторія въ видѣ крылатой жены; правою рукою она писала на хартіи, поданной ей Славою, годы побѣдъ и знаменитыхъ дѣлъ Екатерины II, 1769, 1770, 1771 и 1774; въ лѣвой Мнемозина держала большую книгу съ начертанными на ней словами: *Лѣтопись Россійская.* На этой картинѣ блистала надпись: *слава вѣчная.* Средняя картина представляла Минерву съ копьемъ въ одной рукѣ, въ другой съ циркулемъ, коимъ измѣряла лежащій предъ нею земной шаръ при подножіи двуглаваго орла. Третья картина изображала жену подъ покрываломъ, съ кадиломъ въ рукѣ, какъ символами закона и вѣры. Геній мира, увѣнчанный лаврами, съ оливкою вѣтвію, поднималъ сію жену, удрученную игомъ. Надпись гласила: *помогаетъ притѣсненнымъ.* На картинахъ внизу по обѣимъ сторонамъ виднѣлись: скипетръ, обвитый шелковицею и змѣей, также мечъ, украшен-

---

16 См. Дѣло Прав. Сената въ Моск. Арх. Минист. Юстиц.

ный лавровою вѣтвію, какъ символы милосердія, благоразумія, мужества и побѣды. На послѣдней же картинѣ, съ правой стороны представлялась жена въ стѣнной коронѣ (in corona murali), въ богатой одеждѣ, стоящая на колѣняхъ предъ жертвенникомъ: это былъ символъ Москвы. Позади ея возвышался обелискъ съ именемъ Екатерины II и съ надписью: *къ прибытію монархини*. На картинѣ, выставленной на внутренней сторонѣ воротъ, написаны были: 1) Меркурій съ жезломъ въ правой рукѣ; а въ лѣвой съ хартіей, гдѣ начертаны слова: *миръ возвѣщаю*; а въ надписи: *торговля нынѣ процвѣтаетъ*. 2) Богиня согласія въ вѣнкѣ изъ оливъ одною рукою держитъ кадило, другою ведетъ богиню Изобилія, которая сыплетъ колосья. Имъ предстоитъ богиня Любви въ бѣлой одеждѣ съ пламенѣющимъ сердцемъ въ рукѣ; около ея ластятся дѣти. Надпись: *Такъ процвѣтаетъ общее благо* [17].

Къ коронаціи императоровъ Павла I и Александра I славный декораторъ Гонзаго великолѣпно украшалъ Воскресенскіе ворота живописными картинами, пилястрами и аллегорическими фигурами.

Проѣзжіе ворота сіи въ Москвѣ, подобно *вратамъ правды* у Израильтянъ [18], были свидѣтелями карательнаго правосудія. Петръ I, ѣхавшій ночью въ розвальняхъ встрѣчаетъ боярскій рыдванъ въ шесть лошадей, который опрокинулъ розвальни соборнаго діакона. Вмѣсто того, чтобы поднять опрокинутаго, кучеръ прибилъ его. Въ это время розвальни государевы прибыли къ воротамъ; кучеръ и лакей, увидя ихъ, кричали:

---

17 Descriptions des tableaux allégoriques qui ornent les deux arcs de triomphes, nouvellement érigés par la noblesse et les marchands de la ville de Moscou. Moscou. 1775, in 8.

18 *Псал.* CXVII, 19.

«а тамъ что за чертъ въ розвальняхъ?» — «Не равенъ «чертъ въ розвальняхъ,» отвѣчалъ государь и тотчасъ велѣлъ деньщику своему поднять опрокинутыя розвальни, а кучера и форейтора отколотить палкою; на другой день поутру послалъ деньщика къ боярину съ выговоромъ за потворство своимъ холопамъ и съ приказаніемъ еще наказать виновныхъ, а дьякону заплатить 50 рублей [19].

Сентября 16-го 1771 года, не было въ Москвѣ выпаденія кроваваго дождя; но изъ Воскресенскихъ воротъ по канавамъ кровь текла ручьями въ Неглинную. Вмѣстѣ съ чумою тогда кипѣлъ бунтъ; мятежная толпа буйствовала въ Кремлѣ и Китаѣ. Когда не подѣйствовали на нее ни увѣщанія, ни угрозы начальства: тогда Еропкинъ, добровольно принявшій на себя управленіе городомъ, вынужденъ былъ выставить пушки на Красной площади и стрѣлять картечью по мятежникамъ, бѣжавшимъ къ Воскресенскимъ воротамъ, гдѣ они потерпѣли сильное пораженіе [20].

Въ срединѣ двухъ-этажнаго каменнаго зданія Присутственныхъ мѣстъ, на лѣвой сторонѣ со въѣзда отъ часовни, гдѣ теперь купеческія лавки, былъ прежде входъ въ Яму съ желѣзною дверью и рѣшеткой. Сюда-то 1775 года выводимъ былъ на день лютый Пугачевъ, Донской казакъ и раскольникъ, выдававшій себя за императора Петра III и пролившій рѣки крови человѣческой. Онъ былъ скованъ по рукамъ и ногамъ, сверхъ того опоясанъ желѣзнымъ обручемъ съ цѣпью. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, толпы народа сходились къ Воскресенскимъ воротамъ смотрѣть это-

---

19 Дѣянія Петра Великаго соч. *Голикова*, изд. 2, XV, ст. 76 и 77.

20 Сообщено мнѣ очевидцемъ, бывшимъ оберъ-секретаремъ Сената Д. А. Бороздинымъ. И. С.

го злодѣя, ужаснаго и въ оковахъ, такъ что, если онъ ими потрясалъ, то женщины, упрекавшія его за убійство кровныхъ своихъ, падали въ обморокъ. Было 10 января, 1775 года, какъ отсюда этотъ самозванецъ повезенъ былъ на мѣсто казни: судъ приговорилъ его къ четвертованію. Помолясь предъ часовнею Иверской Божіей Матери, онъ поклонился на всѣ четыре стороны и воскликнулъ къ народу: «Виноватъ предъ Богомъ и государыней! Простите меня, православные!» Въ толпахъ народа раздались тогда разные голоса: «Богъ тебя проститъ! — Богъ тебя судья, злодѣй, ты убійца, ты замучилъ моего отца, моего мужа, моего сына, моего брата» и т. д. Пугачевъ былъ средняго роста, среднихъ лѣтъ, въ плечахъ широкъ, лицемъ сухощавъ, конопатъ и смугловатъ, волосы на головѣ всклокоченные, темнорусые, остриженные по казацки, усы широкіе, борода малая, черная, клиномъ, глаза большіе, черные, на соловой лазури, чрезвычайно быстрые, носъ прямой, лобъ морщиноватый. На немъ былъ пестрый шелковый халатъ, а сверхъ его нагольный бараній тулупъ. Скованный Пугачевъ сидѣлъ со свѣчею въ рукѣ на эшафотѣ, поставленномъ на большія сани, подлѣ него палачъ съ топоромъ, насупротивъ его чиновникъ и священникъ: одинъ долженъ былъ прочитать ему смертный приговоръ, а другой напутствовать его къ вѣчности. Его сопровождали, отсюда до мѣста казни на Болотѣ, отрядъ кирасировъ и толпы народа [21].

---

[21] Нѣкоторыя изъ свѣдѣній заимствованы мною отъ очевидцевъ этого событія: оберъ-секретаря Сената Д. А. Бороздина, отъ профессора З. А. Горюшкина и отъ моего прадѣда колл. ассес. И. С. [illegible]. См. Исторію Пугачевскаго бунта V т. сочиненій *А. Пушкина*, Спб. 1838, въ 8; *Рычкова* обстоятельное описаніе Яицкихъ казаковъ и бунта

Такъ, въ теченіи двухъ безъ малаго вѣковъ, городскія ворота сіи были безмолвными свидѣтелями благочестія и правосудія, торжества наукъ, народной любви къ царю и отечеству. Хотя имъ и суждено было раздѣлять печальный жребій древней столицы въ пожарѣ 1737 г. и въ нашествіе враговъ 1812 г., но они вскорѣ возобновлялись и мерзость временнаго запустѣнія не нарушила ихъ священнаго значенія. Въ вѣкъ преобразованія Россіи Петромъ I, борьбы старины съ новизною, въ стѣнахъ ихъ представилось необычайное позорище осмѣянія древнихъ причудливыхъ обрядовъ и обычаевъ, описанное современникомъ тому Желябужскимъ. Мы хотимъ сказать о трехъ-дневномъ праздновании свадьбы остроумнѣйшаго Ѳеофилакта (Ивана) Шанскаго, многотерпѣвшаго шута и смѣхотворца, женившагося въ 1702 г. на сестрѣ князя Юрія Ѳеодоровича Шаховскаго [22]. Самъ императоръ принималъ участіе въ такомъ шествіи, имъ затѣянномъ и устроенномъ, по его вкусу къ подобнымъ потѣхамъ. Тамъ онъ одѣтъ былъ по старинѣ, въ бархатный опашень, въ охабенѣ изъ вишневой зуфи, сверхъ его ферезь камчатная; на головѣ была шапка заячья, черная, на ногахъ сапоги желтые, сафьянные. Въ свадебномъ поѣздѣ были бояре съ боярынями, окольничіе, думные стольники и дьяки въ мантіяхъ, ферезяхъ и горлатныхъ шапкахъ. Лице царя представлялъ князь кесарь Ромодановскій въ старинной царской одеждѣ, лицо царицы—жена Бутурлина, а патріарха—Князь-Папа,

---

Пугачевскаго, въ рукоп. у А. А. Медынцева. Ср. Записки Державина въ Русской бесѣдѣ, кн. 2, 1859 г. И. С.

[22] Гравированный эстампъ, изображающій свадебный столъ шута, находившійся въ портфеляхъ Снегирева. См. Дѣянія Петра Великаго изд. 2, т. II, 54 и 58.

прозванный также патріархомъ Пресбургскимъ, Заяузскимъ и всего Кукуя, т. е. Нѣмецкой слободы, учитель Петра I Зотовъ. «Первая ночь у новобрачныхъ», говоритъ Желябужскій, «была на башнѣ у Курятныхъ «воротъ, и тутъ пили три дня» [23]. Настоятельно подчивали же гостей по старинѣ, только горячимъ виномъ и крѣпкимъ пивомъ и медомъ. Послѣдствія такого подчиванья для нѣкоторыхъ были печальныя. Вѣроятно, по случаю вышеназванной свадьбы, какъ видно изъ дѣлъ Оружейной Палаты, «въ 1702 году генваря въ 11 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича на Воскресенскихъ воротахъ, что въ Китаѣ городѣ, Казеннаго приказу закройщикъ Герасимъ Ушаковъ, да рядовыхъ портныхъ мастеровъ семь человѣкъ наряжали три палаты сукнами шиптухи красными», за ту работу заплачено двадцать алтынъ [24].

При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ до 1731 года, въ палатахъ верхняго шпица башни помѣщалась пробирная лабораторія Монетнаго двора; здѣсь же была отведена плавильщику Василію Дмитріеву палатка, гдѣ онъ сплавливалъ вольноприносящія отъ купецкихъ людей Турецкія и Татарскія серебряныя деньги; а въ царствованіе Елисаветы Петровны первая гражданская типографія, гдѣ начато печатаніе отъ Московскаго Университета Московскихъ газетъ 1756 года, апрѣля 26. Въ этотъ же день, съ вечера до полночи, Воскресенскіе ворота и смежное съ ними въ Китаѣ - городѣ красивое зданіе прежней Аптеки были освѣщены многими тысячами лампъ и плошекъ; инструментальная музы-

---

[23] Записки *Желябужскаго*, стр. 209, въ Запискахъ Русскихъ людей Спб. 1841 г. въ 8. Дѣянія Петра Великаго, соч. *Голикова*, изд. 2. М. 1837, стр. 54 и 55.

[24] Столбецъ Оруж. Палаты 1-го разряда, № 28, годъ 1702.

ка гремѣла въ палатахъ, трубы и литавры звучали на башнѣ. Прозрачная картина предъ зданіемъ изображала Парнасскую гору, гдѣ Минерва воздвигала обелискъ во славу Августѣйшей покровительницы искусствъ и наукъ. У подножія обелиска младенецъ, окруженный символами просвѣщенія, начертывалъ имя Шувалова. Множество народа, привлеченнаго необыкновеннымъ зрѣлищемъ, толпилось около Воскресенскихъ воротъ. Токово было здѣсь торжественное открытіе гимназіи Московскаго Университета [25], подъ сѣнію Иверскія Божіей Матери. Въ 1766 г. это помѣщеніе для Университета оказалось тѣснымъ, вслѣдствіе чего сюда переведена была Главная Аптека съ Моховой улицы, а для Университета устроены помѣщенія на Моховой же, гдѣ онъ и по сіе время находится.

Смежное съ Воскресенскими воротами зданіе, въ которомъ, какъ мы упомянули, помѣщалась Аптека, составляло украшеніе Китай города; лицевая его сторона, обращенная къ Казанскому собору, была усѣяна разноцвѣтными кафелями съ затѣйливыми изображеніями. Невѣжественная рука замалѣвала эти кафели. Въ послѣднее время въ этомъ зданіи помѣщались Московская Городская Шестигласная Дума и нѣкоторыя другія учрежденія. Строеніе это, лишенное необходимой ремонтировки, преждевременно ветшало. Было предположеніе устроить здѣсь Городскую Думу. Въ 1874 году городъ повергъ нижайшую просьбу Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Александру Александровичу принять это зданіе и мѣстность для Высочайше утвержденнаго Музея Имени Его Высочества. Наслѣдникъ престола благосклонно

[25] С.-Петербургскія вѣдомости 1755 г., № 39.

на это соизволилъ. Приходившее въ разрушеніе зданіе было разобрано и на этой мѣстности воздвигается Историческій Музей по проекту инженера Семенова и академика Шервуда.

Въ началѣ мы упомянули, что надъ воротами были св. иконы, сгорѣвшія въ пожаръ 1737 года. Давно уже выражаемо было желаніе на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ вновь помѣстить св. иконы; желаніе это въ настоящее время осуществилось, иконы съ Высочайшаго соизволенія поставлены усердіемъ крестьянина А. И. Дорыкина и живописца В. И. Петрова на обозначенныхъ мѣстахъ, а именно: отъ Воскресенской площади надъ правымъ проѣздомъ преп. Сергій и св. Алексій митрополитъ Московскій, надъ лѣвымъ св. великомуч. Георгій и св. Петръ митрополитъ Московскій; отъ Красной площади надъ правымъ проѣздомъ св. Ѳеодоръ Стратилатъ и св. Филиппъ митрополитъ Московскій, надъ лѣвымъ св. Александръ Невскій и св. Іона митрополитъ Московскій; на мѣстѣ временной часовни образъ Воскресенія Христова; всѣ образа писаны вышеупомянутымъ В. И. Петровымъ. Возстановленная эта Святыня будетъ не однимъ только историческимъ воспоминаніемъ, но и постояннымъ назидательнымъ побужденіемъ обращаться съ молитвою къ Богу, хранящему, по словамъ псалмопѣвца, «вхожденіе и исхожденіе вѣрующихъ, исповѣдающихъ во вратѣхъ Святѣйшее Его имя».

Существовавшая до сего года часовня Иверской Божіей Матери, построенная въ 1781 году все болѣе и болѣе приходила въ ветхость; по Высочайшему повелѣнію она была возобновлена и 13 сентября 1881 года совершено было освященіе часовни высокопреосвященнымъ митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ въ присутствіи Московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова и Московскаго губернатора В. С. Перфильева. Обширныя

площади съ обѣихъ сторонъ, примыкающія къ Иверской часовнѣ почти сплошь были заняты богомольцами. Особенно торжественно было мгновеніе когда чудотворная икона Богоматери, переносимая духовенствомъ изъ временной часовни въ возобновленную, появилась изъ воротъ. Тысячи народа осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ благоговѣйно преклонились предъ Чудотворною Покровительницею града Москвы. Св. икона была установлена предъ входомъ въ часовню. Началось освященіе. Между тѣмъ площадь все болѣе и болѣе наполнялась богомольцами. Умилительно было зрѣлище часовни залитой огнями безчисленныхъ свѣчей и наполняемой волнами кадильнаго дыма. Когда окончилось освященіе часовни, чудотворная икона Божіей Матери была поднята духовенствомъ и установлена на прежнее мѣсто. Послѣ молебствія было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому.

IX.

ТУШИНСКІЙ ВОРЪ.

Статья Г. В. Есипова.

Тушинскій воръ.

I.

По большой дорогѣ отъ Москвы въ города заштатный Воскресенскъ и уѣздный Волоколамскъ, въ 15 верстахъ отъ столицы, на низменномъ мѣстѣ, близь Москвы рѣки, въ два ряда избъ излучисто тянется селеніе Тушино до самой рѣки Всходни.

Въ 1382 году оно принадлежало знатному Кіевскому вельможѣ Родіону Нестеровичу Квашнѣ, который спасъ жизнь великому князю Іоанну Даниловичу въ битвѣ съ Тверитянами подъ Переславлемъ и за это получилъ *«въ область кругъ рѣки Всходни на 15 верстахъ.»* Въ 1536 году село это перешло во владѣніе храбраго воеводы *Тушина*, отъ котораго, вѣроятно, и получило свое прозваніе. По кончинѣ воеводы Тушина, оно досталось по наслѣдству дочери его княгинѣ Телятевской. Она, по постриженіи въ 1570 г. въ монахини, отказала въ духовной *свою отчину* Преображенскому монастырю на поминъ усопшихъ отца своего и брата Тушиныхъ.

Отъ Тушина, на протяженіи почти двухъ верстъ, лежитъ отлогая возвышенность, называемая *старою го-*

рою. Она съ лѣвой стороны отъ большой дороги образуетъ высокій берегъ надъ Москвою рѣкою, съ котораго представляются взору живописныя окрестности. Здѣсь, на этомъ обрывистомъ берегѣ, существовалъ Спасо-Преображенскій монастырь, состоявшій въ зависимости отъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры. Время учрежденія этого монастыря неизвѣстно. Въ выпискѣ изъ лѣтописей княженія Василія Дмитріевича, подъ 1390 годомъ упомянуто такъ: «*весною, въ великій постъ, умеръ Иванъ Родіоновичъ* (сынъ Кіевскаго вельможи Квашни), названный *въ монашествѣ Игнатіемъ и погребенъ въ монастырѣ на Всходнѣ.*» Слѣдовательно эта древняя обитель существовала еще до 1390 года и подверглась раззоренію въ смутныя времена Тушинскаго вора. Изъ монастырскихъ зданій оставались въ первой половинѣ XVII вѣка только двѣ разграбленныя церкви; вотъ что находимъ мы объ немъ въ писцовыхъ книгахъ 7131 (1623) и 7132 (1624) годовъ: «*Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря вотчина село, что былъ монастырь Всходня, на рѣкѣ на Москвѣ, а въ немъ церковь Преображенія Господня съ трапезою каменною, раззоренъ, да другая церковь Андрея Стратилата каменная шатромъ вверхъ.*» Мѣстное преданіе, кажется, не безошибочно сохранило извѣстіе, что когда-то Преображенская церковь была близка къ разрушенію и бывшій въ ней престолъ замѣнилъ мѣсто престола Андрея Стратилата. Самая же церковь подверглась разрушенію, такъ что не осталось и слѣдовъ ея существованія. Въ настоящее время отъ всего монастыря виденъ только кой-гдѣ щебень и мусоръ, мѣстами подъ землею встрѣчается кирпичный фундаментъ. Вся мѣстность, на которой расположенъ былъ монастырь, совершенно измѣнилась;

она была ровная, а теперь съ юго-восточной и юго-западной сторонъ вѣшнія воды прорыли два глубокіе оврага до уровня Москвы-рѣки и церковь, которую мы представляемъ въ рисункѣ, стоитъ на обрывистомъ треугольникѣ, заключающемъ въ себѣ не болѣе 300 квадратныхъ саженъ. Обрывъ къ Москвѣ рѣкѣ у самой церкви грозитъ опасностію храму Божію, земля съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе осыпается и если не обратятъ со временемъ на это вниманія, то церковь рушится въ Москву рѣку.

Съ уничтоженіемъ монастыря и гораздо послѣ, церковь Преображенская сдѣлалась приходскою, и тогда устроили при ней деревянную трапезу съ придѣломъ преподобнаго Сергія, въ память бывшей зависимости монастыря отъ Свято-Троицкія Сергіевы лавры. Близь церкви расположено селеніе *Спасское*. До начала настоящаго столѣтія церковныя колокола висѣли надъ алтаремъ на звонницѣ, подъ аркою, на кирпичныхъ столбахъ и звонили съ земли. Въ 1804 году, вмѣсто деревянной трапезы, устроена каменная и въ то же время, по возведеніи колокольни, нынѣ существующей, столбы и арка надъ алтаремъ разобраны, старые колокола перелиты. Въ 1849 году стараніемъ бывшаго священника этой церкви Алексѣя Касаткина и усердіемъ прихожанъ, распространена трапеза и устроенъ придѣлъ. При церкви не сохранилось ни древнихъ утварей, ни книгъ; замѣчателенъ по древности образъ Рождества Богородицы. На погостѣ монастырскомъ, какъ видно, были надгробные камни; два изъ нихъ, вырытые неизвѣстно кѣмъ и когда, лежатъ при входѣ въ храмъ съ сѣверной стороны, надписи на нихъ изгладились совершенно. Еще сохранились камни: одинъ, замѣняю-

щій подоконницу въ алтарѣ; на немъ уцѣлѣло слѣдующее: «преставися рабъ Божій Анфимъ;» но ни званія усопшаго, ни времени его преставленія не обозначено; другой, при входѣ въ трапезу, на немъ читаемъ: «лѣта 6100 (1592) іюля 1 преставися Пелагея Третнева.» Упомянутый нами священникъ Касаткинъ разсказывалъ своимъ дѣтямъ, что во время постройки каменной трапезы, при рытіи ямы, для творенія извести, на глубинѣ двухъ аршинъ, найдена была большая каменная плита съ древнею надписью. Ее не тронули съ мѣста; но священнику удалось прочесть только время кончины погребеннаго — будто бы 1390 годъ. Кто знаетъ, не надгробный ли это камень Ивана Родіоновича Квашни? Много подобныхъ камней употреблено было на фундаментъ трапезы и колокольни, много такихъ, можетъ быть, скрывается еще и теперь подъ землею.

За селомъ Спасскимъ, въ разстояніи четверти версты, между молодымъ березникомъ, видно до 50 кургановъ вышиною отъ 5 до 7 аршинъ. Старожилы говорятъ, что они съ того времени, *какъ воевали Поляки*. Крестьянинъ, думая найдти кладъ, разрылъ одинъ изъ кургановъ; но вмѣсто сокровищъ, нашелъ однѣ только человѣческія кости.

На сѣверѣ въ близкомъ разстояніи отъ села Спасскаго есть покатистая возвышенность, которая слыветъ подъ названіемъ *Цариковой горы;* при скатѣ ея у рѣки Всходни, по дорогѣ въ село Братцово, она принимаетъ наименованіе *Святой горы*. Почему? не сохранилось въ преданіи.

Отъ Тушина по пути къ селу Спасскому, вправо отъ большой дороги, возлѣ высокаго и крутаго берега рѣки Всходни, былъ монастырскій скотный дворъ. Отъ

Лит. К. Эрготъ.

ВИДЪ ЦЕРКВИ ВЪ СЕЛѢ СПАССКОМЪ.

него остался только рытый, въ видѣ прямоугольника, прудъ, окруженный землянымъ валомъ; прудъ и теперь еще наполненъ водою.

Въ самомъ селѣ Тушинѣ была когда-то церковь въ честь Рождества Богородицы. По преданіямъ, уже болѣе ста лѣтъ какъ она не существуетъ, и храмовая икона перенесена въ приходскую Спасо-Преображенскую церковь, гдѣ она и теперь находится, какъ мы выше замѣтили, на южной стѣнѣ при входѣ изъ трапезной въ настоящую церковь. Тамъ же, гдѣ стояла прежде церковь въ Тушинѣ, на деревянномъ срубѣ, покрытомъ тесовою крышей, водруженъ ея надглавный крестъ. Сюда, по усердію прихожанъ, съ давняго времени, совершаются изъ Спасо-Преображенской церкви крестные ходы 20 іюля, 6 августа и 8 сентября.

Вся эта, описанная нами мѣстность, памятна въ исторіи нашего отечества временемъ *Тушинскаго вора*.

Мы передадимъ вкратцѣ эти событія. 17 мая 1606 года въ день убійства Лжедимитрія, одинъ изъ убійцъ Ѳедора Годунова, Михайло Молчановъ, съ двумя поляками бѣжалъ изъ Москвы къ Литовскимъ границамъ, разглашая по дорогамъ, что онъ царь Димитрій, спасается изъ Москвы и что вмѣсто его убили ошибкою другаго человѣка. Онъ достигъ *Самбора*, гдѣ жила мать Марины Мнишекъ и съ согласія ея продолжалъ распространять въ народѣ свою выдумку. Слухи о спасеніи царя Димитрія дошли до Путивльскаго воеводы князя Григорія Шаховскаго, который былъ личнымъ врагомъ Василія Ивановича Шуйскаго, возведеннаго на царскій престолъ послѣ Лжедимитрія. По вліянію Шаховскаго, Путивль объявилъ себя за *спасеннаго* царя Димитрія. Къ Путивлю пристали другіе сѣверскіе города̀.

Смуты, которыя могли бы прекратиться съ уничтоженіемъ Лжедмитрія, снова захватили всю Россію. Шуйскій послалъ увѣщевать сѣверскіе города—они не слушались. Послали войско. Князь Иванъ Михайловичь Воротынскій осадилъ Елецъ, князь Юрій Трубецкой Кромы; но подъ Кромами, Болотниковъ *) съ 1300 человѣкъ разбилъ 5000 царскаго войска, бывшаго подъ начальствомъ Трубецкаго. Служилые люди, составлявшіе тогда царское войско, не хотѣли больше сражаться, разъѣхались по домамъ и возстаніе на югѣ сдѣлалось повсемѣстное. Боярскій сынъ сотникъ Истома Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ, Каширу; взбунтовалось противъ Шуйскаго и княжество Рязанское, въ главѣ бунта были воеводы Григорій Сунбуловъ и дворянинъ Прокофій Ляпуновъ. Сверхъ того 20 городовъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Орловской, Калужской и Смоленской передались на сторону новаго Самозванца. Возмутились холопы и крестьяне на восточной Украйнѣ, въ странахъ приволжскихъ, въ Украйнѣ сѣверской. Къ нимъ присоединились инородцы. Нижній-Новгородъ былъ осажденъ Мордвою, холопами и крестьянами. Волненіе коснулось областей Вятской и Пермской. Князь Хворостининъ, въ Астрахани, сталъ за Самозванца.

Но гдѣ же былъ этотъ Самозванецъ, за котораго поднимались сѣверскіе и другіе города? Молчановъ,

---

*) Болотниковъ, - холопъ Черниговскаго воеводы князя Андрея Телятевскаго, въ молодости былъ въ плѣну у турокъ. Освободившись, бѣжалъ въ Венецію, оттуда въ 1606 году пробрался въ Польшу. Здѣсь онъ представился къ Молчанову и посланъ былъ отъ него какъ царскій повѣренный къ Шаховскому, который далъ ему начальство надъ отрядомъ войскъ. Болотниковъ былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сподвижниковъ новаго Самозванца и набиралъ для него войска.

какъ мы видѣли, былъ въ Самборѣ. Князь Шаховской, руководившій этимъ дѣломъ, послалъ изъ Тулы звать къ себѣ Молчанова. Но Молчановъ не согласился принять на себя эту роль — и князь Шаховской послалъ за другимъ Самозванцемъ, къ казакамъ, за царевичемъ Петромъ. Замѣчательно, что казакамъ въ это смутное время особенно нравились Самозванцы, и такимъ образомъ въ Астрахани объявился царевичь Августъ, потомъ князь Иванъ, сказался сыномъ Грознаго отъ Колтовской; тамъ же явился царевичь Лаврентій; сказался внукомъ Грознаго отъ царевича Ивана; въ степныхъ юртахъ явились: царевичь Ѳедоръ, царевичь Клементій, царевичь Савелій, царевичь Семенъ, царевичь Василій, царевичь Ерошка, царевичь Гаврилка, царевичь Мартынка,—все сыновья царя Ѳедора Іоанновича.

Царевичъ Петръ, съ которымъ казаки, отправлялись въ Москву еще при жизни Лжедимитрія, узнавши о смерти его возвратились было домой, но по вызову Шаховскаго, явились съ Запорожцами въ Тулу. Здѣсь сосредоточились всѣ военныя силы Самозванца и были уже многочисленны.

Шуйскій собралъ 100000 войска и 21 мая 1607 года выступилъ самъ изъ Москвы, предводительствуя оными. При рѣкѣ Вормсѣ онъ одержалъ побѣду и Шаховской, Болотниковъ и Лжедимитрій скрылись въ Тулу. Царь осадилъ этотъ городъ. Осажденные, въ отчаяніи писали въ Польшу къ друзьямъ *Мнишка*, чтобъ поскорѣе высылали какого-нибудь самозванца Лжедмитрія. «Отъ границы до Москвы все наше», писали они, «придите и возмите, только избавьте насъ отъ Шуйскаго.»

Поляки отыскали Самозванца, который въ исторіи нашей извѣстенъ подъ прозваніемъ *Тушинскаго вора*.

Откуда былъ этотъ человѣкъ и кто-такой, никто не зналъ навѣрное. Ходили разные слухи: одни говорили, что онъ поповъ сынъ Матвѣй Веревкинъ изъ Сѣверской страны, другіе, что онъ поповичь Дмитрій изъ Москвы отъ церкви Знаменія на Арбатѣ, другіе, что онъ сынъ князя Курбскаго, иные царскій дьякъ — школьный учитель Иванъ изъ города Сокола, другіе, что онъ жидъ, иные, что онъ сынъ Стародубскаго служилаго человѣка. Одно только вѣрно, что этотъ второй Лжедимитрій не былъ похожъ на перваго, и былъ человѣкъ грамотный, начитанъ въ Священномъ Писаніи. Иностранные писатели называютъ его безбожнымъ, грубымъ, жестокимъ, коварнымъ, развратнымъ, способнымъ къ преступленіямъ всякаго рода, недостойнымъ носить имя даже и ложнаго государя.

Впервые онъ показался въ Бѣлорусскомъ мѣстечкѣ Пропойскѣ, гдѣ былъ схваченъ какъ лазутчикъ и посаженъ въ тюрьму. Здѣсь онъ объявилъ о себѣ, что онъ Андрей Андреевичь Нагой, родственникъ убитаго на Москвѣ царя Димитрія, скрывается отъ Шуйскаго и просилъ, чтобъ его отослали въ Стародубъ. Просьба его была исполнена. Изъ Стародуба Самозванецъ послалъ товарища своего подъячаго Александра Рукина разглашать по Сѣверскимъ городамъ, что царь Димитрій живъ и въ Стародубѣ. Въ Путивлѣ жители обратили вниманіе на разсказы Рукина и послали дѣтей боярскихъ въ Стародубъ удостовѣриться въ правдѣ. Мнимый *Нагой* началъ отпираться. Стародубцы пригрозили ему пыткою и хотѣли уже его брать, но Самозванецъ схватилъ палку и закричалъ: «Ахъ, вы? еще вы меня незнаете. Я государь!» Стародубцы упали ему въ ноги и закричали: «виноваты, государь, передъ тобою.»

Стародубцы начали давать деньги своему государю и разсылали по другимъ городамъ грамоты, чтобъ высылали къ нимъ ратныхъ людей на помощь царю. Самозванецъ же, съ своей стороны, посылалъ грамоты къ Литовскимъ городамъ съ просьбою о помощи: «въ первый разъ», писалъ онъ, «я съ Литовскими людьми Москву взялъ, хочу и теперь идти къ ней съ ними же.»

Собралась къ Самозванцу дружина, онъ поставилъ начальникомъ надъ нею поляка Мѣховецкаго. Въ концѣ августа пришелъ къ нему изъ Литвы панъ Будзило, хорунжій Мозырскій, но дружина была еще малочисленна и Лжедимитрій не могъ идти на освобожденіе Тулы, куда призывали его, какъ мы видѣли, Шаховской, Болотниковъ и лже-Петръ.

Это замедленіе рѣшило судьбу мятежниковъ.

Муромскій боярскій сынъ Кровковъ, или Кравковъ предложилъ Шуйскому затопить Тулу, запрудивъ рѣку Упу—царь согласился; тогда Кровковъ велѣлъ каждому изъ ратныхъ людей привести по мѣшку съ землею и началъ прудить рѣку; вода обступила городъ, влилась внутрь его, пресѣкла всѣ сообщенія жителей съ окрестностями. Насталъ голодъ и Болотниковъ съ лже-Петромъ 10 октября 1607 года сдались царю съ условіемъ помилованія. Не смотря на данное царемъ обѣщаніе, Болотникова сослали въ Каргополь и тамъ утопили; Шаховскаго сослали на Кубенское озеро въ пустынь; лже-Петра повѣсили, объ участи Телятевскаго мало извѣстно.

Шуйскій, вмѣсто того, чтобъ двинуться на Самозванца и истребить его, возвратился съ торжествомъ въ Москву.

Между тѣмъ самозванецъ набралъ до трехъ тысячъ войска, пришелъ подъ Козельскъ и здѣсь, напавъ въ расплохъ, разбилъ отрядъ царскаго войска. Потомъ къ нему присоединились изъ Кіевской украйны Воловской съ 1000 человѣками отъ князя Романа Рожинскаго, Тышкевичь съ 1000 человѣками поляковъ, князь Вишневскій, знаменитый Лисовскій и другіе. Самозванецъ засѣлъ въ Орлѣ. Присоединились еще 3000 Запорожцевъ и 5000 Донцевъ подъ начальствомъ Заруцкаго.

Въ маѣ 1608 года Самозванецъ взялъ Болховъ. Отсюда черезъ Козельскъ, Калугу, Можайскъ и Звенигородъ Лжедимитрій шелъ къ Москвѣ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Царь выслалъ было противъ него войско подъ начальствомъ князя Скопина-Шуйскаго и Ивана Никитича Романова. Они расположились на рѣкѣ Незнани между Москвою и Калугою, но въ войскѣ открыли заговоръ: князья Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкой и Иванъ Троекуровъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, хотѣли передаться Самозванцу; заговорщиковъ схватили, пытали, знатныхъ разослали въ города по тюрьмамъ, незнатныхъ казнили; но царь велѣлъ войску не встрѣчать Самозванца, а идти къ Москвѣ.

1 іюня 1608 года Лжедимитрій съ войскомъ своимъ приблизился въ столицѣ и остановился надъ рѣкою Москвою,—потомъ перешли рѣку и остановились у села Тайнинскаго, потомъ отправился на Тверскую дорогу, разбилъ здѣсь царское войско и перешелъ на Волоколамскую дорогу; здѣсь онъ наконецъ выбралъ удобное мѣсто для стана въ *Тушинѣ*, между рѣками Москвою и Всходнею. Царское войско въ числѣ 70 тысячъ стояло въ это время на рѣкѣ Ходынкѣ, самъ царь съ дворомъ и отборными полками стоялъ на Прѣснѣ.

Гетманъ Рожинской, начальствовавшій войсками Самозванца, рѣшился вступить въ Москву; напалъ на царское войско, ночью, врасплохъ, захватилъ весь обозъ и гналъ бѣгущихъ до самой Прѣсни; но тутъ бѣгущіе, подкрѣпленные полками царскими, остановились и, въ свою очередь, погнали Поляковъ вплоть до рѣки Химки; здѣсь Поляки остановились и ударили на Русскихъ, — отогнали ихъ за Ходынку, а сами возвратились въ свой *Тушинскій станъ*. Опасаясь нападенія, они окопали свой станъ, обставили частоколомъ, подѣлали башни и ворота.

Неуспѣвъ овладѣть Москвою, Самозванецъ къ зимѣ укрѣпился въ Тушинѣ; у него въ это время собралось польскаго коннаго войска 18.000, пѣхоты 2000, казаковъ Запорожскихъ 13.000 Донскихъ 15.000, кромѣ Русскихъ людей, которыхъ Поляки не любили держать въ станѣ, не довѣряя имъ.

Польскихъ купцовъ бывало иногда при Тушинѣ тысячь до трехъ, они стояли особымъ станомъ.

Къ зимѣ начали рыть землянки, для лошадей подѣлали стойла изъ хвороста и соломы. Для продовольствія подѣлили завоеванныя волости между отрядами и огромные обозы по первому пути потянулись къ Тушину, — везли чего только душа хотѣла, говоритъ одинъ изъ Тушинскихъ Поляковъ писателей. Потомъ наскучило жить въ землянкахъ, начали брать изъ ближнихъ деревень избы и ставить ихъ въ обозѣ, у инаго было двѣ и три избы, а въ землянкахъ устроили погреба. Сюда пріѣхали къ нему Марина Мнишекъ съ отцомъ своимъ снова промышлять Русскую царскую Корону. Царю, царицѣ и Мнишку построили среди стана хоромы, жить имъ было просторно, и станъ Тушинской превратился въ городъ.

Марина Мнишекъ съ отцомъ своимъ, послѣ истребленія Гришки Отрепьева, сперва находилась въ Москвѣ, потомъ была отправлена съ родственниками въ Ярославль, а отсюда, когда былъ заключенъ договоръ съ Польшею, ее и отца отпустили въ Польшу, подъ прикрытіемъ тысячнаго отряда. Самозванецъ послалъ Зборовскаго перехватить ее. Зборовскій нагналъ Мнишка подъ Бѣлою, разбилъ провожавшій его Московскій отрядъ и воротилъ Мнишка съ семействомъ. Но Марина не хотѣла ѣхать прямо въ Тушино, а отправилась сперва въ станъ Сапѣги и оттуда только, послѣ заключенія различныхъ условій, явилась въ Тушино и неизвѣстнаго бродягу, совершенно непохожаго даже лицомъ на Гришку Отрепьева, признала прежнимъ своимъ мужемъ, царемъ Димитріемъ.

Сапѣга съ Лисовскимъ отправились осаждать Троицкій монастырь.

Страшное было для Россіи время. Два царя! одинъ въ Тушинѣ, другой въ Москвѣ. Не доставало еще другаго патріарха, чтобы мутить болѣе Россію: Тушинской воръ и это сдѣлалъ. Въ Тушино привезенъ былъ изъ плѣну Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичь Романовъ. Самозванецъ принудилъ его объявить себя патріархомъ Московскимъ и разсылать грамоты по своему патріаршеству, т. е. по областямъ, признававшимъ Самозванца.

Вскорѣ начались въ Тушинѣ несогласія. Полякъ Мѣховецкій врагъ Рожинскаго, пріѣхалъ въ Тушино съ видами начальствовать войскомъ. Зная вражду Рожинскаго, онъ скрывался въ домѣ Самозванца. Рожинскій явился съ своими товарищами въ домѣ и убилъ Мѣховецкаго. Самозванецъ разсердился, но Рожинскій

Марина Мнишекъ.

Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета Киліана.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛ. ПЕР., Д. 11—2 ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 16 ЯНВАРЯ 1885 Г.

велѣлъ ему сказать, что и ему свернетъ голову. Шатко было положеніе Самозванца между Поляками; возстановилъ онъ противъ себя и города Русскіе, ему преданные, не сдержавъ своего обѣщанія.

Въ первое время онъ объявилъ обѣщаніе покорившимся городамъ: царское жалованье, деньги, помѣстья, духовенству тарханныя грамоты и освобожденіе отъ всѣхъ царскихъ податей и сборовъ. Теперь же онъ разослалъ въ каждый городъ по Поляку и Русскому съ грамотами о сборѣ разныхъ податей. Поляки (въ Ярославлѣ) врывались въ дома знатныхъ людей, въ лавки къ купцамъ, брали товары безъ денегъ, обижали простой народъ на улицахъ. Жестокость и безнравственныя неистовства Поляковъ надъ жителями городовъ и селъ ожесточали Русскій народъ. Много пролилось крови на землѣ Русской!

И въ самой Москвѣ было неспокойно: Шуйскаго не любили, и въ февралѣ 1609 года сдѣлано было нѣсколько неудавшихся попытокъ къ сверженію его съ престола. Объ этомъ знали въ Тушинѣ подробно черезъ перебежчиковъ изъ Москвы, а столица спаслась только потому, что въ Тушинѣ вся зима 1608-1609 года прошла въ смутахъ, въ бунтахъ, что и помѣшало Самозванцу дѣйствовать рѣшительно противъ Москвы. При томъ и силы Самозванца были раздѣлены подъ Новгородомъ, подъ Троицкою лаврою, подъ Коломною, по большимъ дорогамъ къ Москвѣ. Подъ Москвою происходили стычки частыя и мѣлкія; въ одной изъ нихъ Рожинскій получилъ тяжелую рану, отъ которой послѣ никогда не могъ оправиться.

Лѣтомъ, въ самый Троицынъ день, Тушинцы подошли было къ Москвѣ, но царь выслалъ противъ нихъ все

свое войско съ пушками и гуляй-городами (подвижные дубовые городки на возахъ, въ которыхъ сидѣли стрѣльцы и стрѣляли въ отверстія). Сперва поляки одержали побѣду, овладѣли гуляй-городками, но потомъ Москвичи отбили городки и ворвались было въ самое Тушино, но здѣсь, на Химкѣ, ихъ остановилъ Заруцкой своими Донскими казаками. Много Поляковъ было взято Москвичами, и царь послалъ въ Тушино предложеніе Полякамъ, что онъ плѣнныхъ ихъ освободитъ, только чтобъ Поляки покинули Самозванца и вышли изъ Московскаго государства. Поляки отвѣчали: «скорѣе помремъ, чѣмъ наше предпріятіе оставимъ; дороги намъ наши родные и товарищи, но еще дороже добрая слава.»

Между тѣмъ Шуйскій заключилъ договоръ съ Швеціею, которая обязывалась дать царю въ помощь 2000 конницы и 3000 пѣхоты подъ начальствомъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Шведы выполнили этотъ договоръ; кромѣ 5000 наемнаго войска выставили еще около 10.000 разноплеменнаго сброда подъ начальствомъ Якова Делагарди. Царь Московскій за эту помощь обязался, между прочимъ, помогать съ своей стороны королю Шведскому противъ Польши.

II.

Договоръ Шуйскаго съ Швеціею возбудилъ негодованіе Польскаго короля и Сигизмундъ послалъ войско на Московское государство съ цѣлію посадить на престолъ Русскій сына своего Владислава. Онъ былъ убѣжденъ въ успѣхѣ: Польскіе послы, возвратившись изъ Москвы, увѣряли короля, что бояре за него, что стоитъ только

показаться съ войскомъ въ предѣлахъ Московскихъ и бояре прогонятъ Шуйскаго и возведутъ на престолъ королевича Владислава.

Вступленіе Сигизмунда съ войскомъ въ Россію произвело волненіе въ Тушинѣ. Поляки видѣли, что походъ короля не въ пользу Самозванца. Гетманъ Рожинскій собралъ *Коло* и уговорилъ товарищей дать другъ другу присягу не входить съ королемъ въ переговоры и не оставлять Димитрія. Всѣ потомъ подписали условіе и отправили къ королю пословъ Мархицкаго съ товарищами съ просьбою выдти изъ Московскаго государства и не мѣшать ихъ предпріятію.

Въ это же время и король послалъ въ Тушино своихъ пословъ уговаривать Поляковъ, что имъ лучше служить природному своему государю, чѣмъ искателю приключеній и что они должны прежде всего заботиться о выгодахъ своего отечества и Литвы. За это обѣщались имъ богатыя награды. Русскимъ король обѣщалъ охраненіе вѣры, обычаевъ, законовъ и имуществъ и тоже награды, если они перейдутъ къ нему. Тушинское посольство имѣло неудачу передъ королемъ и возвратилось. Вскорѣ послѣ нихъ пріѣхали въ Тушино и послы королевскіе. Переговоры сопровождались сильнымъ волненіемъ. Самозванецъ былъ въ это время въ самомъ унизительномъ положеніи. Поляки ругались надъ нимъ, называя его обманщикомъ, мошенникомъ. Онъ пытался было бѣжать изъ Тушина съ русскими приверженцами, но Рожинскій догналъ его на дорогѣ, и привезъ назадъ въ Тушино, гдѣ и держалъ его подъ строгимъ надзоромъ. Одинъ разъ, 27 декабря 1609 года, Лжедимитрій рѣшился спросить у Рожинскаго: о чемъ идутъ переговоры съ королевскими послами? Тотъ въ нетрез-

вомъ видѣ отвѣчалъ ему: «а тебѣ что за дѣло, за чѣмъ коммисары пріѣхали ко мнѣ? чортъ знаетъ, кто ты таковъ? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ». При этомъ Рожинскій грозилъ ему даже побоями.

Въ тотъ же день (27 декабря) ночью, Лжедимитрій рѣшился покинуть Тушино. Переодѣвшись въ крестьянское платье, въ навозныхъ саняхъ онъ отправился въ Калугу съ шутомъ своимъ Петромъ Кошелевымъ. Онъ остановился въ монастырѣ близь Калуги, и послалъ къ жителямъ города нѣсколько монаховъ съ слѣдующимъ извѣстіемъ: «Поганый король (Польскій) неоднократно требовалъ отъ меня страны Сѣверской, называя ее вмѣстѣ съ Смоленскимъ своею собственностію: но какъ я не хотѣлъ исполнить этого требованія, опасаясь, чтобы не укоренилась тамъ вѣра поганая, то Сигизмундъ задумалъ погубить меня, и уже успѣлъ, какъ я извѣстился, склонить на свою сторону полководца моего Рожинскаго и всѣхъ Поляковъ, находящихся въ моемъ станѣ. Къ вамъ, Калужане, я обращаю слово: отвѣчайте, хотите ли быть мнѣ вѣрны? Если вы согласны служить мнѣ, я пріѣду къ вамъ и надѣюсь, съ помощію св. Николая, при усердіи многихъ городовъ, мнѣ присягнувшихъ, отмстить не только Шуйскому, но и коварнымъ Полякамъ. Въ случаѣ же крайности, готовъ умереть съ вами за вѣру православную: не дадимъ только торжествовать ереси: не уступимъ королю ни двора, ни кола, а тѣмъ менѣе города или княжества!» *)

---

*) Русс. худ. лист. В. Тимма. 1860 г. зтр. 95.

Жители Калуги явились въ монастырь съ хлѣбомъ-солью, приняли Димитрія въ городѣ съ торжествомъ, дали ему домъ воеводы Скотницкаго, что нынѣ мѣщанина Коробова (см. рисунокъ) и окружили его царскою пышностію.

Послѣ его отъѣзда, въ Тушинѣ, Русскіе Тушинцы вступили въ конфедерацію съ Польскимъ войскомъ, обязываясь взаимно не оставлять другъ друга и не приставать ни къ бѣжавшему царику, ни къ Шуйскому и его братьямъ. Послали съ переговорами къ королю Сигизмунду.

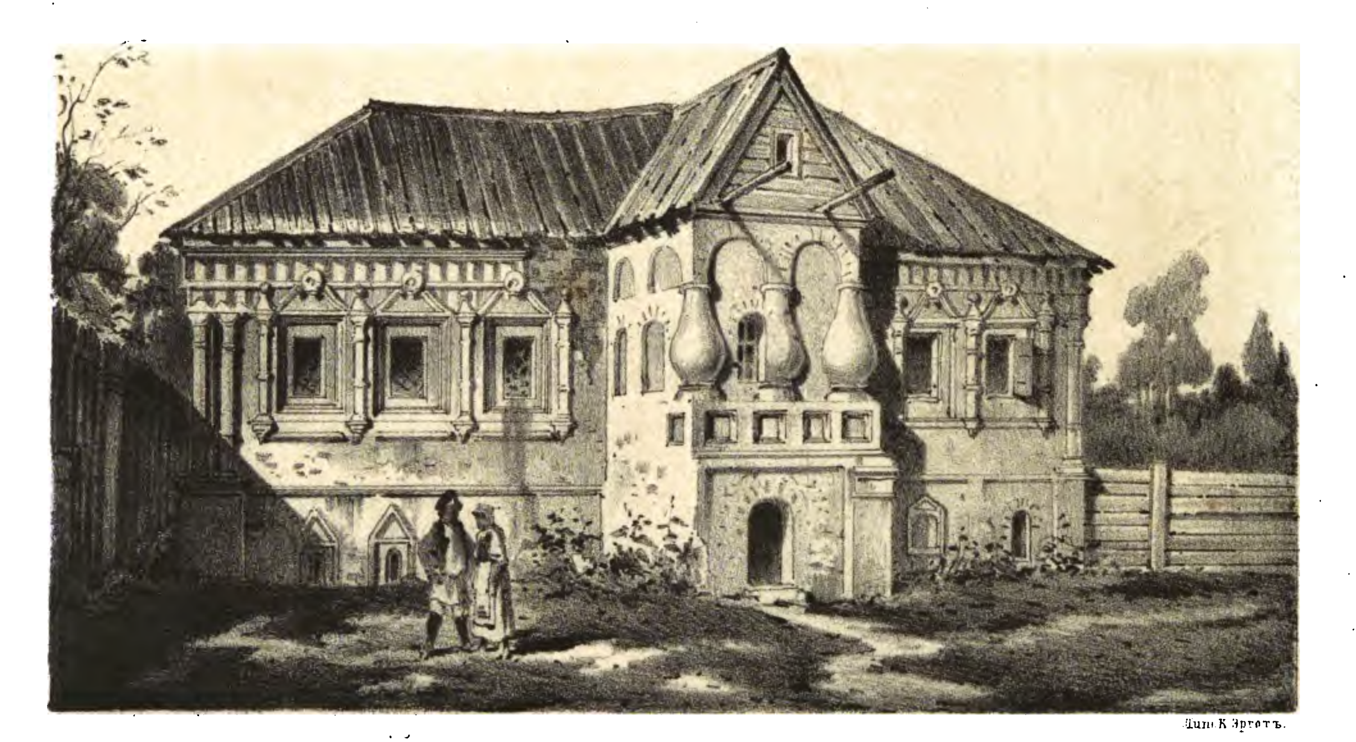
31 января 1610 года послы отъ Русскихъ Тушинцовъ были торжественно представлены королю, а 4 февраля подписали постыдныя условія о 18 пунктахъ—о возведеніи царевича Владислава на престолъ царства Русскаго, а пока о повиновеніи наияснѣйшему королю Польскому и великому князю Литовскому Жигимонту Ивановичу. Что же дѣлала Марина?

Послѣ отъѣзда Самозванца, она пыталась просить у польскихъ начальниковъ войскъ, позволенія ѣхать къ мужу. Ей лично не отказали, но запретили кому бы то ни было сопровождать ее, — она просилась въ Можайскъ, чтобъ ждать тамъ королевскаго пріѣзда, и въ этомъ отказали. Тогда она рѣшилась на поступокъ странный, но объясняемый ея страстною природою; блѣдная, рыдающая, съ распущенными волосами, явилась среди рыцарства и ходя изъ ставки въ ставку убѣждала не покидать ея мужа. Смятеніе въ Тушинскомъ станѣ, возбужденное удаленіемъ Лжедимитрія, усилилось еще болѣе: жолнеры кричали, что королевскіе послы обманули ихъ, удаливъ Димитрія, что теперь уже не отъ кого ожидать имъ награды за-

служенной. Донскіе казаки подъ предводительствомъ Трубецкаго и Засѣкина отправились къ Калугѣ, не слушая атамана Заруцкаго. Но Польскіе старшины бросились за казаками въ погоню, настигли ихъ и разбили на голову, а рыцарство свое удержали въ повиновеніи. Маринѣ не оставалось болѣе ничего, какъ покинуть Тушино. 11 февраля 1610 года она убѣжала изъ лагеря, верхомъ, въ гусарскомъ платьѣ, въ сопровожденіи служанки и нѣсколькихъ сотенъ Донскихъ казаковъ. Въ монастырѣ Іосифа Волоколамскаго она встрѣтилась съ братомъ, уѣхавшимъ за нею изъ Тушина и здѣсь она призналась ему, что была тайно обвѣнчана съ *царикомъ*. Они пробрались въ Дмитровъ къ Сапегѣ; но видя, что и его положеніе не безопасно (Сапѣга былъ осажденъ значительнымъ отрядомъ, принадлежащимъ къ войскамъ Скопина-Шуйскаго и едва отбивался отъ нападеній непріятеля), Марина отправилась въ Калугу къ Самозванцу. Она ѣхала попеременно то въ саняхъ, то верхомъ, переодѣтая въ мужскомъ польскомъ кафтанѣ изъ краснаго бархату, вооруженная пистолетами и саблею. Проскакавъ 48 нѣмецкихъ миль, она достигла Калуги ночью, послѣ заутрени и назвала себя Дмитріевымъ каморникомъ, *) привезшимъ важное извѣстіе, котораго никому, кромѣ царя, сообщить не можетъ. Лже-Димитрій тотчасъ догадался, велѣлъ казакамъ отворить городскіе ворота и впустить мнимаго каморника. Марина, подъѣхавъ къ крыльцу, соскочила съ коня и всѣ увидали царицу! Пріѣздъ ея произвелъ радость неизъяснимую между приверженцами Самозванца. При Маринѣ пріѣхала только одна Полька,

---

*) Каморникъ,—спальникъ, чертожникъ, постельничій.



ДРЕВНІЙ ДОМЪ МѢЩАНИНА КОРОБОВА ВЪ КАЛУГѢ.

старая панья Казановская; въ Калугѣ Марина «учредила при себѣ новый штатъ изъ Нѣмокъ, которыя не могли нахвалиться ея благосклонностію». *)

Рожинскій, послѣ бѣгства Марины, уговаривалъ короля поскорѣе прибыть въ Тушино, но король не двигался изъ подъ Смоленска и не высылалъ въ Тушино никого для переговоровъ. Рожинскій, узнавъ о приближеніи Русскихъ съ Скопинымъ-Шуйскимъ, въ первыхъ числахъ марта 1610 года, оставилъ съ Поляками Тушино и перешелъ къ Волоколамскому монастырю. Выходя онъ сжегъ станъ. Русскіе Тушинцы не пошли за Рожинскимъ, а поѣхали съ повинными, кто въ Москву, кто въ Калугу.

Такъ исчезло это разбойничье гнѣздо, стоившее Россіи столькихъ бѣдствій и крови!

4 апрѣля 1610 года Рожинскій умеръ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Оставшіеся Поляки были выгнаны 21 мая изъ монастыря Русскими войсками и въ это время Русскіе освободили изъ плѣна Ростовскаго митрополита Филарета Никитича Романова. Онъ возвратился въ Москву.

Самозванецъ пріѣхалъ въ Калугу, былъ принятъ съ хлѣбомъ и солью и окруженъ царскою пышностію; сюда къ нему присоединились князь Шаховской изъ Царева-Займища съ казаками. Съ Тушинскими бѣглецами-Поляками его войско усилилось до 6.200 человѣкъ.

Узнавъ о страшной смерти князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, о томъ, что въ Москвѣ нѣкоторые склонны къ нему, царику Калужскому, болѣе нежели къ Владиславу, котораго отецъ не отпускалъ

*) См. Рус. худ. лист. В. Тимма 1860 г. стр. 95.

еще въ Россію, онъ двинулся къ Москвѣ и остановился у села Коломенскаго.

Тогда начались въ Москвѣ смуты и волненія небывалыя. Служилые люди вели переговоры съ полками Тушинскаго вора и условливались, что Тушинцы отстанутъ отъ своего *царика*, а Москвичи сведутъ съ престола своего царя и возведутъ на престолъ царевича Владислава. Согласились.

Москвичи исполнили свое слово—свергнули Шуйскаго, но Тушинцы обманули и отвѣчали съ насмѣшкою: «Вы не помните государева Крестнаго цѣлованія, потому что царя съ царства ссадили, а мы за своего померетъ ради».

Тяжело было положеніе Русскаго царства: Польскій король подъ Смоленскомъ, Гетманъ Жолкѣвскій въ Можайскѣ, а Тушинской воръ въ Коломенскомъ. Лучшимъ Русскимъ Московскимъ людямъ не хотѣлось ни покориться вору, ни разорить Православную Христіанскую вѣру царемъ латинскимъ. Имѣли они въ виду и своихъ двухъ кандидатовъ на царскій престолъ: Князя Василія Васильевича Голицына и четырнадцатилѣтняго Михаила Θеодоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича, но обстоятельства заставили Москву измѣнить этимъ душевнымъ желаніямъ, притомъ и нѣкогда было созывать соборъ для выбора царя всею землею; приходилось выбрать или Владислава, или Тушинскаго вора. У Самозванца были приверженцы въ нижнихъ слояхъ, но бояре и лучшіе люди предвидѣли, что воръ съ своими казаками и *шпынями* городскими, не пощадитъ ихъ имѣній, разграбитъ ихъ, и бояре и лучшіе люди рѣшили призвать на царство Владислава. Образовались двѣ партіи: Захаръ Ляпуновъ былъ на

сторонѣ Лжедимитрія и хотѣлъ впустить Самозванцево войско въ Москву. Мстиславскій былъ на сторонѣ Владислава и послалъ сказать Жолкѣвскому, чтобъ онъ шелъ немедленно въ столицу. Въ одно время и Самозванецъ и Жолкѣвскій подходили къ Москвѣ; но первый былъ отбитъ 24 іюля Мстиславскимъ. Жолкѣвскій въ этотъ день уже стоялъ въ семи верстахъ отъ Москвы на лугахъ Хорошевскихъ. Начались переговоры: Жолкѣвскій обѣщался прогнать Самозванца. 27 августа на половинѣ дороги отъ польскаго стана къ Москвѣ, Московскіе жители присягнули Владиславу, на другой день присягали въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи патріарха. Жолкѣвскій черезъ Сапѣгу предложилъ Самозванцу изъявить покорность Сигизмунду и въ такомъ случаѣ обѣщалъ выпросить ему у Польскаго правительства Самборъ, или Гродно въ кормленіе. Самозванецъ, или, лучше сказать, жена его Марина, находившаяся тогда съ нимъ въ Угрѣшскомъ монастырѣ, не хотѣла слышать ни объ какихъ условіяхъ. Марина отвѣчала гордо: «пусть его величество король уступитъ его величеству царю Краковъ, тогда его величество царь отдастъ королю Москву». Жолкѣвскій составилъ планъ захватить въ расплохъ Самозванца въ монастырѣ; но Самозванцу приверженцы его Московскіе дали знать своевременно объ этомъ и онъ успѣлъ бѣжать съ женою въ Калугу.

Здѣсь онъ былъ убитъ крещенымъ татариномъ Петромъ Урусовымъ 11 декабря 1610 года, изъ мести за казнь Самозванцемъ Касимовскаго царя, обвиненнаго передъ нимъ собственнымъ сыномъ въ желаніи вернуться къ Сигизмунду.

Марина, узнавъ о страшномъ убійствѣ своего мужа, бросилась по городу съ рыданіями и воплями, требуя

мести за Димитрія. Донскіе казаки кинулись на Татаръ и перерѣзали до 200 человѣкъ. Но за тѣмъ Калужане приняли присягу Владиславу, а Марину взяли подъ стражу. Сапѣга двинулся къ Калугѣ и предложилъ переговоръ; въ это время, 20 декабря 1710 года, какой-то крестьянинъ принесъ ему письмо отъ Марины, она писала: «Освободите, ради Бога, освободите. Мнѣ даютъ жить только двѣ недѣли. Вы славны, будьте еще славнѣе, спасая несчастную; милость Божія будетъ вамъ вѣчною наградою». Но Сапѣга простоялъ еще день подъ Калугою и отошелъ назадъ. *)

Вкорѣ опасное положеніе Марины миновалось. У нея родился сынъ Иванъ; она, изъ честолюбивыхъ замысловъ, измѣнила своей вѣрѣ и крестила его по обрядамъ Православной Церкви. У Калужанъ явился такимъ образомъ свой царевичъ, православный царевичъ, и во главѣ новыхъ его приверженцевъ и Марины сталъ атаманомъ Донскихъ казаковъ Иванъ Мартыновичъ Заруцкій. Въ 1611 году Заруцкій вмѣстѣ съ Ляпуновымъ и княземъ Трубецкимъ былъ во главѣ ополченія, собиравшагося противъ Поляковъ, которые жгли Москву и неистовствовали къ нашемъ отечествѣ въ это страшное, смутное время. Но это ополченіе не состоялось, потому что казаки и вольница, которыми руководилъ Заруцкій, не думали объ общемъ дѣлѣ спасенія отечества, а только о своихъ выгодахъ, грабили и раззоряли по городамъ и областямъ. Въ 1612 году составилось второе ополченіе подъ начальствомъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, и когда оно шло къ Москвѣ, За-

---

*) Статья г. Попова изъ жизни Марины Мнишекъ, Моск. Вѣд. 1857 г. № 106.

руцкій, недождавшись прихода его, изъ Коломны, вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ бѣжалъ, разгромивъ городъ, въ Рязанскую область. Черезъ Михайловъ, Переяславль, Заруцкій перешелъ въ Дѣдиловъ, Епифань, Крапивну, Чернь, Ливны, Лебедянь и другіе Украинскіе города, убивая воеводъ, сожигая города.

Въ началѣ 1613 года Москва освобождена отъ Поляковъ и на царство избранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Тогда послали противъ Заруцкаго и Марины Суздальское, Тульское, Рязанское и Владимірское ополченія. Казаки Заруцкаго, услышавъ объ избраніи на престолъ царя Михаила, толпами оставляли его и отъѣзжали въ Москву. Заруцкій съ Мариною и съ оставшимися при немъ казаками направился къ Воронежу. Здѣсь настигли его царскіе воеводы. Послѣ кроваваго сраженія, Заруцкій отбился отъ Московскаго ополченія, и потерявъ обозъ и знамена, бросился за Донъ къ Астрахани, овладѣлъ ею съ помощію Нагайскихъ татаръ, и провелъ тамъ зиму, не тревожимый царскими войсками.

Въ Астрахани Заруцкій распоряжался съ жестокостію какъ разбойникъ: умертвилъ воеводу князя Ивана Дмитріевича Хворостинина; многихъ добрыхъ людей, священниковъ, монаховъ казнилъ и «сажалъ въ воду,» имущество ихъ грабилъ; изъ серебрянаго кадила, взятаго имъ въ Троицкомъ монастырѣ, сдѣлалъ себѣ стремяна; своимъ сотоварищамъ, служилымъ людямъ, вмѣсто жалованья, раздавалъ житницы, лавки и амбары въ гостинномъ дворѣ, лѣсъ, приготовленный для строенія судовъ. Марина жила здѣсь же и разсказывали, что она не велитъ въ колокола къ заутрени рано благовѣстить и звонить, «отъ звону де сынъ полашается.» За-

руцкій сносился съ Персидскимъ Шахомъ, обѣщая ему отдать низовье Волги, сносился съ кавказскими князьями, съ турецкими властями въ Азовѣ; взялъ у Нагайскаго князя Иштерека и его мурзъ аманатовъ, а въ замѣнъ далъ имъ женъ и дѣтей тѣхъ Астраханскихъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, служилыхъ и жилецкихъ людей, которые служили царю. Нагайцы условились съ нимъ идти весною по Волгѣ подъ Самарской и подъ Казань. Заруцкій надѣялся, что, пока еще соберутся Московскіе люди противу него, онъ успѣетъ и Самару взять и надъ Казанью «промыслъ учинить.» Онъ полагался на приверженцевъ Астраханцевъ, но между ними уже много было недовольныхъ и враговъ, какъ за его жестокость, такъ и по убѣжденію царскяхъ грамотъ, изъ Москвы разосланныхъ въ мартѣ 1613 года.

На вербной недѣлѣ пришли къ Заруцкому Волжскіе казаки, около 500 человѣкъ, взяли у него жалованье и стали на Яру. Заруцкій, съ помощію ихъ, хотѣлъ перебить Астраханскихъ служилыхъ людей и жителей, не оказывавшихъ особенной преданности дѣлу, для этого онъ хотѣлъ выслать семсотъ человѣкъ служилыхъ людей Астраханскихъ на море, а триста человѣкъ въ Карабазу, а остальныхъ, въ заутреню на Свѣтлое Воскресенье убить и утопить, а имущество ихъ разграбить. Узнали объ этомъ Астраханскіе жители и на Страстной недѣлѣ въ среду въ городѣ завязался бой. У Заруцкаго было всего восемсотъ человѣкъ, Астраханцевъ насчитывалось до трехъ тысячь. Но Заруцкій засѣлъ въ каменномъ городѣ и громилъ Астраханцевъ въ посадѣ; на помощь къ послѣднимъ пришли Терскіе служилые люди съ Стрѣлецкимъ головою Василіемъ Хохловымъ, а вскорѣ ожидали прибытія царскихъ воеводъ; Заруцкій не

дождался ихъ, выбѣжалъ изъ городу 12 мая, ночью, вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ, и сталъ вверхъ по Волгѣ на Нагайской сторонѣ. 14 мая Заруцкій съ своими товарищами и съ Мариною побѣжалъ Волгою къ морю; когда струги его поравнялись съ городомъ, то Хохловъ напалъ на него, побилъ много казаковъ, многихъ взялъ въ плѣнъ, въ числѣ послѣднихъ попалась, панья Казановская та самая, которая, какъ мы видѣли выше, сопровождала Марину изъ лагеря Сапѣги въ Калугу. Вскорѣ Заруцкій повернулъ опять вверхъ въ мелкіе притоки Волги въ гребныхъ стругахъ съ своими приверженцами Волжскими казаками.

1 іюня царскіе воеводы прибыли въ Астрахань и немедленно послали въ погоню за Заруцкимъ стрѣльцовъ и казаковъ въ разныя стороны. 24 іюня стрѣлецкіе головы Пальчиковъ и Онучинъ настигли бѣглецовъ на Яикѣ въ Медвѣжьѣ городкѣ; осажденные въ этомъ городкѣ казаки 25 іюня сдались стрѣлецкимъ головамъ и приняли присягу царю Михаилу Ѳеодоровичу, а «вора Ивашку Заруцкаго и Маришку и сына ея Ивашка» выдали Пальчикову и Онучину. 6 іюля плѣнныхъ привезли въ Астрахань, а 13 отправили въ Казань; для охраненія Марины съ сыномъ назначено было 600 стрѣльцовъ, а для охраненія Заруцкаго 230. Велѣно было: «везти Марину съ сыномъ и Ивашка Заруцкаго съ великимъ бережьемъ, скованныхъ, и по станомъ ставиться усторожливо, чтобъ на нихъ воровскіе люди безвѣстно не пришли. А буде на нихъ прійдутъ откуды воровскіе люди, а имъ будетъ они въ силу, и противъ ихъ стояти и надъ ними промышляти, сколко милосердый Богъ помоги подаетъ; а будетъ чаяти тѣ воровскіе люди будутъ имъ сильны, и Марину съ

в......и Ивашка Заруцкаго побити до смерти, чтобы ихъ воры живыхъ не отняли.» *)

Въ Москвѣ Заруцкій былъ посаженъ на колъ, а сына Марины повѣсили. Объ ея же собственной участи сохранилось только извѣстіе лѣтописца «а Марина умре на Москвѣ.» **)

Такъ кончилась судьба Марины Мнишекъ, этой необыкновенной женщины, у которой всѣ душевныя силы, вся дѣятельность жизни направлены были къ одной цѣли: возвратиться на царскій престолъ, на который она посажена была первымъ ея мужемъ, первымъ Лжедимитріемъ, Гришкою Отрепьевымъ. Второй ея мужъ, Тушинской воръ, оставилъ по себѣ тяжелую память въ нашей отечественной исторіи, а тамъ, гдѣ съ Поляками онъ стоялъ подъ Москвою обширнымъ станомъ, откуда посылалъ грамоты народу Русскому, гдѣ былъ цѣлый городъ, куда пріѣзжали до трехъ тысячъ Польскихъ купцовъ, гдѣ ликовали Поляки на деньги Русскія — тамъ зеленѣютъ теперь поля крестьянскія, безмолвствуетъ сельская тишина, и бороздитъ спокойно плугъ хлѣбопашца ту землю, гдѣ такъ много пролито крови Русской. Осталась только часть вала, которая окружала станъ *Тушинскаго вора.* Тамъ же на лугу, за Москвой рѣкой, преданіе говоритъ, раскинуты были шатры Литовскіе, и луга сохранили прозваніе «Литвинова луга». Недалеко отъ монастырскаго пруда, на берегу рѣки Всходни противъ возвышенности, гдѣ былъ расположенъ Тушинской лагерь, одинокой, едва зеле-

---

*) Акты Истор. Т. 3. № 36.

**) Лѣтопись о многихъ мятежахъ стр. 285. Никон. лѣт. ч. VIII. стр. 213.

нѣющій стоитъ старый дубъ; не одно столѣтіе прожилъ онъ, вершина его засохла и какъ бы въ щепахъ, снизу отъ земли широкое дупло проходитъ до самой вершины. Можетъ быть онъ былъ свидѣтель того страшнаго времени, когда около него кипѣли толпы нашихъ враговъ пришельцевъ-Поляковъ, раздавались и пѣсни ликующаго рыцарства, громъ пушекъ, стонъ умирающихъ; подъ тѣнистыми вѣтвями его лилась кровь Русскихъ, а теперь разбитый грозою, полуживой, онъ даже не приноситъ тѣни и пастуху деревенскому; все кругомъ тихо, воображеніе рисуетъ въ туманѣ стѣны, башни Тушинскаго стана, зданія, палатки, предъ глазами являются призраки и Польскихъ рыцарей и Русскихъ измѣнниковъ отечеству, сподвижниковъ самозванцу, тутъ и Московскіе люди, бѣжавшіе отъ Шуйскаго, и удалые казаки и весь сбродъ съ Приволжья и Украйны. Жизнь и страсти въ полномъ разгарѣ. Тамъ, за извилистою Москвою рѣкою бѣлокаменная Москва, сердце Россіи, ея могущество, ея сила, на нее вооружились всѣ эти полчища, она сокровище, которымъ постоянно хочется владѣть Полякамъ и поработить землю Русскую. Призраки изчезаютъ. Передъ глазами тоже Тушино и Спасское, но они манятъ глазъ своими зеленѣющими полями и лугами, спокойно живутъ поселяне подъ покровомъ Божіимъ, подъ защитою законнаго Православнаго Царя-Освободителя и памяти между ними о Тушинскомъ ворѣ не осталось. Гора, гдѣ онъ стоялъ и теперь гора Царикова.

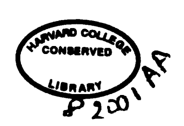
Село Тушино и Спасское до 1764 г. принадлежали Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, но въ этомъ году при отобраніи монастырскихъ имѣній по всей Россіи въ казну, поступило въ завѣдываніе Коллегіи Экономіи;

въ настоящее время они состоятъ въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о церкви бывшаго Спасо-Преображенскаго монастыря, въ послѣдствіи приходской села Спасскаго, сообщены намъ А. И. Касаткинымъ. Историческія свѣдѣнія о Тушинскомъ ворѣ извлечены преимущественно изъ Исторіи Россіи Соловьева т. 8., изъ Смутнаго времени Бутурлина, изъ статьи г. Попова въ Моск. Вѣд. 1857 г., изъ Русскаго худож. листка, В. Тимма. 1860 г. и изъ другихъ источниковъ.

Дозволено цензурою. Москва, 11 Ноября 1878 года.

Типографія Т. Рисъ, Старая Басманная, домъ Мараева.


HARVARD COLLEGE
CONSERVED
LIBRARY